

ВАЛЕРИЙ
ГОРШКОВ

АЛЪЯНС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Горшков

Альянс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54860670

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-93011-7

Аннотация

Пятнадцатилетний Джейсон Форс теряет родителей. Выяснить, как это произошло, не способна даже полиция. Мальчик, его окружение, родные город Рош-Аинд и Республика Дайяр, да и весь мир оказываются заложниками целей мегакорпорации Emersize Industry. Её руководство не остановится ни перед чем. Как и создатель вселенной Нус, предпринявший в Глобальном плане все действия, слова и мысли людей. За исполнением Плана следят незримые Координаторы, некоторые из которых не согласны с уготованной человечеству участью...

Содержание

Предисловие	7
Пролог	9
Первая бабочка: Причина	9
Вторая бабочка: Протест	11
Третья бабочка: Пришествие	13
Эпизод первый: Вертиго[3]	26
1	26
2	31
3	39
4	45
5	50
6	69
7	80
8	83
9	92
10	97
11	101
12	106
13	115
14	125
15	131
16	140
17	157

18	170
19	171
20	173
21	175
22	179
23	185
24	188
25	191
26	194
27	200
28	206
Конец ознакомительного фрагмента.	216

Валерий Горшков

Альянс

Посвящается моим родителям – Николаю и Галине Горшковым.

*Ну да, конечно, господь бог неподражаем...
...Господь бог – просто шутник.
Большой шутник, он создал не мир,
А какую-то комическую оперу,
В которой стеклянный шар живёт дольше, чем ты.*

Славный мир и во главе поистине первоклассный бог.

Стивен Кинг «Мёртвая зона»

*...Как некий демон,
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу – воздвигнутся
чертоги...
...Мне всё послушно, я же – ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
сего сознания...*

Александр Пушкин «Скупой рыцарь»

*Но Бог, не так он прост, чтоб написать:
иди туда и сделай то и то-то.
Ты сам едва ли был бы рад*

сыграть марионетку-идиота.
Рэй Брэдбери «Я – мой главный труд»

*Наука вошла в ту фазу, когда она...
подтверждает, прямо или косвенно...ряд
положений религии.*

***Наталья Бехтерева «Магия мозга и лабиринты
жизни»***

Предисловие

Человек во все времена стремился познать мир вокруг себя и свою роль в нём. Он задавался вопросами и на пути поиска ответов наблюдал, исследовал, открывал, однако каждая разрешённая проблема ставила новые, более трудные задачи. История нашей цивилизации – нескончаемая игра в загадки с мирозданием, череда сменяющих друг друга суеверных представлений о природе жизни, впоследствии принявших форму религиозных и философских учений, на смену которым пришло научное познание. Игра, когда-то давно запущенная нашим предком, задавшим простой вопрос: «Зачем мы здесь?» Поиск ответа на эту первую загадку привёл нас сюда, в настоящее, путь в которое вымошен открытиями многих, но далеко не всех тайн мироздания. Кто знает, сколько ещё предстоит пройти по этому пути, прежде чем мы приблизимся к знаниям, необходимым для понимания сущности бытия. Одно известно точно – путь этот замкнут и бесповоротно приведёт человечество к точке старта. Наши потомки наконец получат ответ на вопрос далёкого предка. Нам же самим остаётся лишь принять непостижимость истины. Она недоступна для нас, но откроется им, если мы будем задавать правильные вопросы, если сумеем понять, что мы – лишь первая бабочка из старой персидской притчи:

«Три бабочки, увидев пламя свечи, принялись рассуждать

о природе огня. Одна, подлетев к пламени, вернулась и сказала: «Огонь светит». Другая подлетела поближе и опалила крыло. Прилетев обратно, она сказала: «Он жжётся!» Третья, подлетев совсем близко, исчезла в огне и не вернулась. Она узнала то, что хотела узнать, но уже не смогла поведать об этом оставшимся. Получивший знание лишается возможности говорить о нём, и потому знающий молчит, а говорящий не знает»¹.

Эту книгу нельзя назвать поучительной, но я надеюсь, что вашего интереса хватит, чтобы долететь до конца, что, прочитав её, вы найдёте для себя какую-то истину и сможете поделиться ею с другими. Эта история об истине и о том, как её порой сложно бывает найти.

Прежде чем вы приступите к прочтению первого эпизода, познакомьтесь с прологом, состоящим из трёх «бабочек», каждая из которых подлетает чуточку ближе к правде, чем предыдущая. Прислушайтесь, как они порхают, и они помогут вам понять подоплёку происходящего.

¹ Персидская притча.

Пролог

Первая бабочка: Причина

Дети всегда любили играть со спичками и продолжали делать это, пока кто-нибудь из них не обжигался. А как только это происходило, они понимали, что это не такое уж и безопасное занятие. Такова человеческая природа. Сейчас люди слишком заигрались в науку, и хоть она всё ещё не предоставила им серьёзного урока, рано или поздно кто-нибудь обожжётся и на этом. Я бы не заговорил на эту тему сейчас, если бы не был точно уверен в том, что искорка уже отделилась от серной головки и летит в глаз ничего не подозревающего ребёнка. Но почему-то мне кажется, что в этот раз никто и не подумает останавливаться, а наоборот, захочет во всём разобраться, предпринимая всё новые и новые попытки. Пока ещё не стало слишком поздно, я возьму на себя смелость схватить нерадивое дитя за руку, не дав ему открыть эту маленькую коробочку, которая на самом деле является чем-то большим, нежели просто умело склеенным куском картона. Если бы я знал с самого начала, что своими исследованиями открываю не только направление, в котором будет

суждено двигаться науке, но и ящик Пандоры, то никогда бы не стал учёным. Мне остаётся только тешить себя тем, что я всего лишь приподнял крышку и её ещё не поздно захлопнуть, придавив чем-нибудь тяжёлым. Часть своих архивов я уничтожил, но мне, к сожалению, не под силу избавиться от того, что по своему безрассудству я передал человечеству. Теперь я могу только уповать на ваше понимание, поэтому прошу вас прекратить все исследования эфира ², стереть всё уже сделанное в этом направлении и никогда, слышите, НИКОГДА не возвращаться к тому, что уничтожит всех вас. Меня оно уже уничтожило. Я бы хотел сказать: «Пусть вас не пугает вид моего тела», но это не тот случай. Пусть он вас пугает, вы должны бояться, должны знать, что будет, если продолжите движение тем же курсом. Прошу вас ещё об одном. Как только найдёте то, что от меня останется, – тут же сожгите вместе с помещением. Опасно может быть не то, что вы увидите, а то, чего не заметите.

Альфред Лейндж

² Эфир – сверхплотная среда, заполняющая вселенную, выступает в роли посредника взаимодействия в его физическом смысле. Магнетизм, свет, электромагнитные волны, радиация, тепловое излучение, гравитация и сама материя – не что иное, как различные проявления эфира.

Вторая бабочка: Протест

Дрожь тела, связанная с резким выбросом адреналина, утихла в тот самый момент, когда шестицилиндровый двигатель яростно взревел под капотом. Теперь жизнь его жены и ещё не родившегося ребёнка была в его мокрых от пота и скользких по рулевому колесу руках. Он знал – им не успеть. До ближайшей больницы двадцать минут езды. Однако рассказывать об этом жене было явно не самой лучшей идеей. Напротив, он хотел сделать всё возможное, чтобы её успокоить, хотя знал, что она и сама всё прекрасно понимает. От чувства безысходности, накатывающего периодическими волнами, страх становился просто невыносимым. И как он ни старался, ему не удавалось отогнать ужасные мысли о мёртвом младенце с обмотавшейся вокруг шеи пуповиной, истекающей кровью жене, захлопывающейся перед его лицом двери отделения реанимации, докторе, говорящем: «Если бы вы приехали минутой ранее, её и ребёнка удалось бы спасти».

– Не волнуйся, дорогая, всё будет хорошо. Потерпи ещё немного, – скорее для собственного успокоения сказал он. – Скоро доедем, тебя примет самый лучший доктор. Вот увидишь. Я там всех на уши подниму. Дорогая? Малышка, не молчи, – севшим от волнения голосом проговорил он.

Развернувшись, он увидел, что его жена сидит, присло-

нившись виском к стеклу. Бледная. Неподвижная. Только тяжело поднимавшаяся грудь выдавала в ней жизнь.

– Держись, милая... Держись и ты, малыш, – промолвил он и до упора вдавил педаль газа.

Третья бабочка: Пришествие

Окраина Нью-Йорка встретила Отто воем ветра с непроглядной пургой. Снежные хлопья на лету оборачивались кашницей и тяжёлыми гроздьями липли к запотевшим стёклам его очков, а раскисшая бесцветная масса разъезжалась под ногами, заполняя туфли ледяной водой, хотя он этого уже не чувствовал. Глядя на адресную табличку, он в очередной раз вынул из кармана блокнот. Озябшие пальцы не слушались, и ему никак не удавалось найти нужную страницу. Хмурый прохожий в рваном пальто задел его плечом. Записная книжка шлёпнулась вниз страницами прямо под ноги худосочному мужчине. Несколько ног втоптали книжку в талый снег, прежде чем Отто успел за ней наклониться. Чернила поплыли. Теперь ни о каких самостоятельных поисках не могло быть и речи. Старик сунул вздувшийся блокнот обратно в карман и, прижимая ладонями к щекам хлябкий воротник лёгкого плаща, заторопился к едва видимому сквозь снегопад кафе.

Только оказавшись внутри, он понял, насколько сильно продрог – холод пробрался до самых костей, сковал суставы, обездвижил мышцы и теперь рвался наружу, разрывая одревесневшую старческую плоть. Отто подковылял к батарее, положил на неё ладони и отдёрнул с улыбкой. Горячо.

– Промозглый денёк, – сказала молодая официантка, не

то приветствуя, не то справляясь о погоде.

– Не бог весть что, – ответил Отто, расстёгивая плащ непослушными пальцами.

– Высушить?

– А далеко ли отсюда клиника?

– В конце улицы.

– Тогда не стоит, благодарю. Чаю, пожалуйста. – Он повесил пальто на вешалку и уселся за столик, положив перед собой блокнот.

Большая часть записей в нём никуда не годилась. Адреса, номера телефонов, рабочие пометки – всё, что могло выручить его в незнакомом городе, превратилось в синие симметричные кляксы, произвольно напоминая Отто тесты Роршаха. Он поймал себя на мысли, что, листая страницы, уже давно не пытался разобрать написанное, а лишь подмечал свои ассоциации. Мельница. Бабочка. Дымящийся самолёт...

Самолёт. Всего каких-то три часа назад он был уверен, что тот развалится в воздухе, когда пилоты направили его в самую гущу грозового облака. Да, с погодой творилось что-то неладное, и над океаном, и на суше. Отто представил, как землю окутывает, точно пожирает, огромная туча, и его передёрнула волна холода, пробежавшая по спине. Он перелистнул страницу и сверху очередного пятна увидел надпись: «Хамелеон». Где-то здесь раньше был написан адрес. Кто бы мог подумать, что в свои годы он примет предложе-

ние возглавить частную психиатрическую клинику в США?

Отто поглядел на свои морщинистые руки. Какой чёрт его дёрнул лететь на край света? Разменивая седьмой десяток, он привык не принимать от судьбы подарков, и вот тебе пожалуйста, как какой-то амбициозный мальчишка, оставил успешную частную практику ради высокой должности. А давно ли он был мальчишкой? Казалось, ещё вчера он садился в самолёт юнцом, и молодость пронеслась вместе с ним на всех парах сквозь этот злосчастный грозовой фронт, вынырнув в заснеженное небо Нью-Йорка изборождённой молниями морщин. Как стремительно ушло время.

Он посмотрел на лицо сквозь своё ставшее вдруг незнакомым отражение в стекле. За окном собирался туман, облизывая углы и стёкла соседних зданий, подступая к самой двери этого уютного заведения. Казалось, он вот-вот ворвётся внутрь.

– Ваш чай. – Официантка поставила перед ним чашку и небольшой керамический чайник. – Что-нибудь ещё?

– Нет, благодарю.

– Знаете, у вас очень странный акцент. Вы ведь не американец?

– Этого ещё не хватало.

– Европа?

– Не совсем...

Дверь распахнулась, и в кафе шагнул настоящий великан – ему пришлось наклониться, чтобы попасть внутрь. Стря-

хивая с плеч хлопья снега, лавинами слетавшие на пол, он двинулся мимо плотных рядов диванчиков, на ходу одёргивая пальто и высвобождая из складок остатки подтаявшей снежной массы. Когда он проходил мимо, Отто со своими почти двумя метрами роста почувствовал себя совсем коротышкой – до того уж незнакомец был огромен.

Официантка прервала разговор и тут же подлетела к великану.

Отто впервые как следует её разглядел: прекрасная девушка, естественная в своей красоте, без татуировок на спине, без металла в носу, без всего, что могло испортить эту естественность. А незнакомец на неё не взглянул, просто заказал кофе, игнорируя даже её бёдра, маняще покачивающиеся под шерстяными легинсами в снежинку. Отто проводил девушку взглядом. В подобные моменты ему казалось, что он не так уж и стар.

– Эй, снежинка, – крикнул какой-то парнишка, когда она проходила мимо, – что делаешь сегодня после работы?

– Таю, – ответила она, – но не в твоих ладошках.

По помещению прокатилась волна хохота и раздались пара одобрительных возгласов – поздним посетителям явно понравилась шутка официантки.

Великан подошёл к стоящему у стойки столику, за которым сидел мужчина, одетый в тесный чёрный пиджак преспевающего юриста. Не проронив ни слова, громила уселся на диванчик, заняв всю его ширину, и принялся расстё-

гивать неподатливые пуговицы песочного плаща. Пиджак не обратил на подсевшего к нему гиганта никакого внимания, точно тот уже сидел за этим столиком и просто отлучился куда-то на пару минут.

– Знаешь, в чём главная твоя проблема? – пробасил великан и сам ответил на свой вопрос: – В том, что ты слишком человечен. – Он принял кофе из рук официантки. – Благодарю. Ты носишь дорогой костюм, до блеска начищаешь туфли, часы наверняка стоят немало... Так удобнее?

Одежда его собеседника исчезла. Мужчина безразлично осмотрел себя и вновь ничего не ответил. Казалось, перемена во внешности не заставила его почувствовать себя неудобно, но сжавшиеся под столом пальцы ног дали ответ на вопрос великана.

– Вам что-нибудь ещё принести? – спросила у громилы официантка, не обращая никакого внимания на голого мужчину. Её не заинтересовали ни его неестественная жилистость, ни невероятно бледная кожа (настолько белая, что губы и соски казались бесцветными), ни даже отсутствие пупка – кожа живота незнакомца больше походила на пластик абстрактного манекена.

Он подал отрицательный знак рукой, и девушка удалилась.

– Когда ты успел забыть? Им всё равно, для них тебя не существует. Тебе не кажется, что ты начинаешь забывать своё предназначение? Всё, что от тебя требуется, Стивен, – чёт-

ко выполнять мои инструкции, вести людей, а не управлять ими. Но ты не справляешься даже с этим.

Стивен поправил галстук, одёрнул новый коричневый пиджак и только после этого посмотрел на великана.

– Блистательно, Роберт, – наконец заговорил он. Голос Стивена оказался низким, протяжным, словно кнопку воспроизведения на кассетном диктофоне зажали не до конца, и запись зазвучала в нормальном темпе, утратив верхние частоты. – Ты, конечно, лучше всякого знаешь, что нужно людям, но заметь, тоже пришёл сюда не голышом.

– Ошибаются все, но разница в том, что ошибочно составленный координатором локальный план я всегда смогу скорректировать без каких-либо последствий для системы в целом, а вот плохо функционирующий элемент системы рушит глобальный план до основания...

– И лишний раз подтверждает, насколько твой глобальный план безупречен. – Стивен, не шевелясь, точно кукла, неуклюже усаженная на диван, глядел на гиганта. – Роберт, в своих хлопотах о судьбе человечества ты, видно, забыл, что локальный план подопечного – забота его координатора. Тебе не следовало предопределять путь Джейсона. Он мой.

– Мальчику была уготована лучшая жизнь из возможных. – Громила обмакнул губы в кофе. – А ты отнял её у него. Мало того – у бесчисленного множества других, кому не посчастливилось жить в одно время с ним. Пожертвовал всеобщим благом ради собственных убеждений.

– Разве это чем-то отличается от твоих методов? Ты лишил меня моего предназначения, а я лишу тебя.

– Только ли меня? Оборванная твоим бездействием цепочка событий запустила необратимые изменения в системе. То, что произойдёт с Джейсоном, – лишь ничтожная часть всего хаоса. Уверен, для тебя самого стала неожиданностью возникшая вероятность исчезновения Джейсона после пятнадцати лет в одном из циклов. Это вероятное исчезновение мальчика будет связано с двумя другими людьми, чьи планы и координаторов, пока по неизвестной мне причине, я перестаю видеть в том же самом цикле. Вопрос только, в каком? – Роберт осторожно опустил кофейную чашку на блюдечко.

Отто отодвинул сахарницу и повернулся к мужчинам, в беседу которых уже пару минут пытался вникнуть, да как ни силился, не мог ничего толком разобрать – шум переполненного кафе скрывал большую часть сказанного. Старик не знал причины своего интереса к беседе двух незнакомцев, но назойливая мысль о неминуемой личной вовлечённости в последствия этого разговора не давала ему покоя.

– Что бы ни происходило с Джейсоном, от меня ему не скрыться, – сказал Стивен, – я закончу начатое, прежде чем ты успеешь осознать, каким образом взлелеянный тобой мир сгинул.

– Я уже понял. Джейсон объявится здесь, в этом цикле, в этом городе, повзрослевшим более чем в два раза. И всё из-за тебя. По той простой причине, что ты изменишь одну, на

первый взгляд совершенно безобидную идею, зародившуюся в голове маленького мальчика. Смотри. – Роберт указал на соседний столик, за которым сидели два подростка.

– Ты только представь, Лютер! Ты сможешь оказаться в любом месте, мгновенно, стоит лишь только захотеть.

– Для этого есть капсулы. Их и сейчас уже столько, что можно без труда добраться до любой точки планеты.

– Ты говоришь, как мой отец, а я совсем не об этом. Никаких капсул, никаких тоннелей, никакого времени. Достаточно просто... – и Джейсон щелчком пальцев отправил в полёт хлебный шарик, который мял на протяжении всего разговора.

– Это событие ничего не меняет, – пожал плечами Стивен.

– Пока что нет, и, быть может, даже в этом цикле нет, быть может, даже через десяток циклов события останутся неизменными и этот разговор забудется, но ведь данного диалога не было и в плане Лютера. Ты видишь только то, что происходит с Джейсоном. Лютер, как и весь глобальный план, для тебя скрыт, но я покажу, к чему это приведёт. – Роберт и Стивен вновь повернулись к столику, за которым минуту назад сидели двое мальчиков. Теперь место Лютера занимал взрослый мужчина. Мальчик поразительно был похож на него – настоящая маленькая копия.

– Отец Лютера, Пол Трейд, – учёный, – пояснил Роберт, – и как любой учёный, он пытается создать нечто революционное. Ваша с Джейсоном фантазия, Стивен, в дальнейшем

подаст ему замечательную идею. Он сможет разработать что-то такое, чего не могу предвидеть даже я, что-то, что поставит под вопрос целесообразность нашего с тобой существования. Как раз это изобретение и внесёт разлад в систему, которую я выстраивал на тысячелетия. Как ты, наверное, уже догадался, творение Пола в одном из циклов сыграет решающую роль в исчезновении Джейсона, а заодно уничтожит его координатора и координатора Лютера, что и позволит им обоим от меня скрыться.

На лице Стивена, до этого не выражавшего абсолютно никаких эмоций, проскользнуло нечто, отдалённо напоминающее удивление.

– Ты ведь на что-то подобное и рассчитывал? – спросил Роберт. – Единственное, чего я пока не могу предвидеть, – во что ты превратил идею мальчика.

– Ты этого никогда не узнаешь. Не допустить этого диалога нельзя.

– Не допустить этот разговор можно, – отрезал великан, – но предотвратить появление идеи в последующих циклах... Я не знаю. Соедини ты заданные точки согласно глобальному плану, идея, которую несёт Джейсон, смысл его существования, реализовалась бы в лучшей форме. Теперь же, с твоими нововведениями, она станет катастрофой для всего человечества.

– Bravo, Роберт, – сказал Стивен. – Умеешь пользоваться своим неоспоримым авторитетом среди координаторов, но

всё равно не сможешь мне помешать.

– Позволь быть с тобой предельно открытым. Я до самого конца буду присутствовать рядом с мальчиком и во всём разберусь, несмотря на твои выходки. Если потребуется – прослежу целую вечность из повторяющихся циклов и дождусь, пока эта идея посетит Джейсона, а потом...

– Я не дам тебе перезапустить Джейсона, – оборвал Стивен, – не позволю ему существовать по твоему идеальному плану.

– А я и не буду его трогать, – Роберт подался вперёд, – я перезапущу всю эпоху Джейсона, тем самым исключив появление твоей идеи из глобального плана.

– Почему же ты до сих пор не приступил к просмотру циклов?

– Если я упущу момент и Джейсон всё-таки перескочит из своего слоя в этот, ты окажешься рядом, и я уверен, попытаешься снова что-нибудь выкинуть, поэтому для начала мне следует подготовить всё к его приходу сюда.

– Как благородно с твоей стороны раскрыть карты сразу после того, как подглядел мои.

– Не вижу смысла скрывать их, раз уж вы неразрывно связаны с мальчиком. Тем не менее, чтобы ты ни предпринял дальше, всё закончится здесь. Ты проиграл. Так что будь добр подготовить их.

Окинув взглядом кафе, Стивен уселся поудобнее и вопросительно посмотрел на гиганта.

– Да, я собрал здесь их всех. Всех, кто может понадобиться. – Великан обернулся к Отто и поглядел ему прямо в глаза. – Даже в крайнем случае.

Старик от неожиданности дёрнулся, свалил со стола чайник, и тот взорвался осколками, разбрызгивая вокруг остатки заварки.

«Чайник... Джейсон...» – промелькнуло в голове Отто. Мысли метнулись в прошлое, но их что-то остановило. Старик вспоминал, но не мог осознать, что именно. Он поднял взгляд. Гигант, не отрывая от него глаз, провёл рукой над короткими завитушками волос, едва не касаясь их.

«Чайник... – повторил Отто. – Как звали того мальчика?»

Он вспомнил упражнение, которым пользовался в молодости для укрепления памяти, и тут же начал его применять – мысленно восстанавливал события прошедших дней, намереваясь дойти до того момента, когда...

Великан снова повторил движение, точно стараясь стряхнуть что-то с головы.

«Как я здесь оказался?» – Отто потерянно забегал глазами по помещению, заметил говорящего что-то в центре кафе мужчину в тесном коричневом пиджаке преуспевающего юриста, затем столкнулся взглядом с гигантом, едва уместившимся на двухместном диване. Тот улыбнулся и обернулся к Пиджаку. Отто последовал его примеру.

– Прошу у всех минуточку внимания, – произнёс Пиджак, и пространство вокруг подёрнулось лёгкой дымкой, в то вре-

мя как телевизоры, транслирующие хоккейный матч East – West, внезапно смолкли.

Все в едином порыве обернулись на голос. Отто это синхронное действие напомнило сцену из какого-то фильма про роботов, беспрекословно исполняющих команды человека. «ОДИН ИЗ НАС, – скандировали роботы, – ОДИН ИЗ НАС». И люди вокруг, как те роботы, были готовы в одну глотку отвечать на вопросы, поставленные Пиджаком.

– Нам понадобится ваша помощь.

Роботы неподвижно глядели на него, обрабатывая полученную информацию: «ВАМ НУЖНА ПОМОЩЬ, СЭР?»

– Прошу всех подойти, – сказал он. И все подошли. Отто тоже, наблюдая за происходящим из своего теперь неподконтрольного тела, точно во сне, и как во сне помещение постепенно заполнял туман, смазывая очертания предметов.

«Что вам нужно от нас?» – попытался спросить старик, глядя на гиганта, но его губы даже не разомкнулись. Однако незнакомец каким-то образом услышал его, Отто был в этом уверен – догадался по тому, как тот вновь улыбнулся.

Пиджак посторонился, и великан занял его место перед идеальным полукругом посетителей кафе. Только сейчас Отто осознал, как много людей для столь позднего часа заглянуло в это заведение.

– От вас нам нужно совсем немного, – он понизил голос, – запомните наши имена...

Туман хлынул внутрь и поглотил всё, и в этом тумане От-

то слышал только далёкое эхо, раз за разом повторяющее два имени, словно коды, так необходимые роботам, чтобы в особом случае сообразить, что нужно делать.

– Роберт Эклс... Стивен Лостмен... Роберт Эклс... Стивен...

Эпизод первый: Вертиго³

1

Обнаруживаю себя посреди только недавно отремонтированной кухни нашего дома. Совершенно не помню, как сюда попал и зачем вообще здесь нахожусь. Передо мной закрытая дверца холодильника, на которой светится чернильный дисплей с календарём. Маркер выделяет 15 июня 2008 года. Уверен, что вижу эту дату не впервые.

«Быть может, сон, а может, и нет, – проносится в голове в то время, как правая рука непроизвольно тянется ущипнуть предплечье левой. – Боль или её отсутствие безошибочно укажут на природу происходящего. В реальности рефлекс не позволяют человеку по-настоящему сильно себя ударить или задержать дыхание насмерть, максимум – до потери сознания. Есть ли тут какая-то связь с отсутствием боли при попытке поранить себя во сне? А почему тогда мозг во время сна не блокирует другие источники боли?» Пока задаюсь этими вопросами, забываю следить за собственными ощущениями. Опускаю взгляд и вижу сомкнувшиеся на коже пальцы. Боли нет. Я уже ущипнул себя? Видно, это дей-

³ Вертиго (англ. Vertigo) – головокружение.

ствительно сон.

Слышится шорох с левой стороны, затем с правой. Что-то пролетает над самым ухом и теряется в полумраке. Подхожу к выключателю, зажигаю свет. Под потолком вспыхивает одинокая лампочка без абажура, к которой тут же устремляется огромная бабочка. Чешуйчатые крылышки переливаются всеми цветами радуги. Насекомое начинает кружить по спирали, поднимаясь к свету и вновь опускаясь.

«Нужно её поймать и выпустить на улицу».

Хватаю со стола пустой заварочный чайник, откидываю в сторону крышку и подтаскиваю стул, пристраиваю прямо под лампочкой. Взбираюсь на него и пытаюсь схватить чайником бабочку. Руки дрожат, но всё же цепко сжимают округлые фарфоровые бока. Несколько неудачных попыток оканчиваются победой – накрываю насекомое своей ловушкой, прислонив отверстие к потолку. Пленница начинает отчаянно биться внутри, скребя крылышками керамические стенки. Подношу ладонь к чайнику и преграждаю бабочке путь на свободу. Крылья щекотно бьют по коже. В этот момент лампочка раскаляется едва ли не до белого свечения и в ней что-то хлопает. Свет гаснет. Чувствуется запах гари. От неожиданности роняю чайник. Тот летит вниз. Подаюсь вперёд, в надежде поймать беглеца налету, но не успеваю – чайник взрывается осколками. Я теряю равновесие и падаю вслед за ним. Мгновение, и вот керамические черепки уже впиваются в лицо, скрипя и дробясь о твёрдую плитку. Хло-

пок о пол дезориентирует. Приподнимаюсь на четвереньки и вижу перед собой бесформенные остатки чайника, между которыми, не оставляя попыток взлететь, бьётся бабочка с одной левой парой крыльев. Правая, оторванная, двумя пёстрыми веерами лежит неподалёку. Только тут осознаю, что слышу испуганный крик мамы. Она говорит, что ей уже надоели мои выходки, что я в следующий раз обязательно сверну себе шею, вталкивает меня в ванную комнату. Вижу, как капли крови бомбардируют кафель, раковину, хромированный краник, растекаясь густыми пятнами. Мама смачивает полотенце в ледяной воде и вытирает им моё лицо, прилоняет мою руку к полотенцу.

«Держи», – читаю по её губам.

Она выбегает из ванной. По лестнице спускается озадаченный отец. Я кладу полотенце в раковину под струю хлещущей воды и выхожу в гостиную, где вижу маму. Она пытается набрать номер на телефоне. Её дрожащие пальцы не слушаются. Подхожу к ней и накрываю кнопки ладонью. Мама вздрагивает и смотрит на меня испуганно. Я знаю, что это всё не взаправду, мне это снится, но всё равно не хочу, чтобы она так волновалась. Случись подобное в реальности, она бы не переживала, она бы знала, что наяву все события замкнуты в бесконечный цикл и любой совершённой неприятности можно избежать на очередном его витке. Я говорю ей то, что сказал бы в реальности.

– Не переживай, – говорю я. – В следующий раз, когда

снова буду ловить эту бабочку, я не сверну шею, не уроню чайник и не поранюсь.

Она роняет телефон и смотрит на сбитого с толку отца. Я обнимаю маму, вижу, как кровь из моих порезов впитывается в её белую блузку. Ткань колко щекочет края повреждённой кожи. Какой реалистичный сон. Лицо горит и пульсирует болью, но я всё равно снова щиплю себя за предплечье у мамы за спиной. Больно. Нет, это не сон. Меня пугает, что это снова произошло. Я снова запутался. Но почему мои слова пугают маму? Она должна понимать, что когда всё повторится вновь, я не уроню чайник, не поранюсь, ведь я уже знаю, что лампочка перегорит, она не застанет меня врасплох.

– Всё в порядке, – улыбаюсь маме, в то время как отец отцепляет мои руки от неё, утирает мне лицо стерильной салфеткой и лепит регенерирующие пластыри то тут, то там. Мама ищет всё ещё подрагивающей рукой подлокотник, опускается в кресло и закрывает искривлённые губы раскрытой ладонью. По её щекам катятся слёзы, падают на блузку, на которой в районе плеча алеют отпечатки моего лица. Она не то всхлипывает, не то усмехается и быстро выходит из комнаты. Отец молча возвращается на кухню, начинает убирать с пола осколки фарфора, покусывая губу и изредка поглядывая на меня.

Поднимаюсь к себе и, забравшись в постель, открываю дневник. Стараюсь не писать ничего связанного с навязчи-

вым чувством иллюзорности происходящего. Через несколько минут одолевает слабость, и я наконец чувствую, как засыпаю по-настоящему.

2

– А ну-ка не дёргайся. – Мама смачивает ватный диск прозрачным антисептиком и проводит по порезам на моей щеке. Жжение мгновенно разливается по лицу, выдавливая слёзы. – Ну как?

– Совсем не больно, – вру я. – Разве ты сегодня не репетируешь?

– Взяла на дом. – Она показывает кипу исписанных листов, затем кладёт их в сумочку.

Я шмыгаю носом и морщусь, не в силах больше игнорировать пылающую боль. Мама просовывает ногу в туфлю, легонько ударяет несколько раз каблуком в пол, проверяя, как та уселась, следом надевает вторую.

– Чего папа не на работе?

– В середине июня? – Она поправляет строгую блузку перед зеркалом и смотрит на меня. – По-твоему, мы не можем устроить себе выходной без причины?

– Просто вы странно себя ведёте из-за вчерашнего... – говорю я после короткого замешательства, а сам обдумываю внезапную пропажу дневника. Вчера вечером он был, помню, как клал его на прикроватную тумбочку, а сегодня утром его нет. Щиплю себя за бедро. Оно тут же отзывается болью. – Куда пойдёте?

– Пока не решили, Джей-Джей, может, в «Де'Нёв», может,

ещё куда, – она целует меня в макушку и открывает дверь. – Веди себя хорошо.

– Вы тоже там не слишком хулиганьте. – Я машу отцу, сидящему за рулём машины. Тот сигналиит в ответ. Мама садится на пассажирское сиденье, и они укатывают вниз по улице. На повороте отец сигналиит повторно, проезжая мимо Лютера, идущего с огромным бумажным пакетом из магазина. Он дёргается, едва не роняя продукты. Я захлопываю дверь, двигаюсь ему навстречу.

– Отец дома? – Выхватываю из пакета яблоко, дышу на него и обтираю об футболку. Раскрасневшееся лицо Лютера при этом искажает откровенный ужас. – Ладно, уболтал. – Возвращаю яблоко на место.

– Был в мастерской, когда я уходил. – Лютер утирает пот со скулы плечом и задумчиво прикусывает свою чёрно-белую клетчатую арафатку⁴, свободно повязанную на шее. – Куда это твои?

– Уже слышал что-нибудь про эти эмерсайзовские тоннели? – Я пожимаю плечами в ответ на его вопрос. Он пожимает в ответ на мой. – У отца не спрашивал?

Лютер мотает головой.

– Говорят, это что-то вроде телепортов в лабораторию, – рассказываю я, – время в пути составляет всего пару секунд вне зависимости от расстояния... Ты куда?

– Мама просила не задерживаться. – Лютер останавлива-

⁴ Арафатка (куфия) – арабский мужской головной платок.

ется перед ступеньками своего дома.

– Ну ты ж уже дома, – я сворачиваю на подъездную дорожку к гаражу, – идём, спросим твоего отца о тоннелях.

Лютер немного колеблется, несколько раз возвращает взгляд к двери, но всё же идёт за мной.

– Здравствуйте, мистер Трейд! – Я прошмыгиваю в гараж под открытыми наполовину воротами. Пол стоит возле письменного стола и перебирает какие-то бумаги, некоторые откладывает в сторону, а некоторые опускает в плоский кожаный портфель. – Над чем работаете сегодня?

– Привет, Джейсон. – Он стучит стопкой листов о столешницу, выравнивая их, потом опускает в отделение портфеля. – Над отчётами.

– Скукотища-а-а, – протягиваю я, рассматривая чертёж вытянутого болида на кульмане. – Это что? Поезд?

– Не совсем.

– А-а-а, так, значит, такие ездят по этим тоннелям? – Я с удвоенным интересом изучаю изображение. – А где же кабина пилота? Правда, что они любое расстояние за две секунды проезжают?

Мнущийся у ворот Лютер сжимает пакет, тот громко хрустит.

Пол бегло оборачивается на звук и подходит к чертежу.

– Капсулы автоматизированы, – говорит он. – Вот здесь установлены эфирные преобразователи, – он указывает на выделенные красным элементы в носу и хвосте капсулы.

– Внутри? Зачем?

– Чтобы пассажиры выдержали перегрузки.

– Не легче ли было создать поле вокруг каждого отдельного пассажира?

– Что-то вроде защитного контура? – Пол качает головой, поглаживая щетину. – Мысль толковая, но для этих целей неподходящая. Видишь ли, в чём дело, ты говоришь о защите от материальной среды, для этого можно было бы сделать такие контуры. Здесь же речь идёт о нагрузках со стороны эфира при колоссальном мгновенном ускорении, а сопротивляться эфиру в таких условиях способен только эфир. Проще говоря, физическое тело внутри эфирной оболочки раздавят перегрузки, оставив саму оболочку невредимой.

– Постойте, вы хотите сказать, что...

– Капсулы сделаны из эфира! – самодовольно выкрикивает Лютер, после чего, глядя на недоумевающее выражение Пола, смеётся. – Да шучу я. Из эфира, ха-ха, они же не будут держать форму.

Пол чешет бровь и оборачивается к чертежам, складывает руки на груди.

– Защитные контуры... – Он вновь качает головой и хлопает меня по плечу. – Для своих лет ты генерируешь недурные идеи. Загляни на выходных, попробуем собрать опытный образец.

– Лютер?! – раздаётся оклик со стороны кухни. Дверь открывается, и на пороге показывается миссис Трейд. – Ты что

тут делаешь? Почему я должна тебя дожидаться? Живо положи всё в холодильник и не отвлекай отца!

– Прости, мам. – Лютер пробегает сквозь гараж и исчезает на кухне.

– Здравствуй, Джейсон, – улыбается Анджела и закрывает дверь. На кухне что-то шлёпается на пол. – Bravo, Лютер Трейд! Ну, чего смотришь? Оно само себя не вытрет.

– Так они превращают пассажиров в эфир? – заканчиваю вопрос, на котором меня перебил Лютер.

– А? – Пол уже всю занят бумагами.

– Капсулы, – уточняю я. – Они расщепляют людей?

– Ага, – небрежно бросает Пол, подхватывает портфель и исчезает под приоткрытыми воротами за мгновение до того, как те начинают закрываться.

Наблюдаю за опускающейся створкой, гадая, верно ли понял мой вопрос мистер Трейд.

«Капсулы уничтожают и заново воссоздают пассажиров?» – проносится в голове. Громыхание металлических защёлочек возвращает меня в реальность.

– Да ну, бред. – Перескакиваю через две ступеньки и оказываюсь на кухне Трейдов.

Лютер закручивает крышку на смятой пластиковой бутылке молока и несёт её к холодильнику.

– Куда? – Миссис Трейд не даёт ему открыть дверцу. – Выкинь.

Я беру стоящую у стены швабру и начинаю вытирать мо-

лочную лужу.

– Оставь, Джей-Джей, пусть Лютер сам убирает. – Она треплет меня по израненной щеке своей сухой ледяной ладонью. – Кошмар... Откуда это у тебя?

– Упал в осколки, – кривлюсь я, пытаюсь удержать улыбку, и отдёргиваю голову. Лютер забирает у меня швабру. – Можно мы прогуляемся немного?

Анджела утвердительно кивает и поднимается на второй этаж.

– Ведёт себя как сука, – бурчу я.

Лютер на секунду останавливает швабру и ничего не отвечает, лишь громко сопит, затем с удвоенным усердием вытирает молоко.

– Да хорош уже драить, пойдём – Я вырываю швабру из его побелевших от напряжения рук и отношу в ванную комнату.

– Тебе влетело вчера за чайник? – спрашивает Лютер, как только мы покидаем двор.

Я корчу безразличную гримасу в ответ.

– Эх, – вздыхает Лютер. – Твои родители совсем другие...

– Дело совсем не в этом, не заморачивайся, – говорю я. – Просто помни, что всё постоянно.

– Это как?

– Ну вот этот наш разговор. Он происходит постоянно, не прекращаясь. Так и всё остальное. Все события бесконечны, и варианты их развития бесконечны. Чего ты там стро-

чишь? – Заглядываю в телефон Лютера, где он старательно записывает в заметки мои слова.

– Да так, мысль интересная. Думаю, ты прав. – Он поднимает взгляд. – Тебе про это мой отец рассказал?

– Нет, но думаю, он тоже должен знать. – Я пожимаю плечами. – Это же очевидно. Если мы видим свет погибших звёзд, значит, где-то по-прежнему есть и сами звёзды. Соответственно где-то мы ещё не вышли из твоего дома, и ты даже не разлил молоко.

– Но я-то здесь.

– Ты и там тоже, и всегда будешь там, где бы ни был. В каком-то смысле с тобой уже случилось всё, что произойдёт в будущем, просто ты наблюдаешь события из обособленной точки, хотя мозг твой уже давно всё знает наперёд.

– А-а-а, – тянет Лютер. – Это как во сне, да?

«Сон, почему он о нём говорит?»

Я украдкой щиплю себя за предплечье. Больно.

– Нет на самом деле, – отвечаю я, пытаюсь скрыть раздражение. – И при чём тут сон вообще?

– Ты же сам на днях говорил, что сны заранее готовятся в подсознании... – Он чешет затылок. – Зачем ты себя щиплешь постоянно?

– Я?! – Перестая себя щипать. – Это просто привычка, придурок.

Лютер приподнимает руки, мол, да брось, всего лишь спросил.

– Глупые вопросы у тебя, – бурчу я.

Лютер согласно кивает.

– Ты вон вообще сутулишься вечно, – я хлопаю Лютера по спине, и он становится на целую голову выше меня.

Ещё в начале улицы замечаю машину на подъездной дорожке. Родители дома. Мама и сегодня не репетирует? Поднимаюсь по ступенькам и прохожу внутрь. Навстречу из гостиной тут же выходит мама. Она выглядит непринуждённой, но что-то в её позе кажется неестественным. Именно так мама показывает непосредственность на сцене. Посторонний человек не заметил бы фальши, мама хорошая актриса, но для меня разница между её естественным поведением и игрой очевидна. Что-то тут не так.

– Ты снова не запер дверь, – говорит она.

– Ну, никто же не зашёл. – Направляюсь к лестнице.

– А если бы зашёл?

– Если бы зашёл, я бы запер, – отвечаю не оборачиваясь.

– Постой, Джейсон. – Она смотрит на меня, что-то обдумывая. От напускного спокойствия не остаётся и следа. – Что ты имеешь в виду?

– Ну, знаешь, – спускаюсь обратно в холл. – Если бы нас обворовали, нас бы не обворовали.

– Ты бы закрыл замки, когда этот день повторился? – Она скрывается в гостиной. – Идём, нужно поговорить.

В комнате за столом сидит отец, скрепляет степлером какие-то расчерченные фломастерами листы. Мама садится по правую руку от него. Они оба смотрят на меня. Сажусь на-

против мамы.

– Нас волнует твоё отношение к жизни, – говорит мама.

На секунду мною овладевает страх. Вдруг они знают, что я не могу отличить сон от реальности? Тут же беру себя в руки. Нет. Я никому об этом не говорил, не писал об этом в дневниках. Речь идёт о чём-то другом.

– Не переживайте, что бы ни случилось, я всегда...

– Хватит, Джейсон! – обрывает она в не свойственной ей манере настолько резко, что даже отец вздрагивает и откладывает в сторону степлер. Мама продолжает уже мягко. – Перестань. Ты не совсем правильно понимаешь суть вещей, и именно это заставляет нас беспокоиться.

– Если я чего и не понимаю, так это ваших намёков. О чём вы хотели поговорить?

– О том, что все события бесконечны. Это действительно так, и мы рады, что ты уже сейчас во всём разобрался. Просто не хотели усложнять тебе жизнь и потому ничего не говорили раньше.

– Но в одном ты ошибаешься, – подхватывает отец. – Этот процесс можно контролировать. В определённой степени можно.

– Как?

– Смотри. – Мама достаёт из-под стола подарочный пакет и извлекает из него внушительных размеров чёрный куб. – Если поместить в эту коробку календарный лист, то обозначенный на нём день уже не повторится.

Я беру в руки куб и верчу в руках. Деревянный, довольно тяжёлый, одна его грань сделана из прозрачного стекла.

– Вчера было 16 июня 2008 года. – Мама переворачивает скреплённые отцом листы и демонстрирует мне. Это оказывается самодельный календарь. Она отрывает вчерашнее число и опускает листок в прорезь на верхней грани куба. Листок проваливается вниз, но коробка остаётся пустой. – Вот и всё, за вчерашний день можешь не беспокоиться.

Трясу куб и чувствую, как листок бьётся о стенки внутри.

– Кусок бумаги внутри деревянной коробки влияет на действительность? – Ставлю куб на стол и смотрю на родителей.

– Это не совсем обычная коробка... – начинает мама.

– Да, это коробка с приклеенным по диагонали зеркалом внутри, – перебиваю я. – Фокус для детей.

Мама миг мрачнеет и смотрит на отца. Тот берёт в руки куб и перекладывает из руки в руку, точно взвешивает.

– Фактически это всего-навсего иллюзия, – совершенно не меняясь в лице, говорит он. – Но дело вовсе не в коробке, она может быть какой угодно. Главное, ты знаешь, что день уже лежит внутри, верно? – Он передаёт коробку мне. – И пока он там, ничто не в силах тебя убедить в обратном. День не начнётся заново, пока лист снова не окажется на календаре, и ты всегда сможешь свериться с ним или, на худой конец, разобрать коробку и проверить.

Мама сияет в улыбке.

«Это же элементарно! Как я сам не додумался? – проносится в голове. – Мало того, что таким образом можно следить за днями, так ещё это поможет определить, где сон, а где реальность. Буду отрывать листы, как только проснусь, буду сравнивать свой календарь со всеми остальными».

– А если кто-то похитит коробку, как я узнаю, какие дни в ней уже были? – спрашиваю я.

– Думаешь, кому-то может понадобится тебя запутывать? – Отец откидывается на спинку и размышляет некоторое время. – Поставим тебе в комнату дедушкин оружейный сейф, можешь хранить коробку там.

– Спасибо, – киваю я.

Отец спускается в чулан за инструментами и сейфом.

– А как все остальные отличают дни? – спрашиваю у мамы. – Как вы с папой?

– Со временем ты научишься делать это без посторонней помощи, – отвечает она. – У тебя появится внутреннее чувство.

Папа возвращается с небольшим сейфом для пистолета и шуруповёртом. Мы поднимаемся в мою комнату, и отец закрепляет сейф к полу под кроватью. Я тем временем вешаю календарь на стену между грамотами за призовые места в школьных олимпиадах по физике и астрономии, потом достаю из шкафа старые футбольные кеды и вынимаю из одного шнурок, продеваю на него ключ от сейфа и вешаю на шею.

Как только отец уходит, отрываю 17 июня 2008 года от

календаря и отправляю в коробку.

Листок свободно проскользнул в прорезь и стукнулся о дно куба. Я сел на пол возле кровати и прислушался к ощущениям. Впервые за долгое время мне сделалось спокойно. Это казалось странным, но такое простое действие наконец сумело вернуть меня в реальность. Я поставил коробку в сейф, запер его и снова повесил ключ на шею. Теперь сегодняшний день под контролем, он надёжно заперт, как и заперты мои страхи.

17 июня 2008 года. В этот день я потерял две вещи – на долгое время лишился боязни утратить чувство реальности и на целых 10 месяцев прекратил общение с Лютером. Он избегал встреч в школе, не ходил со мной гулять, неохотно отвечал на телефонные звонки, ограничивался лишь вечерними разговорами в Сети, в которых проявлял повышенный интерес к науке, чего раньше я за ним не замечал. Его интересовали не столько сами явления, сколько мои взгляды на них, и я охотно делился ими. Признаться честно, мне хватало и такого общения, главное, что я по-прежнему мог обсуждать с Лютером свои теории. С ним и с его отцом. И если в Поле я видел наставника, то необходимость рассказывать всё Лютеру для меня самого оставалась загадкой. Быть может, всё дело в том, что он был самым простым человеком из всех, кого я знал. Его приземлённое отношение к жизни было для меня таким же ориентиром реальности, как и запертые в сейфе календарные листки, поэтому ежевечерние

разговоры с ним, пусть и в Интернете, стали для меня зависимостью, но мне было совершенно безразлично, почему он избегал личной встречи. Как выяснилось позже, он нашёл себе девушку и тратил на неё всё свободное время. Хотя, зная Трейда, думаю, это она его нашла. Как бы то ни было, с возвращением Лютера в мою жизнь было суждено закончиться и воцарившейся в ней на эти долгие десять месяцев идиллии. Всё пошло кувырком с первой же нашей встречей.

4

– О, Джейсон опять сидит тупит... – проговорил Лютер и сразу скривился, отводя взгляд от друга, одиноко устроившегося на скамье ожидания у противоположной стороны платформы.

Трейд сильно стиснул зубами кончик языка и скривился ещё больше, но не столько от боли, сколько от непереносимого внутреннего ощущения неприязни к самому себе. Лютер ненавидел себя за то, что произнёс это вслух, но ещё больше ненавидел Джейсона, так не к месту очутившегося именно на этой станции. Он надеялся лишь, что Кэтти не станет терзать его расспросами, хотя прекрасно понимал, что как раз это она и сделает.

– Что за Джейсон? – спросила Кэтти, останавливаясь. – Кто это?

– Да так, – Лютер начал чесать затылок и непроизвольно сжал в кулаке клочок волос. Зачем он только заговорил о нём? – Сосед. Пойдём.

Он двинулся дальше, понимая, что настолько рваное продолжение первой фразы, сулящей интересную историю, Кэтти не удовлетворило. Однако ему совсем не хотелось говорить ей правду, да и вообще говорить хоть что-то о Джейсоне.

– Он выглядит каким-то потерянным, – сказала она.

Кэтти неспешно шагала чуть сзади, а может, это Лютер торопился. В любом случае его нервировало, что им приходится медлить.

– Ну он немного странный... – бросил Лютер и опять прикрыл глаза. Нужно было сказать, «чудаковатый» или «ненормальный», хотя это бы разожгло интерес Кэтти не меньше. Следовало просто промолчать.

– Чем же?

– Ну-у-у, знаешь... – Лютер обернулся и нехотя поглядел на Джейсона, который всё так же самозабвенно переводил напряжённый взгляд от одной транспортной капсулы к другой. Трейд попытался сделать то же самое, но блики снующих во все стороны хромированных болидов быстро заставили его отвернуться. У него закружилась голова.

– Чем это он занят? Он что, капсулы считает? – спросила Кэтти. – Говоришь, он часто здесь бывает?

– Я этого не говорил. Не знаю. Просто... – Лютер уже не пытался скрыть раздражение. Он нервно провёл пальцем по шее под заколовшей вдруг куфией. – Забей. Идём отсюда.

– Может быть, подойдём, поздороваемся? Или куда-нибудь прокатимся вместе?

– Боюсь, это невозможно.

– Ты говоришь та-а-ак загадочно, – Кэтти картинно округлила глаза.

– Просто он не ездит на капсулах. Вообще. Я не смог его уговорить ни разу, и у тебя не выйдет... – ответил Лютер,

запоздало понимая, что и этого не следовало говорить. На этот раз он уже был не в силах скрыть досаду от сказанного. – Ой чё-о-орт...

Кэтти расхохоталась.

– Так, значит, он боится их, – заключила она. – Почему?

– Испугался моих рассказов о теоретических задержках, и всё такое. – Лютер быстро взял себя в руки, понимая, что сейчас главное – удержать Кэтти от желания познакомиться с Джейсоном, а оно у неё определённо возникло. С другой стороны, что помешает ей вернуться сюда в любой другой день? Их знакомство показалось Лютеру неминуемым. Он вздохнул. – Может, не стоит его уговаривать?

– Ну раз ты говоришь, что это невозможно, то мы и не будем, – сказала Кэтти. Лютер засиял в улыбке, которая продержалась на его губах ровно мгновение. – Но способ перебороть этот страх для него я обязательно найду.

– Нет, я про то... – Лютер обернулся к вновь остановившейся Кэтти, и солнце больно ударило по глазам. Он зажмурился. – Слушай, если он не хочет на них ездить, то и не нужно его заставлять.

– Ты не хочешь помочь?

– Вовсе нет. Я не хочу... – Лучи продолжали слепить. Лютер чихнул.

– ...нас знакомить? – закончила за него Кэтти.

Лютер помотал головой, чихнул повторно, зашмыгал носом и поспешил отморгаться.

– Вот ещё, – не согласился он. – Не хочу...

– Ну и славно, – не дослушав, бросила Кэтти и развернулась.

– Постой, сначала... – Лютер поймал её за руку. Он понимал всю беспомощность положения и отчаянно искал что-то, что хоть немного отсрочит неизбежное. Что «сначала»? Он посмотрел на вывеску ближайшего павильона. «Сладости». – Давай сначала съедим мороженого, а то я уже весь расплавился.

– Хорошо. Мне как всегда. – Кэтти села на ближайшую лавочку, открыла клатч и достала из него купюру. – Вот, держи.

– Не нужно. А ты разве... – Лютер мотнул головой. Нет, она с ним не пойдёт. Кэтти уже всё для себя решила. Её не переубедить. – Ничего.

Он скрылся в глубине магазинчика и оглянулся. Кэтти, обернувшись, глядела поверх плеча на Джейсона. Тот продолжал изучать капсулы и выходящих из них пассажиров, нервно покручивая что-то в руках.

– Тебе чего, дружище? – пробасил продавец.

– Пока не решил. – Лютер бездумно разглядывал полки. В помещении было холодно от работающих всюду кондиционеров. Руки тут же покрылись гусиной кожей, однако он продолжал стоять на месте под потоком льющегося с потолка ледяного воздуха. Приторно пахло шоколадом и печеньем, от чего чувство жажды, ещё минуту назад казавшееся сла-

бым, многократно усилилось. Наружу выходить ему совсем не хотелось.

С недавних пор я начал выделять два типа страха: материальный страх и страх идиотов. Ко второму типу я относил различные фобии и очень сильно презирал людей, которые боялись темноты, одиночества, времени – всего того, причину страха перед чем не могли объяснить. Исключение составлял Лютер, чья фобия была вполне материальной, но, так же как и любая другая фобия данной подгруппы, крайне идиотской. Он боялся песка. Лютер объяснял это тем, что якобы песок может сделать с человеком «ужасные вещи», какие именно – он не помнил, но уверял всех, что своими глазами видел это, а где и когда – также забыл. Но главным здесь было то, что он в это верил, как «Дети Альфреда⁵» искренне верят в существование «Искры Создателя⁶».

Ну а к первой группе, исходя из её названия, я относил тех людей, которые по какой-то причине приобрели осознанный страх к некоторой материальной вещи. Себя я относил к ней. Я испытывал панический страх при виде транспортных капсул, совсем недавно выпущенных компанией Emersize

⁵ Дети Альфреда – религиозное учение, зародившееся в Рош-Аинде, также известное как «альфредиаство». Основа религии – концепция эфира и труды Альфреда Лейнджа.

⁶ Искра Создателя – пучок некоего «разумного» эфира, заключённый в теле человека. Дети Альфреда считают его душой.

Industry для того, чтобы обеспечить своих сотрудников возможностью быстро добираться до рабочего места. Изначально, в 2008 году, были построены восемь линий, соединяющих самые отдалённые уголки Рош-Аинда с лабораторией «Эмерсайз». Всё оставалось неизменным до тех самых пор, пока один не самый бедный предприниматель по имени Роутер Ван Нил, владеющий горнодобывающей корпорацией, не обратил внимание на столь, по его мнению, интересную разработку. И вот уже буквально через год транспортные болиды превратились из частного вида транспорта в общественный. Хвала и овации Роутеру Ван Нилу, и будь проклят тот день, когда его светлую головушку посетила такая «прекрасная» идея.

Теперь, пожалуй, стоит рассказать о том, что именно пугало меня в этом с виду совсем не опасном транспорте. Многие мои знакомые не понимали меня, говорили, мол, это не страшнее скачков на трейсерах⁷. Но это было не так. Далеко не так. Несколько раз, приходя к точке посадки и уже почти настроившись сесть в чёртову машину, и будь что будет, я видел, как люди колебались, как неуверенно задавали вопросы диспетчеру. В этот момент вся решимость куда-то исчезала. На смену ей приходил страх. Всё дело в том, что способ перемещения людей в капсулах был несколько необычен. Хотя, к

⁷ Трейсеры – спортивные приспособления, увеличивающие дальность и силу прыжка за счёт высвобождения незначительного количества эфирента (энергии, добываемой из эфира), надеваются на ноги.

чему лукавить, он был очень необычен. Людей попросту расщепляли. Иначе говоря, во время поездки тебя не существует, ты пыль, а точнее эфир. А как известно, эфир при расщеплении может сохраняться в воздухе приблизительно 2,93 секунды. Отсюда следует простейший вывод: если капсула по какой-либо причине задержится в тоннеле, то у пассажира есть целых три варианта исхода событий. Он может выйти из капсулы по частям; выйти и обнаружить, что у него, к примеру, отсутствуют конечности или, чего хуже, неожиданно исчезли все внутренние органы (так как более мягкие ткани, превращаясь в эфир, рассеиваются быстрее); ну и наконец, не выйти совсем. Таких случаев ещё, конечно, не было, иначе правительство закрыло бы столь опасный проект, однако вероятность существовала. Поэтому я вот уже несколько месяцев приходил к одной и той же станции, садился на скамью ожидания и ждал. Честно говоря, не зная чего. Хотя несколько раз меня посещала мысль о том, что если бы сейчас случилась авария и в конечный пункт приехали изуродованные тела, я бы даже обрадовался, вскочил с лавки и начал кричать: «Я ПРАВ! ЧЁРТ ВОЗЬМИ, КАК ЖЕ Я БЫЛ ПРАВ!» Но я тот же час гнал эти мысли подальше, смиренно ожидая, когда через 2,93 секунды красный фонарь, означающий, что капсула пущена, сменится зелёным, который говорил о том, что пассажиры успешно прибыли. Так было изо дня в день. Одни и те же лица, которые всё смелее прыгали в чрево пулеобразного чудовища, одна и та же скамья. Мой

страх тем временем только рос, обретая всё новые и новые формы, вплоть до людей-мутантов с рукой вместо головы и торчащими наружу рёбрами.

Разумеется, ничего подобного не происходило. Произошло другое событие, которое навсегда перечеркнуло мои страхи, полностью уничтожило все ужасы этого места. Знаете, говорят, все события неизбежны, ведь не будь они неизбежностью, их бы попросту не произошло. Данное событие я привык считать неизбежным. Однажды, ближе к вечеру одного из одинаковых дней, я встретил её. Кэтрин Де'Нёв. Или, как я называл её до последней нашей встречи, Кэт. Сидя на лавке, я с запозданием заметил, что кто-то резво подсел ко мне. Я повернул голову и увидел девочку, как показалось, немного старше меня, зелёные глаза которой, сверкая, изучали моё лицо.

«Ну прямо кошка», – подумал я.

– Привет, меня Кэтти зовут, для друзей – просто Кэт, – сказала она и одарила меня задорной улыбкой. Я не удержался и засмеялся, сказав, что глаза выдали её имя раньше слов.

– Джейсон Форс, – я задумался. – Для друзей – Джей-Джей, – рассмеявшись глупости ответа, сказал я и протянул руку. Она крепко пожала её и тоже рассмеялась.

Не могу сказать, что она была самой красивой девчонкой, что я встречал. Так посмотришь со стороны, и вроде ничего необычного, но было в её смехе, даже в самой манере смеяться что-то исключительное, то же можно было сказать и о

всей её привычке держаться – то, как она говорила, жестикулировала, поджимала изредка губы, казалось уникальным, и я пока не мог понять, красили её эти особенности или, наоборот, искажали.

– Тот самый Джей-Джей, который боится ездить в капсулах? – спросила Кэтти.

«Откуда она узнала?» – я отдернул руку.

– А ты, выходит, та самая Кэтти, которая следит за ничего не подозревающими людьми? – нашёлся с ответом я.

– Нет, только за членами общества луддитов⁸, – улыбнулась она. – Или ты обыкновенный трусишка?

– Ещё чего. – Я даже не знал, что прозвучало обиднее – луддит или трус. – Просто ты не знаешь, как они работают.

– А, так ты наслушался всяких бредней про помехи в тоннелях? Боишься выйти на посадочную станцию уродцем? Не бойся, тебя невозможно сделать уродливее.

– Ха-ха, очень смешно. – Я вдруг почувствовал себя уязвленным и подумал, что именно этого она и добивалась. Мы перекинулись всего парой фраз, а я уже трус, луддит, вот теперь ещё и урод. Зачем она это делает? – Нет. Это тоже, но не это самое главное. Все слышали про теоретическую задерж-

⁸ Луддиты – участники стихийных погромов в Англии XIX века, противники промышленной революции, уничтожавшие машины, которые вытесняли с производства людей. Также луддитами называют людей, чьи воззрения на технический прогресс и действия в отношении механизации/роботизации промышленности граничат с религиозным фанатизмом (такие люди считают технологии и автоматизацию происками дьявола).

ку. Я говорю, что ни ты, ни я не имеем ни малейшего представления о том, как они действуют.

– Много ли ты знаешь вещей, устройство которых можешь объяснить?

– Уж побольше твоего, – хмыкнул я. Она начинала меня раздражать, и я поймал себя за попыткой отыскать в её манерах что-то отрицательное. – Во всяком случае, стараюсь это делать.

– Ну вот и потрудись для меня. Не пересказывай бездумно чужие слова, а объясни дурочке, что не так с болидами? – не унималась она.

Это определённо был вызов, и я принял его, хоть в глубине души понимал, что как бы убедительно я ей ни объяснял суть своих опасений, она всё равно начала бы их высмеивать. Хотя в таком случае сразу стало бы понятно, что она намеренно пыталась вывести меня из себя.

– Капсула дематериализует пассажиров, верно? – начал я, глядя в её глаза, будто ставшие ещё зеленее от переполнявшего их скепсиса. – А затем собирает обратно. Насколько я знаю, Эмерсайз так и не озвучил точность такого воссоздания. Даже 2,93 вычисланы с погрешностью, а это всего лишь время жизни эфирной частицы. Мне кажется, с таким сложным объектом, как человеческое тело, стопроцентного результата достигнуть не так просто. Даже если точность составляет девяносто девять целых и девять в периоде процента, то в конечный пункт приедет уже не тот человек, кото-

рый садился в капсулу. А если сделать несколько поездок? Он будет изменяться понемногу каждый раз.

Лицо Кэтти помрачнело, но всего на секунду. Внутренне я торжествовал. Что бы ей ни напомнили мои слова, они метко хлестанули её в самое незащищённое место.

– Ничего более идиотского не слышала, – осклабилась она.

Невозможно было понять, почему она так сказала – от того, что изначально намеревалась раскритиковать мои слова, или же виной всему стал неожиданный для неё отпор.

– Уверен, это самое умное среди того, что ты слышала, – фыркнул я.

– Так ты боишься потерять себя во время поездки? Измениться? – Она не обратила на мои слова внимания, представляя мне второй шанс.

– Можно сказать и так, просто... Мы же до конца не знаем, кто мы такие и что у нас способна отнять эта одна ничтожная доля процента. – Я говорил искренне. – Представь на мгновение, что Дети Альфреда правы и душа действительно существует.

Кэтти повернулась к прибывшей капсуле и сопровождала задумчивым взглядом вышедшего из неё мужчину в стёганом пиджаке, ведущего за руку маленькую девочку с розовым портфелем.

– Звучит слишком романтично, чтобы быть правдой, – наконец сказала она, сдаваясь. Похоже, ей действительно хоте-

лось распалить меня с самого начала, но мои слова её обезоружили. Интересно, почему? Видно, сам того не понимая, я дал ответ на какой-то давно мучивший её вопрос. Мне вдруг стало немного стыдно за свою враждебность.

– Ты уже ими пользовалась? – спросил я примирительно, разрывая повисшее молчание.

– Раз десять, может, пятнадцать... – она пожала плечами. – Можешь считать, что разговариваешь сейчас с дюжину раз бездушной девчонкой.

– С самого начала это понял, – проговорил я, услышав в её тоне издёвку.

– Болван, – нахмурилась Кэтти.

– Вижу, вы уже поладили? – раздался сбоку голос, показавшийся мне немного знакомым. – Привет, Джейсон.

Я повернулся и увидел Лютера, держащего в руках по рожку нежно-розового мороженого. Кого-кого, а вот его я никак не мог представить обладателем этого голоса. За последние десять месяцев он порядочно переменялся, держал спину прямо, выглядел более уверенным, говорил твёрдо, а не под нос, как было раньше. Неужели Кэтти так сильно на него повлияла? Он стал совсем другим человеком, и одна только свисающая треугольником на грудь арафатка напоминала о прежнем Лютере. Он расплылся в улыбке, казавшейся мне беспричинной. Что его так веселило?

– Так вы... – Я посмотрел на Кэтти и снова на Лютера. – Так это она?

– Будто с тобой случайно заговорила бы такая красotka. – Он подмигнул ей. – Кэт, фруктового льда не было, я взял тебе один клубничный.

– Спасибо большое. – Она взяла мороженое.

Лютер впервые посмотрел на меня и немного стушевался, будто сказал всё, что придумал заранее, и теперь не знал, как себя вести. Я взглянул на Кэтти, которая, закусив щеку, вперила изучающий взгляд в Лютера. Видно, эта его новая самоуверенность, предназначавшаяся лишь для неё, в моём присутствии получила несколько серьёзных ударов от настоящего Лютера, и теперь внутренняя борьба в нём превратилась в настоящее избиение незнакомого мне образа решительного парня.

– Готов? – наконец спросил Лютер, облизнул липкую ладонь, хлопнул ею о мятую штанину и вытер. Он совсем не смотрел на меня. Должно быть, так ему было легче изображать твёрдость характера. Я вдруг почувствовал себя неуютно рядом с ними, и мне захотелось поскорее остаться одному.

– К чему?

– Ты ему не сказала?

Я посмотрел на Кэтти. Она мотнула головой.

– О чём вы? – спросил я.

– Да так... – Лютер почесал затылок.

– Угощайся. – Кэтти протянула мороженое, к которому так и не притронулась.

Лютер насупился.

– Не хочу, – отказался я.

– А у меня аллергия на молоко. – Она понюхала мороженое и вздохнула. – Пахнет зимой. Однажды я не выдержу и совершу самое нелепое самоубийство в истории. Очень уж хочется узнать, какое оно на вкус.

Трейд лишь метал недовольный взгляд между нами, не находя, что вставить в разговор.

– Тебе стоит попробовать, – съязвил я.

– Не искушай меня. – Кэтти протянула рожок проходящему мимо бездомному. – Сегодня жаркий денёк, не хотите?

– И вправду байдовый денёк, – он остановил свою тележку и взял мороженое, – спасибо, но мне нечем отплатить. Может, хотите совет взамен?

– Да, пожалуйста, – улыбнулась Кэтти.

– Вам двоим стоит хорошенько запомнить это место. – Он откусил половину подтаявшего шарика, и розовая жидкость повисла каплями на его рыжей бороде.

– Кому именно двоим? – спросил Лютер. – Нас трое.

– Из четверых, что я вижу перед собой, тому, кого двое, и зеленоглазой мисс, – наполненным глубочайшим осмыслением тоном ответил бродяга.

Его слова явно пришлись Лютеру не по душе.

– Что вы имеете в виду? – спросила Кэтти.

– Кто-то бывает каждый раз, – многозначно покрутив рожком в воздухе, изображая кольцо, проговорил он, – а кто-

то случится лишь однажды, и вот ему придётся запомнить всю байду основательно.

– Бред... – фыркнул под нос Лютер.

– Байда, – поправил его бездомный. – Всё байда. Второе мороженое, пожалуйста.

Лютер не стал спорить и отдал свой рожок.

– Всё байда, – словно наставление, повторил бродяга, сунул начатое мороженое в рот, а второе – в задний карман растянутых джинсов и потолкал гремящую тележку дальше.

– Что за чушь он нёс? – спросил Лютер.

– Готова поспорить, мы до самой смерти этого не узнаем. – Кэтти посмотрела на меня. – Ответь мне на такой вопрос. Если капсула может неверно собрать одного человека, то что будет, если в одной капсуле поедут двое?

– Она соберёт неправильно двух людей.

Лютер гоготнул.

– Юноша, куда вы дели того романтика, что сидел здесь пять минут назад? – сморщилась Кэтти и подсела поближе, глядя мне прямо в глаза. Пахнуло духами, чем-то фруктовым. Персик. – Думаю, если в ней прокатятся двое, то они обменяются этой миллиардной долей процента и навсегда будут связаны. Навечно. – С этими словами она выхватила ключ из моих рук и побежала. Я бросился следом и не успел сообразить, как, спотыкнувшись, растянулся по полу капсулы.

Где-то за спиной кричал Лютер.

Стоявшая надо мной Кэтти повесила ключ на шею и приложила кончики пальцев к какой-то светящейся панели. Прежде чем я успел подняться, стабилизирующая крышка закрылась, и мы вместе превратились в поток энергии.

Я могу мыслить. Я существую. Я есть там, где нет меня.

Я лежал на полу в той же позе, кричал и пинал ногами воздух, надеясь, что мы всё-таки никуда не переместились, однако в прямоугольном проёме, занимающем большую часть корпуса капсулы, за спиной хохочущей на платформе Кэтти было совершенно другое место.

– Приехали, ребята. Вам прямо по коридору, направо и к четвёртому выходу, – сказал дежурный платформы и пошёл к новоприбывшей капсуле.

Не поднимаясь, я вывалился из болида, оттолкнувшись ногами от стенки, гулко отозвавшейся металлическим звоном, точно я пнул пустую бочку. Руки и ноги дрожали, некоторое время не позволяя подняться, во рту пересохло, воздуха не хватало. Казалось, вот-вот я потеряю сознание. Я никак не мог отделаться от мысли, что эта поездка только что меня погубила. Не знал, каким образом, но был уверен – капсула взяла что-то у меня, быть может, всего меня, и сам я теперь лишь копия того, кто сиделся внутри болида. Кто знает, куда попал настоящий я?

– Ну как? – спросила Кэтти. – Чувствуешь какие-то изменения? Готова поспорить, в этой крохе процента жил твой страх.

– Зачем?! – рыкнул я, наконец сумев встать на ноги и глядя на отбегающую Кэтти. – Идиотка.

– Грубиян. – Она покрутилась на пятках, оттянув большим пальцем висящий на шее ключ. – От чего он?

– Не твоё дело. – Я кинулся к ней, но она тут же отбежала на несколько метров.

Я ринулся ещё раз, но снова не успел её поймать. Мы молча смотрели друг на друга.

– Отдай.

– Отдам, – сказала она, развернулась и неспешно двинулась к противоположной стороне платформы. – Позже.

Кинувшись в третий раз, я налетел на мужчину в одежде сотрудника «Эмерсайза». Тот лихорадочно отшатнулся, точно я был весь в грязи и мог испачкать его белоснежный халат.

– Извините. – Я отстранился от него.

– Осторожнее, Джейсон, не спи на ходу, – сказал он. – Добрый день.

– Здравствуйте, мистер Трейд. – Я раскрыл ладонь, но он вопреки обыкновению не стал её пожимать.

– Прости, у меня руки в реактивах, – он поправил пластырь на левой щеке, в том месте, где раньше у него был небольшой узкий шрам. – Лютер с тобой?

– Да, он... Тут неподалёку.

– Скажи ему, чтобы обязательно заглянул ко мне в кабинет минуток через тридцать. – Пол посмотрел на часы. – Прости, тороплюсь. Удачного дня!

Он взбежал по ступенькам и свернул к одному из корпусов лаборатории.

– Вылитый Лютер, это его отец? – спросила Кэтти.

– Верни уже этот чёртов ключ.

– Что такое ты им запираешь, ради чего без раздумий пожертвовал душой? – Она подошла к капсуле, расположившейся носом в обратном направлении. – Не переживай, как вернёмся – отдам.

Кэтти нырнула внутрь и занесла руку над панелью. Я остался снаружи.

– Хочешь добираться на автобусе?

Только в этот момент я осознал, что нахожусь под научным городком Эмерсайз, чуть меньше чем за сотню километров безжизненной пустыни от Рош-Аинда. Внезапное осмысление колоссальности пройденного капсулой расстояния заставило меня усомниться в правдоподобности происходящего.

– Дьявол... – Я понял, что смогу попасть обратно только на капсуле.

– Ты щиплешь себя совсем как Лютер, – сказала Кэтти. – Откуда у вас эта привычка?

– Жми уже скорее! – крикнул я, запрыгивая в болид.

Стабилизирующая крышка за спиной зашипела, последовала яркая голубая вспышка, и вслед за повторным шипением из-за спины ударило солнце.

– Ненавижу тебя, – выпрыгивая наружу, сказал я.

Перед посадочной платформой собралась внушительная толпа, оттесняемая полицейскими от группы людей в чёрных костюмах.

– Что, что они делают? – спросил кто-то из задних рядов.

– Грузят их в саркофаги, – ответили из передних.

Лютер стоял на подлокотнике скамейки, держась за фонарный столб и глядя поверх голов зевак на происходящее за плотным кольцом полицейских.

– Что произошло? – спросила Кэтти, отдёргивая плечи от налегающих со всех сторон ротозеев.

– Накатались уже? – надулся Лютер, стрельнув испепеляющим взглядом в мою сторону. – Где вы были?

– Что за суматоха? – повторила Кэтти.

– Только что двое замертво упали, – ответил Лютер. – И похоже, эти ребята были военными.

– С чего ты взял? – спросил я.

– Они в силовых костюмах. Мой отец такие проектирует, – пояснил он, жадно выхватывая каждое движение полицейских. – Лиц не видно, но на груди у них номера. У одного 24, а у другого 16.

– Здесь не на что смотреть, пожалуйста, расходитесь! – раздался голос с едва уловимым азиатским акцентом, и над головами людей поднялись белые ладони обладателя голоса.

– Как это не на что? – проскрежетал какой-то старик. – Они шлёпнулись прямо передо мной, точно из дыры в воздухе вывалились.

– Прошу тишины! – Рядом показалась другая пара рук, одна из которых сжимала нечто, похожее на силиконовую капюшон. – Кто-нибудь ещё видел что-то подобное?

Никто не отозвался.

– В таком случае, сэр, – рука с капюшоном опустилась, – пройдёмте с нами, наши показавшиеся помогут разобраться с происшествием.

У Лютера зазвонил телефон.

– Да, мам, – он принял вызов, не отрывая глаз от полицейских. – Представляешь, тут на платформе... – Он внезапно побледнел и осел на скамейку, уткнув затуманившийся взгляд в землю. Застывшая на его лице улыбка медленно начала сползать. – Как...

Он вскочил и поспешил к капсулам.

– Лютер, что случилось? – Кэтти подбежала к нему, но он отдернул трясущуюся руку.

– Отвали! – крикнул он. По его бесцветному лицу текли слёзы.

– Эй, старик... – начал было я, но Лютер отшатнулся и скрылся внутри первой попавшейся капсулы.

– Похоже, случилось что-то серьёзное. – Кэтти посмотрела на табло транспортной ветки и втянула меня в свободную капсулу. – Пойдём, нужно его найти.

– Стой, подожди, – выпрыгнув из капсулы, я поймал её за руку. – Ну куда ты бежишь? Нам его не догнать. Он мог тут же пересест в другую капсулу, мог поехать дальше по той

же линии, мог пойти куда угодно.

– Нужно его успокоить, что бы там ни случилось. Ты ему вообще друг или кто?

– Да, друг, и именно поэтому я не собираюсь его искать. Она прекратила попытки вырваться и замедлила шаг.

– Люди вокруг так несчастны, а я ни черта с этим не могу поделаться... – вздохнула она. – Почему все такие безучастные и чёрствые?

– Один человек не способен уберечь весь мир, – ответил я. – А что касается Лютера – будь уверена, он не пропадёт. Даже если завтра случится конец света, он станет единственным, кто будет знать, что делать. Просто ему нужно дать время в одиночестве всё обдумать, что бы там у него ни произошло.

– Ты это просто так сказал или пробовал с ним заговорить в подобных ситуациях?

– Вообще-то, честно говоря, не пробовал.

– Вот в другой раз попробуй! Иногда судьбы других зависят от тебя больше, чем кажется.

– Почему тебе обязательно нужно заботиться о ком-то? Думаешь, мир без твоей помощи перестанет вращаться?

– Мне совсем не это нужно, – она мотнула головой. – Я просто хочу, чтобы люди были счастливы не временами, а всегда.

– Туфта всё это, – хмыкнул я. – Ты мечтаешь о невозможном.

– Уже слышала, мне все пытаются доказать это.

– Может, потому что это правда?

– Ты такой же циник, как Лютер. – Кэтти распушила волосы. – Посмотри вокруг. Люди только и делают, что уничтожают, истребляют. Всё человечество создано уничтожением, оно есть уничтожение, потому что человек – это то, что он делает. А люди ненавидят, унижают друг друга, стремятся за выгодой, буквально пожирают всё вокруг, будто в конце должен остаться только кто-то один. Но ведь это не так. В одиночку не выжить. Нам нужно общество, но совсем не такое, какое мы имеем сейчас. Разве можно назвать обществом то, что держится на угнетении и разрушении? Нам нужно не разрушение, а созидание, мы должны не угнетать ближнего, а помогать ему. А вы с Лютером только и мечтаете, как потешить своё эго научной белибердой. Понахватались вершков и строите из себя непонятно кого.

– Ты ничем не лучше остальных, – отмахнулся я. Совсем не было настроения откровенничать с ней. Вряд ли бы Кэтти поняла, что одно изобретение способно изменить к лучшему жизнь гораздо большего количества людей, чем сотня таких мечтателей, как она. – Всё это просто слова, а в сущности, ты делаешь то, что тебе взбредит. Для себя можешь объяснять, как хочешь, но это так. Ты просто избалованная родителями самовлюблённая пустышка...

Лицо обожгла пощёчина. Кэтти развернулась и пошла прочь, срывая с шеи ключ и бросая его на тротуарную плит-

ку. Она прошла ещё немного и остановилась, закрывая лицо. Её плечи тряслись.

Не обращая на неё внимания, я подобрал ключ и пошёл домой. На щеке всё ещё чувствовалась ладонь Кэтти. Помассировав затёкшую кожу, я обнаружил кровь на пальцах. От удара лопнула корочка на одном из порезов на левой щеке, который я на протяжении десяти месяцев расковыривал каждый вечер, не позволяя ему подживать.

– Дура... – процедил сквозь зубы я и поспешил домой.

Оказавшись в комнате, я первым делом подошёл к календарю. 20 апреля 2009 года. Без изменений.

6

Натягивая футболку, я взглянул на самодельный календарь с небольшими отрывающимися листочками и потянулся к сегодняшнему дню. Лёгкий рывок, и вот 6 июня 2009 года отправляется в стоящую на дне сейфа коробку прожитых дней, проваливаясь в узкую прорезь крышки без всякой надежды когда-либо повториться вновь. Заперев сейф и повесив на шею ключ, я схватился за дверную ручку.

– Видишь, Роберт, здесь по-прежнему нечего делать, – слышался внизу странный голос. Казалось, будто одновременно говорили два человека с тембрами высокой и низкой тональности. – Это очередной из дней очередного из циклов, в которых ничего не произойдёт. Никаких фантазий, никаких исчезновений.

– Не делай поспешных выводов, Стивен. Он может вспомнить об идее в любой момент времени, любым образом. Так что просто помолчи и не мешай.

Я быстро спустился вниз, желая увидеть обладателей необычных голосов, но не обнаружил никого незнакомого. Мама всюду суетилась на кухне. Запах чего-то вкусного, скорее всего, мяса из духовки, витал по всему дому, заставляя пустой желудок звучно мурлыкать от предвкушения сытной трапезы. Отец преспокойно сидел за обеденным столом, дожидаясь еды, и бесцельно листая утреннюю газету. Похоже,

пресса вообще его не интересовала, он слушал по радио какого-то Гарри Уолберта и пускал лёгкий дымок из своей курительной трубки, длинной и тонкой, точно вязальная спица.

– К нам кто-то заходил в гости? – спросил я у мамы.

– Ты это о чём, Джей-Джей? – Она открыла духовку и схватилась пальцами за мочку уха. – Чёрт, обожглась.

– Я слышал, кто-то разговаривал.

Она указала пальцем на радио, которое сегодня работало на порядок громче обычного.

– Мне кажется, я этого Уолберта скоро начну слышать и с выключенным приёмником, – пожалала плечами мама, вынимая тарелки из шкафчика. Она отдала их мне и поцеловала в лоб. – Отнеси на стол. Герберт, сделай потише!

– Похоже, я ещё не проснулся, – прозевал я, опустив стопку тарелок перед отцом. – Привет, пап.

Он оторвался от газеты, сложил её и, снимая очки, протяжно зевнул.

– Привет, Джей-Джей, как спалось?

– Замечательно, представляешь, что приснилось? У меня как будто было такое устройство, с помощью которого я мог перемещаться в любое место, куда только захочу...

– Что-то наподобие телепорта или машины времени?

– И вроде как да и нет, не могу объяснить. Всё сразу.

– Ну ты хотя бы запиши куда-нибудь, чтобы не забыть, вдруг однажды пригодится, – призадумавшись, произнёс отец и вновь уткнулся в газету. – А вообще для этого есть

капсулы.

Обычно, когда я рассказывал о своих околонуточных фантазиях, он говорил, что если я хочу увидеть их реальное воплощение, то должен поделиться ими с отцом Лютера, что я и делал. Однако после смерти мистера Трейда всё изменилось. Прошло уже почти два месяца с того момента, как его не стало, и родители старались не упоминать о случившемся. Они прекрасно понимали, что мистер Трейд был для меня не только наставником, изо дня в день развивающим интерес к науке, но и другом. Он буквально на пальцах объяснял мне суть явлений, изучению которых в университетах уделялись целые семестры, советовал книги, наглядно демонстрировал работу отдельных элементов придуманных мной приборов, подсказывал, что в них имеет практическую ценность, а что никогда не сможет быть реализовано и почему. Никто не мог заменить Пола Трейда, без него само изобретательство мне уже не казалось таким увлекательным занятием, как раньше. В первые дни я пытался записывать свои идеи, но потом перестал это делать, потому что не с кем было их обсудить. Родители это понимали, но не знали, как помочь мне продолжить двигаться к мечте без мистера Трейда. Они пытались записать меня на курсы юных конструкторов при технологическом университете Эмерсайз, но из этого ничего не вышло. Форма обучения там оказалась крайне занудной: первую половину учебного дня нас нагружали теорией, а вторую половину заставляли строго повторять лабо-

раторные задания из учебников. Преподаватели были теоретиками и поднимали на смех мои задумки, в то время как Пол Трейд всегда пытался разобраться в возможных вариантах их воплощения, видоизменяя первоначальные идеи или же вычлняя из них сложную многоступенчатую последовательность задач, некоторые из которых оказывались настолько сложными, что ставили в тупик самого Пола. Курсы конструкторов окончательно убили во мне интерес к изобретательству, и я перестал их посещать уже на второй неделе. Мама с папой больше не пытались найти замену мистеру Трейду, поняли, что моим идеям отныне не было суждено стать полезными изобретениями. Они осознали, что вместе с Полом погибло и моё стремление стать учёным. Видно, пытаюсь отвлечься от тех же мыслей, отец и закончил настолько внезапно эту тему.

Кухня встретила меня соблазняющими запахами. Предвкушение обеда вмиг прервало раздумья. Я потянулся к ящичку с приборами.

– Возьми из нового набора, – мама указала на чёрную коробку возле раковины. Внутри зеркальным веером на алом сукне поблёскивали серебряные вилки и ножи, на ощупь оказавшиеся неприятно тёплыми и скользкими.

Я сел на своё излюбленное место – отсюда через окно прекрасно просматривалось всё, что происходило на улице. Перед дверью соседского дома сидела увешанная разноцветными бантами собачонка. Гретта снова забыла её на улице. Гля-

нув в мою сторону, керн-терьер вскочил, залился беззвучным лаем, вжался в косяк и начал скрести коврик у порога, точно то, что заставило его тявкать, было очень страшным. Я понимал, что увидеть меня сквозь окно животное не могло, и напугало его что-то, находящееся на улице, а не в нашем доме, однако от вида трясущейся в ужасе собаки у меня неприятно засвербело в груди, и я поспешил поскорее ответить взгляд.

– Я смотрю, у нас что-то вкусненькое? – отклонившись немного в сторону, крикнул я в кухню, откуда уже шла мама с громадным блюдом еды.

– Разве я когда-нибудь готовила по выходным манную кашу?

– Манная каша?.. Гадость... – скривившись так сильно, как только мог, проурчал я.

– Не строй из себя мученика, – мама с притворным недовольством запустила в меня кухонное полотенце и улыбнулась. – Гурман неумытый.

– Зачем мне прихорашиваться? – Я повесил полотенце на спинку соседнего стула. – Сегодня я никуда не собираюсь.

– Значит, у тебя никаких планов? – спросил отец, но ответа дожидаться не стал. – Не хочешь провести день со своим стариком? Порежемся пару часиков в гольф, потом сгоняем окупнуться на каньон и порыбачим.

– А почему нет? – ответил я.

Многие, узнав, что мой отец увлекался гольфом, либо

спрашивали его, не слишком ли молод он для этой игры, либо ничего не говорили, но начинали считать его напыщенным снобом. Ошибались и те, и другие. Гольф мой отец ненавидел едва ли не больше всего в жизни. Его буквально выворачивало от всех этих выхоленных полей, крытых гольф-клубов, гольф-каров, жужжащих, как машинки для стрижки, перчаток и прочих глубоко ненавистных ему атрибутов. Его страстью были клюшки. По его мнению, клюшки для гольфа представляли собой не только практичное и невероятно прочное средство самообороны, но к тому же ещё и удобное приспособление для досуга. Произнося фразу «игра в гольф», отец обычно имел в виду не нудное катание мячика по травке, а нечто иное. Например, вылазку на заброшенную железнодорожную станцию, где мы, расположившись на платформе, расстреливали мячами гигантские окна, состоящие из небольших квадратных сегментов, загадывая ряд и столбец и соревнуясь в меткости. Или же посылали мячи с крыши одного многоэтажного дома на крышу соседнего. А однажды мы и вовсе забрались на недостроенную эстакаду и полночи выводили из себя охранника стоянки такси, заставляя посланными мячами то одну, то другую машину взвывать сигнализацией. В тот раз охранник, должно быть, сбросил целых пять килограммов веса, снуя между рядами жёлтых машин в попытках поймать мнимого хулигана. Интересно, что придумал отец на этот раз?

– Может, и Лютера возьмём с собой?

– Можно, но пусть сначала предупредит миссис Трейд, а то будет как в прошлый раз, – улыбнувшись и подмигнув мне, ответил он.

Я рассмеялся, вспомнив тот случай. Тогда мы с отцом так же ходили на каньон, и Лютер увязался за нами. Помнится, отец пообещал взять его, если тот сбегает домой и предупредит родителей, на что Лютер ответил, что уладил этот вопрос. Когда же мы вернулись, то застали у нас на кухне миссис Трейд. Она сквозь слёзы делилась своими опасениями с раздосадованной мамой, которая поправляла в её руках стакан воды, грозящий выскользнуть на пол. Лютера ждала хорошая порка, а нас с отцом – строгий выговор от мамы и наказание в виде трёхдневного мытья посуды. Повторения как-то не хотелось.

– По глазам вижу, что-то замыслили. – Мама вернулась с плоской салата.

– Да вот со Стеном решили мячик по полю покатать, – сообщил отец. – Ты не против, если Джейсон присоединится к нам?

– С каких это пор ты начал ходить на поле? – Мама наклонилась ко мне. – Узнаю, что снова хулиганили, – в нос получишь. Оба получите.

– Успокойся, мы завязали, – отшутился папа и отправил в рот кусочек мяса. – Всего лишь опробуем дальность новой клюшки. – Он наклонился ко мне и шепнул на ухо: – Потренируемся на окнах миссис Вудс.

– На каких ещё окнах? – Теперь мама по-настоящему была недовольна. – Она несчастная женщина, пережила такое горе! Так, всё, чтобы я больше этого не слышала.

– Я пошутил, дорогая, – в милой улыбке расплылся отец и поцеловал её в щёку. – Мы немножко поиграем на поле, хорошо?

– Ладно, но никаких окон, мальчики, – смягчилась мама. – Следи за ним, Джейсон.

Отец указал взглядом назад – за спинкой стула он держал правую руку с загнутыми в крестик пальцами.

– У меня есть предложение, – шепнул он, – если с трёх ударов собьёшь флюгер с крыши нашей милой соседки, то я неделю буду мыть посуду. В противном случае она твоя.

– Флюгер?! Но он же высоко, это нереально! – воскликнул я.

Лицо отца трижды поменяло выражение. Первое было явным испугом. Второе не могло означать ничего другого, кроме: «Господи, Джейсон, какой же ты идиот!» А вот увидев, как его лицо изменилось в третий раз, я понял, что он что-то придумал.

– Герберт! – в ярости вскрикнула мама и пронзила его взглядом.

– Так, Джейсон, давай быстрее... Захвати мою сумку! – сказал отец и начал подталкивать меня к двери.

– Ты ничего не забыл? – спросила мама всё ещё сердитым голосом. За моей спиной раздался громкий «чмок». Отец

поцеловал маму.

Я выволок сумку с ключками во двор и поставил перед ступеньками, а затем вернулся назад. Отец спускался с лестницы, накидывая лёгкую куртку. Он подошёл к столу, схватил ещё горячий пончик и надкусил его, говоря с набитым ртом:

– Вешером мы шобиралишь шходить порыбашить на каньон. Позвони Анджеле, Лютер идет с на... – вдруг он умолк на полуслове, уставившись в стену. Его челюсть медленно опустилась под собственным весом, демонстрируя непережёванную пищу.

– Куда идет Лютер? – Мама взяла его за руку. – Дорогой, что с тобой?

Он медленно, словно не по своей воле, перенёс на неё взгляд и выронил надкусанный пончик на пол. Его зрачки вдруг потускнели, а затем и вовсе стали бесцветными. И тут я заметил в его руке столовый нож. Он крепко сжимал его, даже не пытаясь спрятать.

– Отец! – ринулся я в его сторону, однако мама тут же оттолкнула меня. Она намного раньше осознала, что происходит.

– Беги отсюда, Джейсон! – выкрикнула она, преграждая ему дорогу, прежде чем он, схватив её левой рукой за ключицу, вонзил нож в горло, разрывая кожу. Из повреждённой плоти что-то брызнуло мне на лицо.

Я провёл ладонью по щеке и обмер, уставившись на свою

дрожащую руку. Это была кровь. Тёплая кровь моей мамы.

Сон. Это, конечно же, сон.

Я не сразу понял, что изо всей силы щиплю себя за плечо. Опять. Это и спасло меня – согнутая рука приняла на себя удар, который должен был оборвать и мою жизнь. Боль пришла не сразу. Я не заметил, как отец оказался возле меня, всё происходило точно в замедленной съёмке, и только ткнувшийся в кость нож вывел меня из оцепенения. Я со страхом посмотрел на отца и застонал от боли, увидев на полу, в луже собственной крови, умирающую маму. Она протягивала ко мне свою окровавленную руку, пыталась что-то сказать, но наружу вылетали лишь всхлипы, а из пореза на шее толчками била кровь.

Я с плачем бросился на отца, собираясь сбить с ног. Но что я мог сделать обезумевшему человеку, который минуту назад убил собственную жену? Вся эта затея оказалась ошибкой. Он отшвырнул меня на стул с такой лёгкостью, что я с силой сшиб его спиной и, перекрутившись, ударился головой о тумбу. С трудом привстав, я кинулся к выходу.

Отец схватил меня за шею, перепачканная кровью мамы рука соскользнула вниз, и пальцы ухватились за шнурок ключа. Он крутанул кистью, наматывая его на кулак, и приподнял меня над полом. Я смог поймать сжимавшуюся петлю лишь одной рукой, вторая не слушалась. Мы тянули шнурок в разные стороны, он не выдержал и лопнул, одна его половина с жужжанием обожгла мой кулак. Ключ зазвез-

нел по кафелю. Падая, я безуспешно попытался смягчить удар правой обмякшей рукой и с высоты собственного роста впечатался в пол скулой. Кожа лопнула, обдавая белую плитку кровавыми брызгами. Сознание померкло на мгновение, по истечению которого я обнаружил себя несущимся по коридору. Онемевшая от боли рука болталась где-то сбоку, цепляясь за всё вокруг. Кровь багровым потоком бежала по предплечью, струилась с кончиков неподвижных пальцев, и я чувствовал, с какой бешеной силой она вырывалась наружу в месте пореза.

– Запомни моё имя, Джейсон, я все исправлю... – звучал тот же сдвоенный голос за спиной. – Сти...

Я заорал, лишь бы не слышать имени, точно его звучание могло меня убить, и пулей выбежал на улицу. Дверь, уже успевшая закрыться за мной, с шумом распахнулась, и я почувствовал его голодный взгляд у себя на спине. Прекрасно понимая, что при желании он с лёгкостью меня догонит и закончит начатое, я побежал быстрее, стараясь расслышать через собственный плач топот его ног, но не слышал ничего. То ли он попросту медлил, то ли старался двигаться тихо. Не оглядываясь, я пробежал два квартала.

Герберт, по-прежнему сжимая окровавленный нож, бросился вслед за Джейсоном, толкнул дверь, но что-то заставило его остановиться, не позволяя сдвинуться с места. Он обернулся и увидел, как на кухне забилось в судорогах безжизненное тело Дженнифер.

– Самое время подниматься, – хмыкнул Герберт, – он ушёл.

Дверь медленно затворилась.

Дженнифер распахнула бесцветные глаза, воспарила над полом и опустилась на ноги. Она подошла к обеденному столу, взяла висящее на спинке стула белое кухонное полотенце и медленно начала промокать всё ещё кровоточащую рану на шее, глядя через окно в спину убегающему Джейсону.

– Потрудись объяснить, что ты только что сделал. – Эклс вернулся вглубь комнаты, свернул побагровевшее полотенце и положил на столешницу. – Убил Дженнифер и даже не дал её координатору ей ничего объяснить. Это не вопрос морали или моей жалости. Это план. Человек не может уйти из жизни просто так, по твоей прихоти. И где она, по-твоему, сейчас? В каком из миров? Чьё место заняла? Глобальный план какого слоя нарушила своим появлением? Ты видишь это? Можешь исправить? Нет. Ты подчинил себе чужого подопечного. Вправе ли ты это делать? Снова нет. Тогда какого

рожна ты себе позволяешь?

– Теперь видишь, насколько истовые координаторы бесхребетны? За прошедшие в этом цикле пятнадцать лет без привычного глобального плана они не предприняли ничего, пустили всё на самотёк. У них даже не хватило ума остановить меня, ведь на то не было твоих указаний. – Стивен одёрнул свой кремовый пиджак и подтянул галстук, а затем двумя пальцами аккуратно достал из нагрудного кармана алый платок, в который завернул нож и положил во внутренний карман. – Вся твоя система заботы о человечестве соткана из ошибок, и главная среди них – ты. Твоя привычка ставить всех вокруг в известность относительно своих решений рано или поздно должна была сработать против тебя. Только что Герберт ранил сына и убил жену, боюсь, это зрелище сильно повредило его рассудок, скоро он станет нам неподвластен. Как же ты дальше намереваешься отслеживать движение идеи Джейсона? Не хочешь посвятить меня в свои новые планы?

Стивен расхохотался. Теперь он снова стоял в одежде Герберта.

– Жестокость – человеческая черта, Стивен. Ребёнок до конца будет чувствовать эту утрату. Мой глобальный план к нему был более гуманным.

– Ну так сотри эту эпоху, запусти её заново, как задумал. Ой, подожди, ты же не можешь этого сделать, идея-то до сих пор не исключена. – Стивен наклонился и поднял с пола

ключ, силой сорвал с него остатки шнурка. – Знаешь, я должен тебя поблагодарить. Не разболтай ты мне о своих намерениях, я бы, скорее всего, не так скоро сообразил, как лишить тебя рук.

– Я до последнего заставлял себя верить, что ты делаешь всё это ради Джейсона, но в тебе нет ни капли от координатора. Именно поэтому ты недооцениваешь систему. Цикл бесконечен, следовательно, бесконечны и варианты, тем более если глобальный план рухнул. Я найду способ заставить тебя следовать правилам, и способ этот станет для тебя полной неожиданностью, – сказал Эклс, а тело Дженнифер мягко опустилось на пол.

Стивен окинул взглядом комнату, скомкал всё ещё зажатый в руке шнурок, сунул в рот, запил оставшимся в стакане соком, подбросил ключ и поймал, оттопырив нагрудный карман внезапно возникшего светло-синего пиджака, который исчез так же быстро, как и появился. Он глянул в щель для почты, прорезанную в двери, взъерошил волосы и уверенно шагнул на улицу.

Я продолжал бежать, глотая горькую слюну, прижимал к груди кровоточащую руку. Рыдал и бежал, жадно вдыхая тяжёлый воздух, так и норовивший вылететь обратно. Ноги подкашивались. Перед глазами плясали чёрные круги. Что-то мешало чувствовать боль, наверно, непрерывный стук в голове – поток обрывков фраз, голоса отца, мамы, каких-то людей, которые, возможно, тоже принимали участие в этом сне. Я был абсолютно уверен в нереальности происходящего, голоса только подтверждали это. Казалось, достаточно всего лишь посильнее зажмуриться, резко распахнуть глаза – и всё исчезнет. Стоило сомкнуть веки, как всё в самом деле тотчас изменилось. Я посмотрел на руки. Обе целы. Губы медленно вытянулись в улыбке.

Вон он и дом, совсем близко, не так-то далеко меня унесли ноги. Двинувшись в обратном направлении, я периферическим зрением выхватил что-то сбоку, но, повернув голову, увидел лишь ряды аккуратных домиков наших соседей. Затем нечто мелькнуло слева – и снова ничего. Ощущение близости незримого преследователя зазудело в затылке, заставляя ускорить шаг. Улица выглядела неправдоподобно безлюдной, и только у самой калитки моего дома стоял громадный мужчина. Он был хорошо одет, но совсем не по сезону. Зачем летом нужно пальто? Да ещё как из фильмов про де-

тективов и гангстеров.

– Похоже, надвигается дождь, – сказал великан, – его сейчас быть не должно.

Человек посмотрел в мою сторону, но не на меня. С кем он разговаривал?

– Слышишь шум? Нет, только прислушайся... Грядёт настоящий ливень.

– Я не понимаю о чём вы, мистер. Небо ясное, нет никакого шума, даже ветра нет. – К горлу вдруг подступил кашель, и в этот момент человек по-настоящему взглянул на меня.

– Джейсон, ты не должен был знать боли, – сказал он, будто извиняясь, надел шляпу, которую держал в руках, устало улыбнулся и зашагал прочь грузной, но уверенной походкой.

«Откуда он знает моё имя?!»

– *Боль – это жизнь, Джей-Джей,* – прозвучал в голове двоянный голос. – *Бойся тех, кто хочет тебя от неё избавить.*

Приступ кашля едва не согнул меня пополам, не позволив вскрикнуть. Нужно было срочно идти домой и рассказать маме обо всём: о странном человеке, о голосе в голове, о кашле. Я толкнул калитку, подбежал к двери и опустил вниз ручку. Дверь отворилась с молниеносной быстротой, наружу хлынул поток воды, отбросив меня на асфальт. С неба обрушился океан.

Задыхаясь от кашля на мокром асфальте, я распахнул глаза. Вода стремительно стекала по изгибам правой руки и ны-

ряла вглубь раны, вырываясь на поверхность алым обжигающим потоком, уносившим с собой всё больше крови. Я поднял голову и оглядел незнакомую улицу. Хотелось смеяться, но слёзы сами по себе хлынули из глаз. Всё, что произошло, произошло на самом деле. Мама мертва. Это не сон. Меня обманули. Я сам себя обманул. Встать не получалось, поэтому пришлось ползти, упираясь лбом в асфальт, помогая себе здоровой рукой. Я уже не спасался – пытался истереть себя об этот асфальт, чтобы не осталось ничего. Полз и орал, пока после очередного вопля что-то не щёлкнуло в горле и крик не сменился тихим хрипом. Потерявшее выход чувство безысходности рвалось наружу, ломало меня: спина выгибалась так сильно, что вот-вот была готова сложиться пополам; ноги беспорядочно пинали воздух, лужи, землю; левая рука драла асфальт с такой силой, что из-под ногтей начала сочиться кровь; напряжённая грудная клетка не позволяла выдохнуть. В какой-то момент всё тело вытянулось струной, застыло, а затем начало сжиматься в комок. Силы оставили меня. Я не мог даже рыдать – лишь лежал, подтянув колени ко лбу, теряя сознание от боли и замерзая под проливным дождём.

«Давай, дождь, лей! Ты должен здесь всё затопить! Утопи меня!» – Уже мысленно кричал я, усыпляемый шумом ливня.

Послышались шлепки ботинок. Я приоткрыл глаза. Впереди выделялось тёмное пятно, капли воды смазывали его

контуры и стекали на землю. Пятно стремительно приближалось.

– *А вот и он!* – вскрикнуло сознание. – *Иди сюда и закончи всё!*

Попытка ползти навстречу оказалась тщетной, моих сил едва ли хватило на метр. Я снова перевернулся на спину и стал мотать головой из стороны в сторону, чтобы ни на чём не фокусироваться, чтобы, когда меня убивали, я ни о чём не думал.

Шаги замедлились, становились все ближе и ближе, потом замерли. Что-то металлическое со звоном упало на асфальт. Послышался женский крик. Шаги ускорились.

«Это мама! Слава богу, она не умерла!»

– Мама! Я здесь! – из последних сил прохрипел я.

Надо мной склонился человек в почерневшей от воды накидке, и успевшие нагреться капли дождя упали с его лица на моё.

«Кровь, – подумал я. – Кровь из пореза».

– Мама, мне страшно!

– Джейсон... – Губы человека медленно сложились в это простое слово, и я скорее догадался, чем услышал, что он снова и снова повторяет моё имя.

Пепельный овал незнакомого лица заплескал на фоне тёмного неба, медленно уплывая в сгущающийся мрак, а я, напрягая зрение, пытался разглядеть его, ухватиться за это крохотное белое пятнышко, тающее во тьме. Тьма. Она боль-

ше не казалась такой обжигающе холодной – наоборот, стала тёплой и успокаивающей. Она стала родной. Вода всё прибывала.

«Теперь уже всё равно, что будет».

– Джейсон... **ДЖЕЙСОН ФОРС!** Эй, Джей-Джей... Тут появился один «клиент»... Нет, ты не ослышался, советую тебе это увидеть самому, ведь... Воспоминания – хорошая штука. Ты согласен со мной, Джейсон? Я могу всё исправить, идём со мной... **САНИТАРЫ!** Ничего сверхъестественного, всего лишь нашатырный спирт. О чём ты говоришь? Сколько таблеток ты пьёшь? Господи, что ты творишь? Заткнись, Джейсон и слушай меня! Беги, беги ради всего святого, иначе... **ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО!** Ты только что совершил **ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО!** Кэтти... Отвратительно! Ну и как тебе окончание отпуска? Отвратительно! Не перебивай! А теперь слушай меня, «другок»... Было выцарапано имя... **ЖИВЕЕ!** Остановись, бежать некуда! Да и толку от этого ноль... Есть одна река, ребята... Чай-чай-выручай, Джейсон... Тебя никогда не было... И тут она мне гово...

– ...рит: «Грегор, ты точно знаешь, что делать?» А в покорёженной магнитоле что-то заклинило, и она издевательски так хрипит голосом Макферрина: «Don't worry, be happy». Девчонка кровью истекает, а я всё думаю с этими бинтами в руках, что сегодня мой маленький Грег не отправится в путешествие, – воодушевлённо проговорил мужчина в одежде

доктора, закрепляя бинт у меня на запястье.

Сзади послышался скрипучий смех.

– Не поверишь, но вот именно поэтому я и не люблю таксистов! Сам-то уже сколько за рулём? И знаю, что веду грамотно, себя не угроблю. Ни одной аварии до сих пор, веришь, нет? А эти что – газ в пол и глаза на счётчик. Не-е-ет, брат, – протянул обладатель голоса над моей головой, – нужно держать машину, а не руль, мягко вести, понимаешь? Это как нитку в ушко продевать, истерия тут ни к чему, веришь? Поцелуй меня дьявол, если не веришь!

Окружающее пространство замедлило вращение и стало складываться в кабину скорой помощи. По бокам материализовались стеллажи с каким-то оборудованием, ящички с медикаментами. Автомобиль трясся, мотор гудел. Красный свет от ревуших проблесковых маячков пробегал по стенам зданий, мелькающих за стёклами дверей. Уже стемнело, дождь закончился. Фельдшер, которого, судя по всему, звали Грегором, возился с неподатливой упаковкой шприца. Водитель над моей головой с явным африканским говором продолжал сам себя убеждать, что он мастак в вождении.

Я попытался сообразить, что здесь делаю, но чем сильнее концентрировался, тем стремительнее мысли разлетались в стороны, точно косяк рыбы, который пробивала акула моей концентрации.

– Очнулся? – улыбнулся доктор. Он был уже не молод, но ещё не стар. – Ну что, храбрец, обскакал старушку?

– Гретта совсем старая... – пробормотал я.

В руках фельдшера щёлкнула головка ампулы. Он закрепил жгут на моей левой руке.

– Сегодня тебя за это не посадят, – сказал он, – но запомни, что за пределами этой разноцветной машины подобные уколы противозаконны, так что не привыкай.

Холодная игла пронзила кожу. Жгут ослабился. По телу мгновенно разлилось тепло. Свет сделался ярче, звуки мягче, стало вдруг как-то невероятно спокойно, и я начал своё плавное падение в забытьё.

Крохотная бабочка отчаянно билась о потолок кабины вокруг неровно горящего осветителя.

*Подёнка*⁹. Она такая несчастная.

Насекомое всё громче и громче шебуршало полупрозрачными крылышками. Тень от них плясала у меня над глазами, каждый последующий взмах длился дольше предыдущего, и, наконец, меня накрыло тьмой, точно отбросив в воду, которая приглушала свет этого крохотного солнышка, заключённого в стекло под потолком.

– И пока я хлопотал над этой бедняжкой, таксист слинял. Потом выяснилось, что машина числилась в угоне, представляешь? Я теперь начинаю побаиваться такси. Мне почему-то кажется, что однажды это может повториться...

⁹ Подёнки – древний отряд крылатых насекомых, внешне напоминающих бабочек. Подёнки живут всего один день.

Собственный крик привёл меня в чувства. Пиная ногами одеяло, я упёрся руками в матрац и тут же повалился обратно на подушки – правое предплечье свела судорога боли. Прижав ноющую конечность к груди, согнув туловище и подбрав под себя ноги, я кое-как присел. Пульсирующую жаром правую руку от самого запястья до плеча стягивал бинт, огибал тело под левой подмышкой и несколькими тугими оборотами крепился на поясе. Через перевязку в районе локтя проступала кровь.

Заскрипели ступеньки, щёлкнул замок, дверь распахнулась. За ней стоял перепуганный Лютер. Он мялся на месте, не выпуская дверной ручки, порываясь что-то сказать. На нём не было куфьи, и его бледная шея нарочито оттеняла загорелое лицо, делая кожу почти бронзовой.

– Привет... – наконец выдавил он.

Я попытался ответить, но горло пересохло до такой степени, что голос вырвался наружу тихим хрипом.

Ступеньки снова скрипнули, и в дверном проёме с таким же испуганным видом появилась миссис Трейд. Она положила Лютеру ладони на плечи и легонько подтолкнула его к лестнице. На безымянном пальце её правой руки сверкнуло обручальное кольцо. Лютер посмотрел на меня и, не найдя что сказать, спустился вниз. Его мама шагнула в комнату, тихонько прикрыла дверь, упёршись в неё спиной.

– Джейсон, ты... Не представляю, каково тебе сейчас... – дрожащим голосом произнесла она. – Я сама до сих пор не

могу поверить в то, что случилось...

Цепляясь ногтями за клеточки бинта, я поднял взгляд на казавшийся таким далёким голос миссис Трейд, пытаюсь осознать смысл сказанного ею.

«Что случилось? Почему всё не может просто обернуться сном?»

– Я хочу домой. – Я щипал себя сквозь бинт. – Когда мне можно будет пойти домой?

– Не знаю, малыш, – выдохнула она, до покраснения сдавив свои ладони, стараясь не расплакаться. Ей это не удалось. Отвернувшись, она поспешила выйти из комнаты.

Но зато я теперь знал. Знал, что больше никогда не вернусь в свой дом, что отныне прежний мир перестал существовать. Я остался один. Казалось, кто-то неведомый в одночасье перечеркнул всю мою жизнь. Я упал на кровать, и слёзы сами собой потекли из глаз.

Почему это случилось именно со мной? Почему с моими родителями? – Я не знал, получу ли когда-либо ответы на эти вопросы.

Запись № 1

11 июня 2009

Практически разучился писать правой рукой. Плохо сжимаются пальцы, а если приложить усилие, жутко ноет шрам. Пишу левой. Раньше для меня это не было проблемой, но теперь почему-то буквы выходят перекошенными.

Полицейский психолог просил начать вести дневник, но я делаю это не для него. Пошёл он к чёрту. Этот дневник он не увидит, да и наверняка уже перешерстил те, что лежали в моём письменном столе. Хватит с него и их.

Мне не нужно ни с кем делиться мыслями. Хочу, чтобы меня наконец оставили наедине с ними. Для этого совсем не нужен дневник. Отсчёт прошедших дней – единственное, для чего он сейчас полезен. Это не календарь с сейфом, но всё же лучше, чем ничего. Доверять своей памяти совсем не могу, как и не могу ограничиться лишь записями дат. Придётся писать что-то, известное лишь мне. Только так я смогу проверить подлинность хронологии.

Миссис Трейд. Она выглядит очень доброй и старается окружить меня максимальной заботой, но, похоже, я совсем перестал что-либо чувствовать. Я не могу сказать ей спасибо. Не хочу. Она всегда

была добра ко мне и этим никогда не нравилась. Мне не нужно её участие. Она в упор не видит, что оно нужно Лютеру. Всегда было нужно. Вместо этого Анджела срывается на нём ещё больше, чем раньше. Невозможно любить чужих детей, презирая своих. Кажется, только собственный облик в глазах общественности не позволяет ей вести себя с другими, как с Лютером. Лицемерная мразь. Я бы ни за что не стал жить с ней в одном доме по собственной воле. Но куда мне податься? У меня нет родни, нет денег. Анджела лишила меня даже возможности попасть в интернат, корча из себя благодетельницу. Должно быть, она упивается всеобщим восхищением.

Но не только показная гиперопека миссис Трейд выводит меня из себя. Каждый день приходят полицейские. Они задают одни и те же вопросы. Я рассказал всё уже тысячу раз, но им этого недостаточно. Вижу по их лицам, что они хотят услышать совсем не то, что я говорю. Всякий раз, когда я говорю, что ОН схватил нож и ударил маму, детектив делает такое недовольное лицо, будто это я виноват в том, что его дело не движется с мёртвой точки. Но всё было именно так, как я говорю. Я помню всё. Когда детектив придёт сегодня, пошлю его к чёрту.

– Джейсон, к тебе пришла Кэтти. Может быть, всё-таки выйдешь, хотя бы ненадолго? – заглянула в комнату миссис Трейд.

– Нет. Не сегодня. Пожелайте ей хорошего дня и попро-

сите больше не приходить.

Миссис Трейд покачала головой и ушла. В коридоре открылась соседняя дверь. Стук спешных шагов скатился по лестнице.

– Я ей всё передам, мам! – крикнул Лютер где-то внизу.

Кэтти. Она приходит каждый день. Я уверен, что придёт и завтра, даже несмотря на то, что я просил её не делать этого. Как же она меня бесит. Мне очень хочется, чтобы она не приходила. Хочется больше, чем чего бы то ни было сейчас. Я не могу позволить ей жалеть меня, хотя и не уверен, что Кэтти станет так поступать. Вообще не уверен ни в чём относительно неё. Даже не уверен, что ненавижу её. Такое ощущение, что она намеренно пытается всем понравиться, навязывает свою помощь, которая, может, и вовсе никому не нужна. Кто она такая? Откуда эти матьтерезовские замашки? Кэтрин Де'Нёв. У неё фамилия с вывески того ресторанчика, в котором любили бывать родители. Интересно, совпадение ли? Думаю, я был прав, назвав её тогда избалованной пустышкой. Привыкла получать всё, что ей хочется, вот и лезет ко мне, прикрываясь своими соболезнованиями. Не стоит её подпускать, всё равно я наскучу ей так же быстро, как и Лютер.

Запись № 2

12 июня 2009

За прошедшие дни дом Трейдов успели посетить едва ли не все жители нашего района. Они делают вид,

что приходят невзначай, но я-то знаю – приходят в надежде увидеть меня, пожалеть, прикоснуться к горю, которого им никогда не испытать. Я словно местная достопримечательность. Поймал себя на мысли, что мне приятна эта жалость. Это отвратительно. Больше ничего не буду сегодня писать.

Запись № 3

13 июня 2009

Снова пришёл детектив. Он снова недоволен. Послал его к чёрту.

Запись № 4

14 июня 2009

Лютер. Ненавижу Лютера. Ненавижу за то, что не знаю, за что ненавижу. Может, он и правильно делает, что старается не давать мне с головой уйти в себя с этим дневником. Всякий раз, когда я выливаю всю эту черноту из себя в тетрадь, мне хочется вымыть руки. Лютер стремится меня расшевелить, пытается выглядеть бодрым и весёлым, но я-то знаю, что он боится подниматься ко мне и каждый раз его заставляет Анджела.

Миссис Трейд разрешила называть её просто по имени. Это было единственным, что я попросил у неё за всё время, и я знал, что она не откажет. Никакая она для меня не миссис. Просто Анджела.

Лютеру это не нравилось, но он ни разу об этом не заговорил. Он вообще никогда не озвучивает то, что его не устраивает. Угрюмый тихушник. За это его и ненавижу. Ни разу он не оспорил мои слова, хотя по его

лицу видно, что он бывает ими недоволен. Ненавижу его и за то, что он пытается мне подражать. Демонстрирует перед Кэтти мои привычки, говорит с ней о моих увлечениях, а потом ещё обижается, что она мной интересуется. Двуличный болван. Такой же, как и его мамаша. Видит во мне соперника и пытается меня копировать. Неужели он думает отвлечь от меня Кэтти, став лучшей версией меня? Думаю, не играй он перед ней, а предстань таким, каков есть на самом деле, и у него бы шея затекла от её объятий. Они чем-то похожи. Та мечтает видеть целый мир улыбочивых и беззаботных людей, этот грезит такой же семьёй. Плевать на них, пусть сами разбираются, лишь бы меня оставили в покое. Приземлённые миролюбивые люди, пусть такими и остаются. Хотел бы я быть таким, как они. Лютер, наверное, на пол бы осел, узнав, что я с радостью готов поменять свою жизнь на его. Не нынешнюю. Сейчас мы практически в одинаковом положении. Я бы согласился обменяться нашими прежними жизнями, казавшимися такими несовершенными тогда и такими идеальными сейчас. Никогда не знаешь, когда ты счастлив. Понимаешь это, только когда время безвозвратно уходит. И всё же мне кажется, Лютеру бы не понравилось то, что он так неумело пытался копировать тогда. Я бы не пожелал и врагу своих мыслей, сомнений и страхов. Почему я не родился таким беспечным, как Лютер? За это его и ненавижу.

– Понять замысел божий нам не суждено, – проговаривал заученную фразу священник, сдвинув округлые очки на кончик носа. Он держал в подрагивающих руках библию, раскрытую на случайной странице.

Белые стулья, аккуратно выставленные в три ряда меж ровных гранитных памятников, были заняты все до единого. Многие из пришедших проститься стояли, устремив задумчивые взгляды на священника. Неподалеку сгрудились работники похоронной службы в неприметных костюмах и тихонько что-то обсуждали. Их глаза то и дело возвращались к Герберту Форсу, который недвижимо сидел в инвалидном кресле и смотрел сквозь миры пустым взглядом. За креслом стояла невысокая старушка – Гретта Вудс, ежеминутно промокающая белую махровую салфетку в слюне Герберта, сочащейся из уголка его рта тонкой тягучей струйкой. Эта же салфетка впитывала в себя слёзы старушки и пробегалась по кончику её влажного носа.

– Господь ведёт нас за руку от рождения к смерти, – продолжал священник, – и только ему одному известно, как долго продлится этот путь.

Поодаль от святого отца стояла Анджела Трейд в траурном платье и чёрной шляпе с вуалью, закрывающей половину лица. Она прижимала к себе рыдающего Джейсона, кото-

рый пытался вырваться из её рук, облачённых в чёрные перчатки, и броситься к маме.

Священник смачивал высыхающие губы кончиком языка. Пот мелкими каплями выступил на его лысине, обрамленной остатками седых волос, а голос едва заметно подрагивал.

– Слетел с катушек и прибил жену... – шепнул один из могильщиков, вытягивая тугой сигаретный дымок. – И ребёнка чуть не убил...

Пара коллег многозначно кивнула, остальные молча закурили.

– Но мы не вправе судить или оправдывать его, – священник прикрыл библию, что послужило знаком, призывающим посетителей церемонии приблизиться к гробу с покойной и попрощаться, – ведь Бог, которого дано понять, – уже не Бог.

Анджела Трейд подвела Джейсона ближе, принимая из рук Лютера букет белых орхидей. На глаза навернулись слёзы, и она подняла руку, удерживающую Джейсона, чтобы достать платок. Сжав кулаки, Джейсон исподлобья глядел на отца. Гретта подхватила в одну руку стойку с капельницей, а другой подтолкнула кресло, парализованный Герберт при этом едва не выпал из него. Голова мужчины повисла, уткнувшись подбородком в грудь, а правая рука слетела с колена. Он с невероятным усилием поднял оживающий взгляд на лежащую в гробу Дженнифер.

– Д... жен... ни-и-и... – лёгочным хрипом слетело с его обезвоженных бледных губ.

Слёзы тяжело поползли по щекам Герберта, и его лицо приняло обыкновенно-отсутствующий вид. Среди присутствующих пробежал шёпоток отвращения.

Гретта положила цветы на грудь Дженнифер и, с трудом развернув кресло, задела подножкой одетого в неброский чёрный костюм мужчину средних лет.

– Позвольте, я вам помогу, – с едва заметным немецким акцентом проговорил он и, не дожидаясь одобрения, взялся за ручки.

– Вы знаменитость? – удивлённо спросила старуха.

– Простите?

– У вас голос, как у моего мужа, – улыбнулась Гретта, забыв, что находится на похоронах, и снова переключившись на мирок своих грёз, – а мой муж был знаменитостью.

– Боюсь, что нет. Я знаменитость лишь в узких кругах.

– Но всё же знаменитость! – Гретта просияла. – «Возьми моё сердце и, пожалуйста, не разбивай его...» Это ведь ваша песня?

– Вы меня не совсем правильно поняли, миссис...

– Мисс Вудс. Я мисс и никогда не была замужем, – продолжала улыбаться Гретта.

– Я расследую... Трагедию в семье Форсов. Я детектив. Вас невозможно застать дома...

– Детектив? – разочарованно протянула Гретта. – Мой муж тоже был детективом. Погиб на одном из секретных заданий. Пусть земля ему будет пухом. И вы тоже погибнете.

Бросите старую женщину на произвол судьбы.

– Хотелось бы надеяться, что нет. – Детектив остановил кресло и посмотрел в глаза Герберта. – Вы ведь не позволите мне скончаться от старости, распутывая это дело, мистер Форс? Я рассчитываю на вас.

– Он вас не слышит, стал совсем плох от горя.

– Он меня слышит и прекрасно понимает, да и плох он стал далеко не от горя. – Детектив осмотрел бинты, перевязывающие голову Герберта. – Мисс Вудс, возьмите визитку и, как только сможете, позвоните мне. Хотелось бы услышать, как вы нашли Джейсона.

– Ой, это не столько моя заслуга... – Она взглянула на визитку. – Детектив Маркус Кёнинг! У вас необычное имя. Вы знаменитость!

Старушка прижала визитку к груди и снова засияла.

– Был рад с вами познакомиться. – Детектив в первый раз улыбнулся и скрылся в толпе покидающих церемонию людей.

Запись № 9

19 июня 2009

Вчера были похороны. Я надеялся, что хотя бы в эту ночь мне приснится мама. Но этого снова не произошло. Зато приснился ОН. В последнее время я старался больше времени проводить в комнате, больше спать, хотел увидеть маму, но она так ни разу и не пришла. Всякий раз вместо неё приходил ОН и пытался закончить начатое во сне. Я боюсь спать, боюсь в той же степени, в какой мечтаю увидеть маму. Кажется, единственную возможность с ней повидаться я упустил вчера. Вместо того чтобы как следует попрощаться, я на протяжении всей церемонии собирался с силами, планируя наброситься на НЕГО, задушить, впиться зубами в горло – сделать всё возможное, чтобы его не стало. И когда я уже был готов это сделать, появился чёртов детектив. Я испугался. После того как он ушёл, моей решимости, возможно, хватило бы на задуманное, но её остатки испарились с появлением того гигантанезнакомца. А впрочем, мне это могло померещиться. Всего одно мгновение я видел краем глаза песочный плащ, мелькнувший в гуце пришедших на похороны. Когда же я повернулся, его уже не было. Однако и этой ничтожной доли секунды наваждения хватило, чтобы

окончательно вывести меня из равновесия...

– Эй, Джейсон, – Анджела постучала в дверь, – тут детектив пришёл!

– Не хочу его видеть.

Снизу послышался приглушённый бас.

– Но он уже здесь, – как бы извиняясь, произнесла она. – Может, всё-таки спустишься?

– Если ему это так нужно, пусть сам поднимается.

Заскрипела лестница, и послышалось сухое тяжёлое дыхание детектива. Раньше я его не замечал. Кажется, у него не всё в порядке с лёгкими.

– С вами всё хорошо? – спросила Анджела, глядя на побледневшее лицо детектива. – Может, вам воды?

– Спасибо, не люблю воду, – скривился он и шагнул в комнату, бегло окидывая её взглядом. – Вижу, играешь в бейсбол? Твоя бита?

– Это Лютера. – Она убрала биту.

Детектив подошёл ко мне и наклонился к окну. Я услышал едва уловимый посвист его вдохов.

– Отсюда хорошо виден твой дом. – Он повернулся к Анджеле. – Точно ничего не видели в тот день?

– Это комната мужа, она обычно пустует.

– Ах да, простите, я забыл. – Он повернулся ко мне и впервые протянул руку. – Трудно добиться твоей аудиенции.

Я пожал её с такой силой, с какой только мог. Шрам жутко взвыл. Я улыбнулся, представляя, что эту боль чувствует и

он.

– Ну что, может, присядем? – Он развернул ко мне стул, а сам уселся за письменный стол. – Надеюсь, ты вспомнил какие-нибудь подробности?

– Джейсон рассказал вам уже всё, – сказала Анджела из дверей.

Детектив повернулся к ней, и ремни его наплечной кобуры коротко скрипнули.

– Знаете, а всё же принесите мне воды. С лимоном и сахаром, если вас не затруднит. – Он дождался, пока она спустится. – Уверен, ты и сам можешь отвечать на вопросы.

– Мне нечего сказать.

– Тогда начну я. – Он достал ручку и пододвинул к себе мой дневник, открывая чистую страницу. – Позволишь? И так, в тот день ты проснулся... Во сколько?

– Часа в три, я же говорил уже. – Детектив сделал пометку, держа дневник на весу обложкой ко мне.

– Ты спустился вниз по лестнице. Увидел что-нибудь необычное?

– Ничего.

– Ни-че-го-о-о, – протянул он и снова что-то написал. – Обед. Ты сидел напротив отца, мама по правую руку ближе к кухне. Во что они были одеты?

– А разве имеет какое-то значение, во что они были одеты? – Он снова начал выводить меня из себя.

– О чём вы говорили?

– Я не помню, кажется, собирались идти играть в гольф.

Детектив продолжал записывать наш разговор.

– Ты хорошо держишь клюшку?

Какая, к чёрту, клюшка? Какая разница, как я её держу?

– Неплохо, – ответил я. – Может, ещё спросите, что я ел?

Я ел мясной рулет и салат из овощей...

– С подсолнечным маслом или майонезом? – Он занёс ручку над листом, глядя мне в глаза.

– А знаете что, катитесь-ка вы к дьяволу со своим салатом!

– Ладно, – он положил открытый дневник обложкой вверх, – на сегодня, пожалуй, хватит.

В дверях появилась Анджела со стаканом.

– Уже уходите?

– Спасибо за воду, – улыбнулся он и сбежал по лестнице.

– Анджела, можно я побуду один?

Она молча прикрыла дверь. Я подлетел к столу и развернул дневник к себе.

Запись № 10

Знаешь, Джейсон, а ведь главный подозреваемый – это ты.

– Постойте! – крикнул я, распахивая окно. – Вернитесь и объясните, что это значит!

– На сегодня у меня нет времени, Джейсон, – покачал головой детектив, – мне нужно ещё раз опросить соседей.

Он двинулся дальше.

– Я слышал голоса.

На очередном шаге его нога ткнулась в асфальт, и он остановился.

Запись № 10

Запись № 11

Я рассказал ему всё, что помнил на самом деле. И даже то, что казалось мне плодом моего воображения. Он не задал ни одного глупого вопроса. У него был свой собственный блокнот. Был изначально. Он меня провёл. Он мне начинает нравиться и этим бесит ещё больше.

Впервые за две недели осмелился настолько близко подойти к собственному дому. Пёстрые полицейские ленты, огораживающие двор, виднелись и отсюда, через дорогу из-под раскидистого вяза, на суку которого когда-то давно мы с *Ним* подвесили старую автомобильную покрывку вместо качелей. Глядя на желтеющие печати, облепившие входную дверь, я гадал: хватило бы у меня решимости войти внутрь, не будь дом под охраной полиции? Скорее всего, нет. Да и незачем туда идти. После всего, что произошло, это место уже никак нельзя было назвать домом. Однако что-то в нём притягивало, как иногда воспоминания возвращают тебя в те упущенные моменты, когда тебе стоило сказать лишь слово или, наоборот, о чём-то умолчать, чтобы всё случилось иначе.

Я провёл пальцами по шелушащемуся ожогу от шнурка на шее. Нет, всё же была одна вещь, из-за которой стоило попытаться пробраться в дом. Любым способом. Мне был нужен мой сейф. Но проблема в том, что ключ остался где-то внутри, и скорее всего, полицейские его либо забрали как улику, либо зашвырнули так далеко, что найти его будет невозможно.

Очередной порыв ветра принёс знакомый персиковый запах духов, и я понял, кому они принадлежат, раньше, чем

обернулся. Кэтти. Она подошла незаметно, и неизвестно, как долго была здесь. Наверное, с самого начала. Прислонившись к стволу дерева, она смотрела на меня так, будто совсем не хотела, чтобы я её заметил.

– Джейсон... – Она подступила на шаг и остановилась, не решаясь подходить ближе.

Ещё вчера я был уверен, что без неё мне будет легче, что будет лучше, если она вообще забудет о моём существовании, если оставит меня в покое, но теперь эта уверенность вдруг куда-то исчезла. Мне стало всё равно. Не играло роли, будет она и дальше меня преследовать или нет. В любом случае я скоро всё это закончу. Найти бы только способ открыть сейф.

– Привет... – Кэтти шагнула ещё немного, заслонив солнце. Её лица не было видно – лишь силуэт с развевающимися на ветру волосами. – Я просто... Хотела тебя увидеть.

Она нерешительно присела рядом.

– Догадывалась, что ты придёшь сюда, и хотела тебя как-то поддержать, но... Теперь даже не знаю, что должна говорить.

Ей ничего не нужно было говорить. Ничто уже не имело значения. Ни она, ни Лютер, ни Анджела с детективом, ни даже я сам. Всё, что происходило вокруг с того самого дня, утратило существенность, стало зыбким. Действительность предстала в виде неустойчивого нагромождения запрограммированных на самоуничтожение элементов. Доста-

точно было всего одной детали, чтобы она развеялась без следа. И эта деталь лежала в сейфе. Хотелось поскорее отделаться от Кэтти и продумать дальнейшие действия.

– Лютер говорил, ты совсем не выходишь из комнаты. – Она словно намеренно оттягивала начало разговора, в необходимости которого сама сомневалась. – Он переживает...

– Ты хотела поговорить о Лютере? – перебил я.

– Не только. – Она облегчённо выдохнула и расслабилась. – Ты как?

Я пожал плечом. Не было желания говорить о родителях, и пока Кэтти не затрагивала так явно эту тему, её общество не вызывало сильного раздражения. Теперь же разговор начинал досажать. Нужно было скорее от неё избавиться.

– Мне неинтересно, что у вас с ним.

– Зачем ты себя так ведёшь? – пробормотала Кэтти, принимая собственные колени.

– Как именно?

– Будто ничего не происходит.

– А разве не так?

Она попыталась что-то сказать, но осеклась на полуслове и отвернулась. Кэтти не могла собраться с духом, а может, и вовсе пыталась заговорить о том, что ещё сама толком не успела обдумать. В любом случае ей была нужна помощь, чтобы продолжить разговор, но я по-прежнему молчал. В конце концов, в нём не было никакого смысла.

– После того, что с тобой случилось, Лютер меня избега-

ет, – наконец сказала она.

– Он выходит к тебе каждый день.

– Да, но... Он просто отсылает меня домой. Совсем ничего не рассказывает. Я не знаю, что у вас происходит. У вас обоих. Вы оба закрываетесь. Такое ощущение, что Лютер снова потерял семью. Прости, что говорю такое, но он ведёт себя точно так же, как и тогда...

– Чёрт, а я ведь так до сих пор и не признался ему, что видел в тот день его отца. Должен сказать, но не хочу... – Я не договорил, но для себя отметил, что не хочу его лишней раз ранить. Кэтти незачем было это слышать.

– Меня до сих пор дрожь берёт, как вспомню, что стояла рядом с человеком буквально за минуту до его смерти. Всё настолько внезапно, я не знаю...

– Ему нравились мои родители, – сказал я, надеясь, что на этом откровении беседа закончится. – Его отец на работе постоянно пропадал, а мать... В общем, он почти вырос в нашем доме. Вся эта ситуация для него кажется невозможной.

– А для тебя разве...

– Мы говорим о Лютере, – оборвал я.

Кэтти не стала продолжать и посмотрела на небо. По дороге медленно проехал старый пикап. Водитель-толстяк неотрывно глядел на нас и, перед тем как свернуть на соседнюю улицу, смачно плюнул в окно.

– Облака бегут так быстро, – сказала она, – будто хотят поскорее пройти это место.

– Ветрено, – сказал я. – Ничего мистического.

– Я в этом не уверена. В последнее время здесь стало происходить столько всего ужасного. Сначала отец Лютера, теперь твои родители. Я не могу отделаться от ощущения, что грядёт что-то по-настоящему опасное. Ну, знаешь, для всех нас, для всех-всех.

– Дурь. И хватит уже о моих родителях. У тебя всё?

– Прости, Джейсон, не хотела тебя задеть, но ты сам ведёшь себя как козёл. Я пытаюсь помочь, а ты продолжаешь сидеть с хмурым лицом и источать злобу, вместо того чтобы как следует выговориться. Окружающие не виноваты в том, что случилось с твоей мамой. Можешь продолжать всех ненавидеть, но лучше тебе от этого не станет.

– Тебе-то откуда знать, что значит потерять родителей?

– Ниоткуда! – бросила она. – Так же, как и тебе не известно, что значит не иметь родителей, а только... – Её глаза заблестели, голос надломился. – Только эти идиотские фальшивые улыбочки на обложках. Ты не знаешь, каково видеть родителей только на официальных встречах в окружении лицезмеров и обслуги... Что значит впервые остаться дома с мамой, когда она уже не твоя мама... – Кэтти старалась не плакать. У неё это плохо получалось. – Когда мы познакомились, ты говорил, что поездки в капсулах могут постепенно менять пассажира. Ты сказал, что человек, который садится в капсулу, и человек, который выходит из неё, – это разные люди. Это было так похоже на то, что случилось с моей ма-

мой. Мне показалось, ты способен понять, что я чувствовала, когда у неё начались изменения... А ты оказался обыкновенным невежей.

– Я не набивался к тебе в друзья, да и родителей твоих не знаю.

– Я и сама их толком не знаю. – Она теребила в руках ремешок своей сумочки, проводя большим пальцем по золотистой застёжке с выгравированной фамилией «Де'Нёв». – Два года назад мы узнали, что она больна. Мама. У неё наследственное заболевание, хорей Хантингтона. Обычно у больных сначала проявляются физические симптомы, проблемы с координацией, ну ты понимаешь, судороги. Но у мамы всё началось иначе, болезнь затронула когнитивные функции. Она менялась буквально на глазах, сначала начала себя странно вести, не могла работать, не знала, что делать в какой последовательности, потом стала вести себя неадекватно, как-то даже въехала на машине в торговый центр прямо через витрину, закрыла дверцу и пошла за покупками. Перестала узнавать нас, считала, что мы силой её держим дома, наверное, из-за этого у неё появилась навязчивая идея уехать. Она не говорила, куда, может, и сама этого не осознавала, для неё важен был сам факт отъезда. В общем, это был настоящий кошмар.

– А потом? – спросил я, изумлённый внезапной догадкой. Мне хотелось ошибиться, но всё же произошедшее с её мамой наталкивало на мысль о неприкрытой закономерности

в судьбах наших родителей, точно для них существовал какой-то общий, заранее прописанный сценарий.

– Начали проявляться физические симптомы, причём очень стремительно. Судороги разбили её буквально за неделю. Она не могла ни ходить, ни говорить, ни даже есть.

– Да уж, – скривился я, вспомнив *Ego* с неподвижным лицом мертвеца, сидящего на похоронах в инвалидном кресле. Ведь с *Ним* произошло что-то подобное, только гораздо быстрее – всего за пару мгновений. Мама Кэтти и *Он*. Спускковые пружины для каждого из них были свои, но приводили в действие один и тот же механизм. Такие изменения не случайны – они служили определённой цели, вот только какой? В этот момент мне искренне стало жаль Кэтти. – Хреново.

– Нет, это было даже к лучшему. Хорея не лечится, а так нам хотя бы больше не нужно было искать её по всему городу. Она же выходила по ночам на автобусную остановку, пыталась пешком выбраться из города... Хорошо, что тогда ещё не было транспортных капсул, и она не успевала далеко уйти. Самое ужасное, что всё это происходило постепенно, день за днём она становилась чуточку другой, ещё чуточку другой, пока однажды этих изменений не накопилось столько, что она уже перестала быть собой. Всё, как ты сказал тогда.

– И что с ней теперь?

– Она всё ещё жива, я иногда её навещаю, правда, она об этом не знает. Маму держат на каких-то парализующих пре-

паратах, она лежит в кровати, подключённая к аппарату искусственного дыхания. – Голос Кэтти задрожал ещё сильнее, и она разрыдалась уже по-настоящему. – Врачи говорят, что живо только тело, а мозг уже настолько сильно повреждён, что...

– Кэт, извини, я не знал. Давай не будем об этом...

– Отец забрал её из клиники, нанял целую кучу врачей, дом превратился в настоящую больницу, – продолжила она, будто совсем не замечая, что я сказал. – Когда у мамы начались гримасы и проблемы со сном, он настоял, чтобы я переехала к сестре. Так что для меня было шоком однажды прийти домой и застать маму неподвижной, обвешанной всей этой аппаратурой... А отец, он совсем ушёл в себя, передал бизнес совету, чтобы быть с ней. Они оба жили своими работами, папа ездил в одни страны, расширял сеть, мама возила коллекции в другие. Они годами растворялись в своих детищах, совсем не видя друг друга. От семьи было одно название. Меган они некоторое время ещё растили самостоятельно, а я всего пару раз видела их вместе. Сиделки были моей роднёй, но не мама с папой. Больше всего для меня, что только болезнь мамы их заставила остановиться. Они жертвовали семьёй, чтобы обеспечить её уже давно не нужными средствами. Чем больше они зарабатывали, тем дальше становились друг от друга, и снова оказались рядом, только когда это уже стало бессмысленно, когда мама исчезла. Но знаешь, я надеюсь, что где-то в глубине она всё ещё жива. А

вдруг Дети Альфреда правы? Джейсон? Ты же сам говорил, ты сказал, вдруг душа и вправду существует? Я об этом постоянно думала, даже в тот момент, когда ты это сказал, ты точно мысли мои прочитал. Если так, то мама ведь всё ещё с нами, правда?

– Уверен, что это так.

– Прости, Джейсон, я самая настоящая дура. Разревелась тут о своём. Прости. Просто пойми, когда вы закрываетесь от меня, я начинаю вновь себя чувствовать той девчонкой, которая наблюдала, как её мама закрывается от всего мира. Я боюсь вновь пережить что-то подобное... У меня ведь нет никого. Я тут никого не знаю. Обещаешь не пропадать?

– Постараюсь. – Я смотрел на неё, точно в зеркало, в котором видел себя. Видел Лютера. Видел нас обоих. Она одна пережила то же, что и мы по отдельности, но продолжала верить в лучшее, в свою мечту. Казалось, из нас троих только она с самого начала всё понимала, видела настоящего Лютера, видела в его притворстве ещё незнакомого меня. Она была нужна нам обоим и чувствовала это. Не будь мы такими идиотами, Кэтти сумела бы нам как-то помочь. Она и пыталась. Теперь же вся надежда только на шестое июня, и я вернусь туда, чего бы мне это ни стоило. – Кэт, пообещай и ты кое-что. Что бы ни случилось, не оставляй Лютера.

В полицейском участке царил настоящий хаос. Расследование происшествия в семье Форсов длилось уже две недели, а поднявшаяся вокруг него шумиха только набирала силу. Пронырливые журналисты уже не ограничивались телефонными разговорами, в буквальном смысле осаждали вход в здание, в надежде поговорить с детективом и пролить хоть капельку света на эту запутанную историю. Пока же у них этого не получалось, они довольствовались тем, что отлавливали всех выходящих из полицейского участка людей. Но не столько это затрудняло ход расследования, сколько тот факт, что за последнюю неделю приёмную участка посетило со свидетельскими показаниями ровно 164 человека. Каждый утверждал, что едва ли не собственными глазами видел всю трагедию, приукрашая её всё новыми и новыми подробностями. Создавалось впечатление, что в тот день возле дома Форсов собралась добрая половина Рош-Аинда, а всё происходящее представляло собой хорошо разрекламированную театральную постановку. Трудно было сказать, что именно побуждало посторонних людей принимать участие в этом деле, но явно не желание помочь.

– Как же, мать твою, меня это задолбало! Грёбаные свидетели, грёбаные криминалисты, грёбаные журналисты! – Крича, в кабинет влетел Хьюго, хлопнув дверью с такой силой,

что та едва не слетела с петель. На стол перед детективом шлёпнулась тонкая папка. – На, полюбуйся! Герберт самый настоящий псих. Невменяемый!

Детектив молча пролистал бумаги и не выразил ни разочарования, ни удивления. Ничего другого он и не ожидал увидеть.

– Нам в любом случае жопа! Независимо от того, сможем ли мы доказать его вину или нет. – Хьюго продолжал носиться по кабинету как ураган. – Если мы её не докажем, нас сожрут в СМИ, в управлении, а кости обглодает губернатор. А даже если и докажем, он всё равно не сядет. Он же, мать его, невменяемый!

Маркус по-прежнему молчал. В его голове вертелись слова, сказанные Джейсоном:

Два странных мужских голоса внизу. Я их раньше не слышал.

– Я хочу видеть судебного медика и главного криминалиста по делу Форсов. – Детектив сам не заметил, как телефонная трубка очутилась у его уха. – Прямо сейчас.

Хьюго тем временем, проклиная всё и вся, принялся разъярённо выдавливать воду из кулера. Видимо, рассчитывая на то, что если он нажмёт на кнопку сильнее, стакан наполнится быстрее.

– Я уже две проклятые недели не был дома, – рычал он. – Я не видел свою жену всё это время. Может она уже ушла от меня и живёт с моим соседом. В семье должен быть мужик,

а не чёртов сосед!

Она поняла всё раньше, чем я. Я ничего не мог сделать.

Хьюго подошёл к окну, нервно загребая ложкой кофейную гущу со дна стакана. Он дёрнул за шнурок, поднимая жалюзи, и его тут же ослепила вспышка. Это стало последней каплей.

– Вот падла! – Он распахнул окно, выплёскивая в отбегающего фотографа свой кофе. Действие сопровождалось серией вспышек. – Я смотрю, у вас хорошо получается держать объектив, может быть, хотите подержать что-нибудь потолще? – Он потряс рукой пах и продемонстрировал средний палец. – На первую полосу!

Хьюго вернулся к кулеру и с удвоенным остервенением начал стучать по кнопкам.

Он схватил нож со стола и...

Дверь в кабинет открылась. Вошла судебный медик – женщина лет шестидесяти в строгом сером костюме, который подчёркивал её идеальную осанку. Следом за ней, протирая толстые стёкла очков о рубашку, показался худощавого телосложения мужчина. Его покрытое пигментными пятнами лицо выражало вселенскую усталость. На плече висел внушительных размеров контейнер.

– Детектив Кёнинг. – Женщина крепко, по-мужски пожала ему руку.

– Здравствуй, Барбара. – Маркус вынырнул из своих мыслей. – Присаживайтесь, Кристофер, – сказал он мнущемуся

у дверей криминалисту. – Хьюго, заканчивай пить кофе, иди сюда. Давайте ещё раз пройдёмся по тому, что у нас есть. – Он посмотрел на Барбару.

– Дженнифер Форс, женщина тридцати трёх лет. Смерть наступила между пятнадцатью тридцатью и шестнадцатью часами от обильной кровопотери, вызванной ранением в область шеи. Характерная рваность контура раны говорит о том, что удар был произведён слабо заточенным предметом. Удар, вероятно, нанесён левой рукой между метром семьдесятю и метром восьмьюдесятю. Никаких посторонних частиц, за исключением хлопковых волокон, в месте пореза не обнаружено. Длина пореза – девятнадцать сантиметров. Средняя толщина – пять миллиметров, но у верхней своей части он более широкий – чуть меньше двух сантиметров. Смерть наступила в течение двадцати секунд. Это что касается ранения. Химический анализ не показал наличия в крови жертвы каких-либо посторонних веществ. Однако один момент показался мне странным. Мозг жертвы был насыщен кровью, в то время как во всём теле её практически не осталось. Более того, по какой-то причине эта кровь на момент вскрытия даже не начала сворачиваться...

– Как такое возможно? – спросил Кристофер.

– По не известной пока мне причине в этой крови наблюдалось аномально низкое содержание антигемофильного глобулина, что вдвойне странно, ведь умершая не страдала гемофилией. Втройне странно, что содержание данного бел-

ка в основной массе крови на полу было в пределах нормы. Однако не это самое необычное.

– Что же ещё? – усмехнулся Хьюго, хлюпая кофе.

– Помимо этого задержавшаяся в мозге жертвы кровь была в значительной мере насыщена кислородом.

– И что это может значить? – спросил Маркус.

– Да ни черта это не значит! – ответил вместо Барбары Хьюго, звучно отпив ещё немного кофе. – Гоняемся за призраком.

Барбара посмотрела на него ледяным взглядом. Головка шумящего напольного вентилятора повернулась к Хьюго, и тот передёрнулся от пробежавшего по спине потока воздуха.

– Это может значить, что её перевернули вверх ногами и только после этого перерезали горло, – пояснила она. – Затем дождались, пока кровь из тела стечёт, подмешали к малой её части мощный антикоагулянт, следы которого я обнаружить не смогла, каким-то неведомым способом наполнили этой кровью мозг жертвы, закупорили сосуды и тогда уже спустили её на землю. Так тебе понятнее, что это значит? Это невозможно.

Хьюго сжал губы и отставил кофе.

– Так или иначе, – продолжала Барбара, – имея даже такой незначительный запас кислорода, мозг жертвы мог функционировать некоторое время после того, как всё остальное тело уже было обескровлено.

– Может ли это означать, что она могла двигаться? – уточ-

нил детектив.

– Движения конвульсивного характера вполне вероятны.

– А встать?

Барбара нахмурилась.

– Не думаю. Нет, – сказала она.

– Однако положение тела говорит об обратном, – подал голос Кристофер. – Основная масса крови находилась в нескольких метрах от того места, где было обнаружено тело. Никаких следов перемещения. Полотенце, – он извлёк из пластикового контейнера полиэтиленовый свёрток и положил его на стол, – содержит только её отпечатки и отпечатки мальчика. Установили, чья кровь?

– Она принадлежит Дженнифер Форс, – ответила Барбара.

У меня было видение. Великан возле моего дома. Он мне не угрожает. Он... Будто извиняется.

– Мне всё ясно, – пожал плечами Хьюго. – Герберт запаниковал, попытался перенести тело, вспомнил о том, что убежал ребёнок, положил тело. А что касается полотенца... Оно вообще могло всё время быть у неё в руках. А по поводу отпечатков на нём – это вопрос к качеству работы ваших криминалистов. Я не удивлюсь, если это кто-то из них по глупости оставил его на столе. Да и не так уж и хорошо оно было сложено.

– По твоим словам, всё, хоть и с натяжкой, но выглядит логично, – покачал головой Маркус. – Все согласны? Кри-

стофер, а что с орудием убийства?

– Мы проверили все предметы в доме. Обеденный стол был накрыт на трёх человек. Все столовые приборы взяты из одного набора – три вилки и только два ножа. На кухне нами была найдена другая часть этого набора, в ней также находились три вилки и уже три ножа. Шестой нож мы найти не смогли. Исходя из предоставленных Барбарой данных и показаний мальчика, я могу с полной уверенностью сказать, что орудием убийства является тот самый нож. Вопрос только, где он сейчас?

– Вот первый и главный пробел. Однако есть ещё два, – сказал детектив. – Второй пробел – сам Герберт. Ты помнишь, Хьюго? Когда мы в тот день навестили его в больнице, врачи сказали нам, что его травмы могло вызвать простое падение. Ты по-прежнему придерживаешься этой точки зрения?

– Ну да. Он погнался за Джейсоном, споткнулся, да пусть хоть на порошках, и ударился головой. Вот и всё.

– Место падения Герберта нам известно точно, – поправил его Кристофер, показывая фотографию. – Он упал здесь, на бетоне, в полутора метрах от калитки.

Хьюго проигнорировал снимок и демонстративно развернулся на скрипучем стуле спиной к криминалисту.

– На похоронах я подходил к нему и заметил одну занятную деталь, – продолжал тем временем Маркус. – Как и докладывали медики, у него две травмы. Одну из них, до-

пустим, левосторонний перелом челюсти, вполне могло вызвать падение. Однако висок повреждён с правой стороны. Упасть сразу на обе стороны лица он никак не мог. Вот он и второй пробел. Вы видите какую-нибудь связь?

В кабинете повисла тишина.

– Хьюго? – Маркус взглянул на помощника. – Ты уже понял, к чему я веду?

– Не держи меня за идиота, – отмахнулся Хьюго, поднёс ко рту пустой стакан и вернул его на место, – но это полная чушь.

– Как отметила Барбара, Дженнифер погибла от руки левши. Герберт – правша. Мне кажется, все эти пробелы могло бы заполнить третье лицо. Тем более в последнем разговоре со мной Джейсон упоминал какие-то голоса. Есть вероятность, что убийство совершил вовсе не Герберт, а кто-то посторонний. Герберт попытался его остановить, получил одну из травм и лишь затем упал...

– Но мальчик ясно сказал, что убийца – его отец! – прервал детектива Хьюго.

– Ты сам прекрасно слышал, насколько несвязно Джейсон рассказывает о том дне, а штатный психолог управления, который вчера сидел на этом самом стуле, пока ты зевал за компьютером, сказал, напомним, следующее: «Существует вероятность того, что некоторые события могут быть стёрты из его памяти в результате потрясения». К тому же сам мальчик говорил, что видел какого-то крупного мужчину возле дома.

Наши ребята уже занимаются составлением фоторобота.

– Хорошо, допустим, Герберта кто-то ударил. Но чем? – спросил Хьюго.

Маркус вопросительно посмотрел на Кристофера.

– Мы не работали в этом направлении, – замялся тот. – Не рассматривали возможность появления третьего человека и ещё одного орудия. Но в любом случае, мы сняли отпечатки со всех предметов в доме.

Хьюго презрительно хмыкнул и почесал щетину.

– У тебя списки с собой? – спросил Маркус. Кристофер передал ему внушительную стопку бумаг. Детектив разделил её на четыре приблизительно равные части между присутствующими. – Ищем неизвестные отпечатки.

– У меня ничего, – спустя десять минут произнёс Кристофер, откладывая последний листок.

– Пусто, – сказал Маркус.

Ещё через некоторое время закончила Барбара:

– Неизвестные отпечатки на силиконовых формочках для кексов и на компьютерной клавиатуре в комнате Джейсона. Маркус, но это абсурд, ты сам себя закапываешь ещё глубже.

Втроём они посмотрели на бормочущего Хьюго, который к тому моменту едва изучил половину бумаг.

– Кофейник (Джейсон, Герберт, Дженнифер)... Кастрюля красная, два литра... (Герберт, Дженнифер) Ключница... (Дженнифер), – читал в случайном порядке Хьюго. – Кактус (без отпечатков)... Ключка для гольфа № 9 (Герберт, Джей-

сон, нет в базе). Мать твою, у меня клюшка!

Мы собирались играть в гольф.

– С кем, Джейсон?

– ОН, я, Лютер и Стенли.

Ужин, как и любой приём пищи в доме Трейдов, проходил в полной тишине. Телевизор, который в первые дни миссис Трейд по привычке включала, сейчас молчал – в новостях то и дело упоминали о гибели моей мамы, и всякий раз, как это происходило, Анджела перещёлкивала канал, а сейчас и вовсе отключила телевизор от сети. Завести разговор не пытался никто из нас. Без аппетита стуча по тарелкам вилками и чиркая ножами, когда требовалось что-то отрезать, мы старались не думать ни о чём, кроме пищи, пытаюсь таким образом заглушить мысли о своих утратах. Я пытался не думать о маме. Лютер – об отце. Миссис Трейд – о муже. Она с Лютером сидела у одной части стола, я – напротив, у другой. Во главе не сидел никто. Раньше, должно быть, там сидел отец Лютера, но теперь место пустовало, и Анджела никак не могла к этому привыкнуть. Она не клала приборы для него, не ставила тарелки, как это могли бы делать какие-нибудь особенно чувствительные вдовы, не вздыхала, глядя на спинку его стула, и вообще никаким образом не показывала Лютеру своей тоски. Она была сильной женщиной и старалась стать для сына примером, ведь теперь их маленькая семья полностью легла на её хрупкие плечи, и демонстрировать слабость в её положении означало бы заставить Лютера чувствовать слабым и себя. Она стала в этом доме главной,

однако пересаживаться на место Пола за обеденным столом не хотела. Со стороны могло показаться, будто она боится окончательно принять на себя обязанности главы семьи, однако я считал, что дело было не в этом. Сесть на место мужа, вынести мебель из его кабинета или избавиться от оборудования в его домашней лаборатории для Анджелы означало бы признать, что Пола больше нет. Несмотря на свою выдержку и желание научить сына стойкости, она всё же не могла этого сделать. Я всё это понимал. Быть может, раньше не смог бы понять, но теперь, с потерей родителей, мне стало ясно, что чувствует человек в подобной ситуации и какие мысли его посещают.

В дверь кто-то позвонил. Анджела молча отложила на стол салфетку и вышла из комнаты. Я слышал, как открылась внутренняя дверь и почти сразу же захлопнулась. Миссис Трейд вернулась взволнованной.

– Заканчивайте, мальчики, и бегом наверх, – она сопровождала эти слова суетливым жестом, направленным в сторону лестницы. – Ко мне пришли по делу.

Мы с Лютером поднялись на второй этаж и разошлись по комнатам. Однако едва я успел лечь на кровать, как миссис Трейд тут же позвала меня.

В гостиной у обеденного стола стояли двое. Оба в дорогих костюмах. Один – молчаливый азиат, глядел на меня с полным отсутствием каких-либо эмоций. По одному только его облику – не моргающим, неотрывно следующим за

мною крохотным глазам, острым, как жаберные крышки рыбы, скулам и бесцветным тонким губам – я понял, что он не из говорливых. Знаете, бывают такие люди, которые говорят очень редко, и если уж им приходится это делать, то их слова оказываются либо полной глупостью, либо наоборот, пробирают до дрожи костей своей всепроникающей точностью. Одного взгляда на этого человека было достаточно, чтобы понять: он – второй случай. Однако больше всего меня в его внешности напугало то, что левую руку ему заменял нейромышечный протез чёрного цвета, ни в чём не уступающий его второй руке – движения были естественными и плавными, протез не издавал механических звуков, присущих дешёвым моделям. Можно было даже подумать, что это вовсе не протез – просто его обладатель опустил руку по локоть в чёрную краску.

Другой незнакомец – сурового вида мужлан, не громила, но всё же крепко сбитый, буквально светился дружелюбием изнутри. Глаза, брови, складки вокруг рта – всё в нём улыбалось, он точно излучал эту улыбку через каждую пору своего лица, оно само будто всё вытянулось в улыбке. И вслед за этим едва уловимым движением его чрезвычайно подвижной кожи растянулись в улыбке его губы, обнажая наполненную вспененной слюной силиконовую капу для отбеливания зубов. Незнакомец стянул её большим пальцем и сунул в боковой карман пиджака. Зубы засверкали неестественным керамическим блеском. Они и сами были не совсем обычными

для человека – казались чуть заострёнными к кончикам.

– Джейсон, иди сюда, мальчик мой! – Он отставил в сторону руку, точно приготовившись ею приобнять меня. – Зо-ви меня мистер Доггетт. Я, можно сказать, коллега мистера Трейда. Всё путём, а?

– Вы учёный? – с сомнением спросил я. На учёного он был мало похож, скорее на какого-то спецагента. Его голос показался мне знакомым.

– В некоторой степени, дружок, – беззвучно посмеялся он. Не улыбнулся, а именно посмеялся – его плечи дёрнулись несколько раз, и было в этом движении что-то жуткое. – Только, в отличие от учёных, я не спешу делиться своими знаниями с другими. За это мне и платят.

Яркий свет больно ударил по глазам сбоку. Я повернулся и увидел азиата, полусидящего на комод. Как он там оказался, я не заметил, но подумал, что он – самый настоящий ниндзя. В руках он держал прозрачный стеклянный брусок размером не больше смартфона. Свет из верхней его грани широким лучом скользнул по моим ногам и, ударившись о пол, погас. Азиат оторвал взгляд от прозрачного экрана, высветившего какую-то информацию, и отрицательно покачал головой Доггетту.

– О, совсем забыл, мне нужно сказать вам ещё кое-что. – Доггетт погасил свою искреннюю улыбку так же быстро, как мгновением ранее погас свет от устройства в руках его спутника-молчуна, и повернулся к миссис Трейд. – Очень-очень

важное. Однако, – он вновь засиял, глядя на меня, – это наш взрослый секрет. Настолько взрослый, что даже не все взрослые достаточно повзрослели, чтобы его услышать, – снова этот беззвучный смешок, – так что я бы не хотел говорить о нём при тебе, возвращайся в комнату, Джей-Джей, был счастлив с тобой познакомиться.

Доггетт обошёл стол. Каждый его шаг чётко отзывался тяжёлыми ударами каблучков, на которые он излишне налегал, неестественно задирая вверх носки. Он взялся за спинку стоящего во главе стула и мотнул головой в сторону лестницы, глядя на меня уже без всякой улыбки. Азиат повторил это движение головой.

Сказать по правде, эти ребята меня напугали. Не думаю, что они ставили своей целью запугивание ребёнка, что было бы очень глупо. Напротив, мне показалось, что болванами они не были. И всё же напугать меня у них получилось превосходно. Это было самым жутким во всей сцене – то, как они ненавязчиво вселяют страх, будто он – часть их работы, которую им приходится выполнять так долго, что они уже сами не замечают, насколько устрашающе себя ведут. Они выглядели в точности как профессиональные танцоры, пытающиеся показать, что не умеют двигаться. И это пугало ещё больше. Поднимаясь по лестнице, я чувствовал, как меня скручивает в комок нарастающий ураган волнения. Мне хотелось как можно скорее скрыться наверху, потому что я чувствовал у себя на затылке рентгеновский взгляд того ази-

ата. В это мгновение я встретился глазами с Лютером, скрывающимся в темноте внизу лестницы. Его взгляд говорил: «Топай, не тормози!», и я побежал что было сил, опасаясь вызвать у незнакомцев какое-то подозрение своим промедлением.

Маркус нажал на вытертую кнопку. В глубине дома утонул дребезжащий звон. Тишина. Он подождал ещё немного, затем позвонил повторно. И снова ни звука. Детектив повернулся к напарнику.

– По ходу, никого нет дома, – озвучил очевидное Хьюго. – Ну что, сгоняем к нему на работу? Только, если мне не изменяет память, это у чёрта на куличиках... Ещё пару лет назад я бы не поверил, что можно жить здесь, а работать за сотню километров, тратясь только на бензин до междугородки. Когда управление переведёт нас на капсулы? Даже проклятые докеры теперь быстрее полиции. – Он взглянул на часы. – Может, для начала перекусим?

– Нет, поедем. – Детектив открыл пассажирскую дверь и уселся в машину. Его напарник ещё немного помялся на порожках, пытаясь рассмотреть что-то сквозь занавески окон, нехотя вернулся к автомобилю и сел за руль.

– Значит, заработался... – Хьюго со скрежетом включил первую передачу. Автомобиль рывком тронулся. – А нам колеси за ним...

– Ну-ка стой, – Маркус увидел на заднем дворе автомобиль Стенли.

– ...через весь чёртов штат, – закончил Хьюго, ударяя по тормозам. Маркус кивнул ему на машину. – Опа, значит, всё-

таки дома засиделся.

– Давай-ка на задний двор, – проговорил детектив, открывая дверь. – А я попробую позвонить ещё раз.

Хьюго поднял ручник, свободной рукой извлекая из кармана зубочистку, которых, как казалось Маркусу, у него там были целые запасы.

– Становится уже интереснее, да? – Он подмигнул детективу и поспешил к дому.

Маркус только потянулся к звонку, как дверной замок щёлкнул. Детектив замер, и в этот момент доска под его ногой предательски скрипнула. Человеческий силуэт за матовым стеклом двери дёрнулся, застыв в крайне неуклюжей позе. Маркус понял, что выглядит сейчас точно так же, поэтому расслабился и всё же надавил на кнопку. Дверь распахнулась в тот же момент.

– Стенли Нейсон? – спросил Кёнинг, глядя на настоящего тяжеловеса с копной рыжих жёстких волос на макушке, обритыми на армейский манер висками, россыпью детских веснушек вокруг носа и такими же детскими серыми глазами. Одет он был в жёваные свободные штаны, майку с рваными рукавами, грудь которой украшали принт статуи Иисуса-искупителя и какая-то надпись на португальском, кажется, цитата из библии. На ногах у него желтели туго зашнурованные новенькие беговые кроссовки. – Детектив Кёнинг. – Он показал удостоверение. – У меня к вам несколько вопросов. Есть свободная минута?

– Да, конечно, проходите в гостиную. – Стенли неуверенно пожал ему руку избитой натруженной ладонью и отошёл в сторону, пропуская в дом, а сам остался у двери.

– Вы ждёте кого-то ещё? – обернулся Маркус.

– Нет, никого... – Он замялся. – Просто мне всегда казалось, что у детективов должны быть напарни...

Скрипнула задняя дверь, в глубине дома что-то загремело и шлёпнулось на пол. Кто-то чертыхнулся. Спустя мгновение в комнату вошёл Хьюго, перекатывая во рту зубочистку и укладывая в поясную кобуру пистолет, который, как заметил Маркус, он всё это время держал снятым с предохранителя. Детектив тяжело вздохнул и помассировал правой рукой виски.

– Стенли Нейсон? – Хьюго закрепил застёжку кобуры и протянул руку, задерживая взгляд на его глазах. – Меня зовут Хьюго Гарсиа. А вы долго не открывали. Дома больше никого?

– Я... был в туалете, – вновь помедлил с ответом Стенли, наконец высвободив руку из стального рукопожатия Хьюго. Маркус увидел, что кожа на ладони Стенли была повреждена. Совсем недавно. – Присядем?

Хьюго посмотрел на свою руку и скривился.

– Как вы, наверное, уже догадались, мы к вам в связи с происшествием в семье Форсов, – сказал Маркус. Стенли понимающе кивнул, потёр больную ладонь и медленно опустил её на колени. – Это произошло шестого июня. Вы помните,

чем были заняты?

– Да, я прекрасно помню этот день. – Стенли обернулся в кресле и встретился взглядом с Хьюго, который потряс взятую с полки копилку с мелочью. – Была суббота, и мы с Гербертом договорились поиграть в гольф, но начался дождь... Сильный ливень...

Хьюго тем временем что-то уронил. Стенли дёрнулся и опять обернулся.

– Вы знаете, я ведь не хотел открывать вам дверь, – вдруг протараторил он.

– Я знаю, – ответил Маркус. – Так что же произошло тем вечером, Стенли?

Нейсон сокрушённо выдохнул и уронил лицо в ладони.

Хьюго снова скривился, отвернулся к стеллажу и повернул к свету рамку с засушенной бабочкой внутри, скривившись ещё сильнее.

Когда Стенли поднял взгляд, по его щекам текли слёзы.

– Я во всём виноват...

Хьюго оставил в покое полки и с сосредоточенным видом сел в кресло.

– В каком смысле вы во всём виноваты? – уточнил детектив.

– Я не успел, – всхлипнул он. – Приди я чуть раньше, и она была бы жива.

Хьюго с сомнением посмотрел на Маркуса.

– Когда я пришёл, из дома убежал Джейсон, а следом...

Следом Герберт, весь в крови... – перебиваясь всхлипами, продолжал Стенли. – Он бежал за Джейсоном... Увидел меня и набросился... У меня не было выбора...

– И ты всёк ему клюшкой, так? – не выдержал Хьюго.

Маркус повернулся к напарнику и вдавил его взглядом в спинку кресла.

– Он бы и меня... – кивнул Стенли. – Не знаю, что он с ней сделал...

– Так, подождите, – Маркус остановил его жестом, – у него было что-то в руках?

Стенли замотал головой:

– В тот момент он прикончил бы меня голыми руками... Я испугался, понимаете? Я... Здоровый мужик, но мне стало так страшно... Страшно, как никогда в жизни... Кровь прямо лилась с него...

– Тогда какого чёрта ты сразу не пошёл в полицию? – Хьюго сдавил пальцами правой руки переносицу и вытаращил глаза.

– Да испугался я... Не знал, что делать!

– Так, дружище, – усмехнулся Хьюго, хлопнул ладонями по подлокотникам и поднялся, – кончай.

Хлопок разом оборвал всхлипы Стенли. Он побледнел и уставился на помощника детектива.

– Если ты настолько обоссался от страха, что не мог позвонить в полицию, то почему этого не сделала твоя жена? У неё должны были возникнуть вопросы. Не верю, что ты мог

скорчить каменный хлебальник и лечь спать после того, что увидел. Уже две недели прошло, а ты до сих пор сопли не смотал. Либо второй вариант – сейчас ты искусно притворяешься сморчком.

– Она подумала, что я убил Дженни, – проблеял Стенли, стараясь увести взгляд от нависшего над ним Хьюго. – До сих пор так думает. Вы тоже? Думаете, я бы мог поднять руку...

– Кстати, о руке... – начал Гарсиа.

– Нет, вы – главный свидетель, – перебил его детектив.

Хьюго подумал, что ослышался, обернулся, но, увидев требовательный взгляд детектива, сел обратно в кресло.

– К тому же фоторобот, составленный мальчиком, на вас совсем не похож. – Он достал из папки распечатку и положил перед Стенли. – Узнаёте этого человека?

Стенли вытер лицо и сосредоточился на фотороботе.

– Нет. Я его не видел, – он усмехнулся, – этот человек похож на Сэма Дугласа.

Маркус открыл блокнот и приготовился писать, но его остановил возглас Хьюго:

– Сэм Дуглас?! Да ты издеваешься, мать твою? Я уже сейчас вижу цветные заголовки: «Популярный голливудский актёр пересёк океан и двадцать четыре штата, чтобы распотрошить семью преподавателя истории искусств местного колледжа и испачкать штаны портового грузчика».

Стенли стиснул зубы, по его щекам пробежали желваки. Маркус захлопнул блокнот.

– А где сейчас ваша жена? Могу я с ней пообщаться? – спросил он.

– Она в тот же вечер собрала баулы и свалила к родителям... – Стенли осёкся и продолжил уже мягче: – Забрала Эшли с собой.

– Напишите нам их адрес. – Маркус протянул Стенли ручку. Тот перевернул фоторобот обратной стороной, разгладил его на столешнице, взял ручку левой рукой и начал писать. Хьюго усмехнулся краешком губ.

– Я на самом деле никого не убивал, клянусь! – Стенли вернул детективу лист с адресом и ручку.

– И всё же я бы вам советовал не покидать город в ближайшее время, мистер Нейсон. – Детектив встал и протянул руку.

Когда их ладони соприкоснулись, Маркус будто случайно оступился и соскользнул пальцами в центр ладони Стенли. Тот простонал от боли.

– Простите, – сконфузился детектив, – рабочая травма?

– Содрал об ключку, когда... Ну вы понимаете...

– Всего доброго, мистер Нейсон, – кивнул Кёнинг и пошёл к выходу.

Хьюго проигнорировал протянутую ладонь Стенли, направился следом за детективом и сунул в зубы новую зубочистку. Старая изгрызенная осталась лежать на журнальном столике.

Когда Хьюго вышел на улицу, Маркус уже сидел за рулём,

но заводить двигатель не спешил. Он копался в автомобильной аптечке.

– Вот ведь говнюк этот Нейсон, – сказал помощник детектива, усаживаясь на пассажирское сиденье. – Что думаешь?

Маркус извлёк из аптечки ножницы и состриг в пакет для вещдоков два ногтя, окрашенных кровью Стенли.

– Думаю, тебе в следующий раз следует помалкивать, – сказал он, вставляя ключи в замок зажигания.

– Ой, не шуми, – нахмурился Хьюго, – нечего с ними цацкаться. Мне почти удалось вывести его из себя. зуб даю, вспыхни он там, и мы увидели бы убийцу Дженнифер. В его словах столько дыр, чёрт... Сорвать бы с него маску...

– Какой рост у Стенли?

– Что?

– Сколько в нём? – Маркус не получил ответа. – Чуть меньше ста восьмидесяти, и он левша. К тому же у нас есть его ДНК, которое, если он действительно повредил руку клюшкой, позволит доказать его присутствие на месте убийства, как и образец отпечатков пальцев. Образец его почерка нам сейчас не нужен, но не факт, что не понадобится в будущем.

Маркус сунул полиэтиленовые свёртки в бардачок. Хьюго насупился, схватился за хромированную головку ручки стеклоподъёмника, ударом ладони подвинул боковое стекло и с трудом свернул ручку вниз, щелчком отправляя на улицу зубочистку.

– Отпечатки я тоже достал, – наконец выдавил он, извлекая из кармана ядовито-зелёный эспандер. – И я ни единому, мать его, слову этого мудака не верю.

– А вот я мог бы ему поверить, но есть одна нестыковка в его словах. – Маркус завёл двигатель. – Дождь ведь в тот день так и не пошёл.

– Говорю же – брешет, как воду льёт.

Маркус несколько раз надавил на рычажок опрыскивателей, окатывая ветровое стекло струйками ядовито-голубого омывателя.

– Из всех, кого мы опросили, только он и Джейсон видели дождь. – Детектив мягко переместил рычаг коробки передач, и машина плавно тронулась.

Запущенные блеклые газоны, прикрытые защитными коробами питьевые фонтанчики, опутанные старыми цепями ворота спортгородка и стадиона, горящие, точно плавающие в лучах восходящего солнца, зашторенные окна, залепленные разноцветными печатями замки дверей, запах сухого асфальта, и такая неестественная для этого места тишина – вся пришкольная территория казалась заброшенной, да и само здание школы выглядело покинутым. Хотя на самом деле это было не так – где-то там, в глубине первого этажа, спортзал был полон народа – ученики младших и средних классов, их родители и учителя, должно быть, уже начали обсуждать предстоящую традиционную поездку в летний лагерь. Каждый год руководство школы старалось выбрать новое место, и насколько я помню, мы с Лютером не пропустили ни одного, кроме прошлогоднего. Нынешняя поездка для нас обоих должна была стать последней – дальше старшая школа и подготовка к выпускным экзаменам. Многие говорят, что летний лагерь для учеников последнего класса средней школы – едва ли не самое лучшее приключение в жизни: надзор уже не такой строгий, общение с вожатыми более неформальное, первые интрижки с одноклассницами или ученицами других школ, первая возможность попробовать алкоголь или что посерьезнее – о большем не мог и мечтать любой подросток,

кроме меня. Не время было веселиться. Отчасти поэтому я и не пошёл в спортзал, а, проводив Лютера до двери, остался во дворе. Однако была и другая причина – мне не хотелось видеться с учителями, директором и, главное, школьным психологом, который, я был в этом уверен, считал жизненно необходимым своё участие в произошедшем с моей семьёй. На вопрос, кому это было больше необходимо – мне или ему, ответ очевиден. И всё же, пусть и на улице, приходилось дожидаться окончания обсуждений, ведь Анджела настояла на том, чтобы мы с Лютером пришли сюда. Отчего-то она мечтала отправить нас подальше на два ближайших месяца – я видел это по её глазам. Может, думала, что это пойдёт на пользу нам обоим, может, запланировала что-то для себя, а может, и вовсе устала от всего этого, мечтала остаться одна и вдоволь нареветься. Почему-то я думал, что последний вариант был ближе всех к истине. Какой бы непоколебимой и строгой она ни казалась наружно, внутренне рассыпалась на части – это я тоже заметил в её глазах.

Я обошёл здание и свернул в сад, где, как и ожидал, увидел школьного садовника – Ванса. Он расхаживал вокруг старой раскидистой яблони, накалывая упаковки от сока и прочие мелочи на пикку для уборки мусора, счищал их подошвой ботинка в огромный чёрный мешок.

Никто точно не знал, сколько Вансу лет. Ходили слухи, что во время эпидемии креоза ему уже было лет десять, однако внешне он выглядел всего лет семьдесят, что проти-

воречило школьной легенде как минимум на двадцать лет. Ванс был худ и в меру высок, кожа его имела густо разбавленный смуглый итальянский оттенок. Из-под вечно сопровождавшей его соломенной шляпы торчали кустистые седые волосы средней длины, плавно переходящие в белоснежного цвета окаймление твёрдой щетины. На лице практически не имелось морщин, но те, которые присутствовали, были глубокими и выразительными, точно извилины головного мозга, явно выдающие в этом старике опытного и умного человека. Возможно, опыт его и состарил, но тёмно-синие глаза, в отличие от тела, были молодыми и полными сил. Такие глаза можно увидеть у начинающего автогонщика, успешно завершившего сезон и теперь любующегося кубком и наслаждающегося овациями зрителей под пенящимся душем шампанского.

– Ну и запустил же ты лужайки. – Я по-свойски пожал старику руку. Теперь, когда не стало мистера Трейда, Ванс, наверное, оказался единственным взрослым человеком, с которым я мог разговаривать на равных. Нам даже не пришлось искать общий язык при знакомстве – мы уже разговаривали на одном языке. То ли дело было в его манере всегда держаться непринуждённо, что позволяло ему без особого труда подстраиваться под любого собеседника, то ли в моём неподдельном интересе к его неиссякаемым рассказам. Однако сейчас я не был уверен, что стоит к нему подходить – он наверняка уже знает о произошедшем с моей семьёй и не

сможет обойти эту тему стороной. И всё же я подошёл, не желая оставаться наедине со своими мыслями.

– Пушай наберётся сил, иначе к сентябрю будет бледнее моей бороды, – улыбнулся Ванс, потирая затёкшую спину. – А ты чего это решил тут прооколачиваться со мной, стариком, когда там, – он ткнул рукоятью пики в здание школы, – все решают дела молодые?

– Не хочу никуда уезжать, – просто ответил я. – Правда.

Ванс наколол очередную бумажку и поднял на меня взгляд. Показалось, сейчас он заговорит о моих родителях, о том, что следует сменить обстановку. Но он не заговорил, а лишь продолжил нанизывать мусор. Не проронил ни слова и я. Выдержав небольшую паузу, Ванс наконец начал один из своих странных рассказов, из которых никогда не было понятно, старая ли это сказка, выдумка или реальный, но метафоризированный случай из его жизни.

– Правда – дрянь многоликая. Вот когда-то давно люди познали истину, так им казалось. – Он поправил шляпу. – Это знание позволило творить настоящие чудеса: сказки становились былью, фантазии – реальностью, мечты – настоящим. Люди считали новое учение совершенным и превознесли его над всякой другой идеей. Они отвернулись от прежних себя, стали надменны и властолюбивы. Знание давало людям превосходство над остальными, и они всячески его оберегали от чужаков. – Он наколол очередную жестяную банку от газировки, сдул с неё мошку и отправил в ме-

шок. – Идея не покидала своей родины, и потому со всего света к ней ехали новые последователи. Город быстро рос и в одночасье стал самым густонаселённым, самым богатым и процветающим. Приезжие уже не хотели возвращаться домой и полностью отдавали себя на служение идее... Подержи-ка. – Он передал мне пику, наклонился, поднял с земли грязную связку ключей, сунул в карман, а затем снова принялся выискивать в траве мусор. – ...Стали служить идее. Но однажды, когда казалось, что вот-вот знание сделает людей равными богам, один уважаемый человек, отец этого знания, в попытке приблизить долгожданный апофеоз открыл страшную тайну. Идея несла несчастья. Молва быстро разлетелась по миру, и люди стали покидать соседние города и селения, земли чахли и становились пустынными. И только Город Идеи продолжал процветать. Его жители не поверили в опасность своего знания, и в один из дней знание обернулось неведением. То, во что они верили все эти годы, оказалось лишь мерцающей приманкой удильщика в бездонной пучине. Настоящая истина разверзла пасть и проглотила своих последователей. Город сгинул в чреве чудовища. Полубоги стали пищей Правды. Она заживо растворяла их, обрекая на невиданные доселе человеком страдания. Пути назад не осталось. Люди сами отказались от возможности спастись. Годы и годы несчастные платили своей плотью за мимолётные плоды идеи. Но когда все уже смирились и поверили в неминуемую гибель, всё закончилось. Чудовище отступило.

– И люди образумились? – спросил я, раскрывая мешок перед очередной бумажкой.

– О, нет, конечно, иначе какой бы был прок в этой истории? За время страданий люди настолько привыкли к нему, что снова отказались отринуть идею и быстро забыли пережитый ужас. Наказание за надменность сделало их ещё более самовлюблёнными. Теперь они считали своё право на истину оплаченным кровью и превратились в самозабвенных фанатиков. Очень скоро город превзошёл былое величие. Весь мир был поражён новыми успехами. Идея стала привлекать ещё больше последователей, но на этот раз уже не люди шли к ней, а она опутывала земли. Новые дары засияли так ярко, что затмили последствия недавней катастрофы. На этот раз хищник зажёг приманку над всем человечеством.

– Жители этого города похожи на сумасшедших, – сказал я, – раз уж осознанно держатся за то, что может их убить.

– Нет, вовсе нет. Они не сумасшедшие. Просто после пережитого они поняли, что убежать от призрака однажды появившейся идеи невозможно и рано или поздно она снова оживёт. И раз уж они знакомы с этой идеей ближе других – им и пытаться её обуздать. Ну а дом – всегда дом, какой бы он ни был. Подсоби-ка мне с мусором, сынок.

Я сунул мешок в мусоросжигатель. Ванс хлопнул скрипучей дверцей и опустил защёлку.

– Уф... – Он выбил пыль из перчаток. – Ну что, бахнем по лимонадику?

Я согласился, и пока Ванс был в подсобке, начал набивать мусором новый мешок. Удар пикой за ударом всё дальше уводили меня от мыслей о том, как Ванс лихо продрался сквозь нежелательную для меня тему, в то же время не обходя её стороной, как он точно воспринял моё настроение, понял, что для меня поездка в лагерь равносильна побегу от произошедшего, и что это произошедшее для меня, несмотря на всю чудовищность, слишком дорого, чтобы его можно было так просто отпустить. В какой-то момент я вдруг осознал, что мешок забит уже наполовину, и только тогда поднял голову, увидев Ванса, стоящего на дорожке с двумя стеклянными бутылками лимонада. Как долго я собирал мусор? Как долго Ванс наблюдал за мной? Почему это простое с виду занятие настолько сильно увлекло меня, что я потерял чувство времени? Может ли механический труд работать как медитация, или же я сам извёл свой мозг переживаниями до такого состояния? Не потому ли Ванс работает садовником, что это помогает ему держать голову чистой от влияния призраков, среди которых он живёт? Я вдохнул запах так поздно зацветших в этом году яблонь и посмотрел на свободное от облаков небо. Какие призраки окружают Ванса здесь? Рош-Аинд для него дом, но какой?

– Здорово, когда ни облачка, правда? – Ванс подбросил в воздух одну бутылку и поймал её за горлышко, точно гранату с рукояткой. Перевернув её верх дном, старик упёр бутылки крышками друг к другу, резко крутанул кистями, и обе

крышки с оглушительным хлопком полетели ему под ноги. – Давай закругляйся.

Лимонад оказался великолепным. Сладость и кислинка в нём сочетались в такой точно выверенной пропорции, что вкусовые рецепторы во рту сходили с ума, требуя ещё и ещё. Это была та же марка «Килимо», что продавалась в автоматах школьных коридоров, но по какой-то причине у Ванса он был намного вкуснее. Скорее всего, дело было в том, что автоматы выдавали прохладный лимонад, а Ванс всегда приносил его ледяным. В несколько глотков осушив бутылку, я откинулся на спинку скамейки и, перегнувшись через неё, запустил пустую склянку в мусорный мешок, однако не рассчитал расстояние, и она шмякнулась в траву.

– Мазила, – буркнул Ванс, не поворачиваясь и продолжая неспешно потягивать напиток.

Я подбежал к бутылке и остановился. В нескольких метрах правее под деревом лежала мёртвая белка. Рыжая, пушистая, с чуть сероватым хвостом, она точно обнимала когтистыми лапками воздух и, казалось, просто спала.

– Что там? – Ванс уже встал со скамейки и шёл ко мне.

– Дохлая белка.

– Мда... – Он выпил остатки лимонада и бросил бутылку в мешок. – Уже третья за сегодня. Нужно бы сообщить эпидемиологам. Я сейчас.

Он вновь скрылся в подсобке и, немного погремев там, вышел наружу с небольшой коробочкой в руках.

– Что ж, сойдёт. – Он раскрыл чёрный кейс от аптечки. – Не думаю, что она ей поможет теперь, но другого ничего я не нашёл... Вот разиня, забыл кой-что.

Ванс наклонился, положил белку внутрь кейса, закрыл защёлки и передал его мне, а сам снова поплёлся в подсобку.

Я зажал аптечку под мышкой, подхватил мешок и уложил его в мусоросжигатель. Ванс появился в тот самый момент, когда я отправлял следом кейс с белкой.

– Нет-нет-нет, стой. По правилам, конечно, мы должны её сжечь, – он забрал у меня аптечку и показал лопату, – но лучше давай её похороним. Это... Так правильно.

Углубившись в сад, мы выбрали место у ограждения. Я взял лопату и принялся рыть беличью могилу.

– Тот город, о котором ты рассказывал, он всё ещё существует?

– Ну, – прокряхтел Ванс, опуская аптечку на дно ямки, – того города больше нет. Теперь это уже совсем другой город. Да и людей тех нынче нет.

– Погибли? – Я начал закапывать кейс.

– Постарели.

– Слушай, Ванс, – бросив последнюю лопату и разровняв землю, я посмотрел на него, – всё-таки почему ты не уехал, когда эпидемия закончилась?

– Взгляни на меня. – Он расставил руки и отступил на шаг, мол, вот он, весь я. – Всё, что у меня осталось, – вот эти седины. Другое место не красило бы их воспоминаниями.

– Только поэтому?

– Только это и важно.

Воспоминания о маме. Они-то меня и держали здесь. Было бы предательством по отношению к ней уехать вот так, пока они ещё свежи. А потом... Потом мне будет трудно представить счастливые дни так чётко, как я их представляю сейчас. И только родное окружение позволит не увядать этим воспоминаниям в будущем.

Мне вдруг стало неприятно от этих мыслей и захотелось заглушить их разговором, однако Ванс покачал головой, как только я открыл рот.

– Не давай мозгу сплёвывать, обмозгуй трошки¹⁰. – Он поставил лопату в подсобку. За углом нарастал людской гомон. – Ну, ступай.

Лютер сидел на порожках, бездумно разглядывая проезжающие машины. Он выглядел раздосадованным.

– Я думал, ты уже ушёл, – проговорил он.

– Разговаривал с Вансом. Ну что там?

– Собираются в Коулридж. – Лютер вздохнул. – Но я не собираюсь туда ехать, подозреваю, что мама не просто так пытается нас отослать. Мне нужно остаться, но как её убедить?

Меня удивили его слова. Впервые Лютер открыто выразил недовольство чем-то.

– Давай скажем, что опять отсылают на озёра, – ответил я.

¹⁰ Трошки (прост.) – немного.

Позапрошлогодний лагерь на озёрах был самым ужасным за всё время. Комары, ливни, холодные помещения. В каждом отряде кто-то заболел гриппом, и нас вернули домой через неделю после открытия смены. Отпускать детей второй раз в самое отвратительное место на планете не захотел бы никто. На это я и ставил.

Лютер почесал голову и улыбнулся.

– Может, и сработает, – сказал он.

Мы неспешно вернулись домой. Моя временная комната изменилась до неузнаваемости. Старый книжный шкаф куда-то исчез, и теперь на его месте красовался новенький стеллаж. На месте устаревшего громоздкого письменного стола появился новый, на нём уместился маленький телевизор. Зелёный ковёр либо заменили новым, точно таким же, либо хорошенько вычистили. Кровать куда-то вынесли, и теперь миссис Трейд сметала веником ровный пыльный прямоугольник (который вот уже, наверное, лет десять укрывался под кроватью от уборок), при этом обручальное кольцо на её левой руке поблёскивало в пробивающихся сквозь занавески лучах восходящего солнца. А в углу комнаты сидел сосед Трейдов – Стефан Кейд. Он был окружён грудой досок и вертел в руках схему кровати, почёсывая отвёрткой висок. У стены стоял новенький матрас из рекламы. «Релакс 3000» – гордо гласила красная надпись.

Стефан Кейд был похож на водопроводчика. Ещё бы, на нем извечно была эта дурацкая форма – красная кепка и си-

ний комбинезон. Анджела Трейд порой звала этого человека к себе, если ей была необходима помощь в отсутствие мужа. Лютеру это не нравилось. Он думал, что мистер Кейд желает занять место его отца, хотя, наверное, сейчас так оно и было. Увидев соседа, Лютер укоризненно посмотрел на мать и поспешил уйти.

– О! А вот и Джейсон! – радостно вскрикнула миссис Трейд.

– Привет, Джей-Джей! Славный денёк, верно? – приветливо воскликнул Стефан своим чуть хрипловатым голоском.

Я ответил ему лишь кивком и натянутой улыбкой, направившись вслед за Лютером.

– Подумаешь! Вот я родителей вообще в четыре года потерял! – слышался недоумевающий голос Стефана.

– Перестань, Кейд, – вздохнула Анджела, – ему сейчас тяжело.

В комнате Лютера не оказалось. Я поднялся по лестнице, ведущей на крышу, и выглянул наружу. Лютер сидел на краю, свесив ноги над отливом и прикусив указательный палец сжатого кулака. Он плакал.

Я поспешил обратно на лестницу, надеясь, что Лютер меня не заметил, но на очередной ступеньке вдруг остановился, почувствовав себя виноватым перед ним. Я никогда не поддерживал его, ни до смерти мистера Трейда, ни после. Почему я был так уверен, что ему это не нужно? Почему не попробовал с ним заговорить в трудный момент? В голове про-

неслись слова Кэтти: «Вот в другой раз попробуй!»

– Дьявол, – проговорил я, вновь поднимаясь.

Лютер не заметил, как я подошёл.

– Ты чего, старик? – спросил я.

– Ничего. – Он торопливо вытер лицо. – Уйди отсюда.

– Да, блин, забей на него, он просто собирает кровать.

Лютер усмехнулся.

– Он уже месяц у нас «просто что-то делает». Причём когда ни меня, ни тебя нет дома.

Мне нечего было ответить. Я тихо присел рядом с ним на уже тёплую черепицу и только тогда заметил, как он что-то теребил в руках. Было похоже на смятый газетный лист.

– Что это у тебя?

– Всё брехня. – Он протянул мне его. Это действительно оказалась вырезка из газеты двухмесячной давности. Я пробежался по тексту глазами:

«Минувшим днём в пятом исследовательском корпусе компании Emersize Industry во время испытания экспериментальной модели вихревого эфирентного ускорителя прогремел взрыв. По предварительной информации, причиной разрушения устройства послужили недоработки в автоматике системы охлаждения. На момент взрыва испытываемый агрегат находился внутри термоустойчивого подземного бокса, благодаря которому удалось избежать разрушения строения и большого количества жертв. Пока достоверно известно лишь об одном

погибшем. Им стал главный инженер-конструктор компании, заведующий отделом инновационных исследований эфира Пол Трейд. По словам участников эксперимента, как только на пульт поступил сигнал о растущей температуре внутри ускорителя, учёный, пренебрегая требованиями безопасности, спустился в подземный бокс для ручного управления охлаждением. К сожалению, нормализовать работу устройства он так и не успел. Корпорация приносит семье погибшего глубочайшие соболезнования в связи с данным происшествием. Пол Трейд навсегда останется нашим лучшим разработчиком, другом и братом».

*Глава пресс-службы
корпорации Emersize Industry*

Квэнтин Толамо

21 апреля 2009

Под статьёй располагалась фотография отца Лютера в чёрной рамке.

– И что? – спросил я. – Думаю, это всем известно, по крайней мере, на нашей улице...

– А вот что! – Лютер выхватил листок из моих рук. – Всё это вонючая брехня!

Я никогда раньше не видел его таким раздражённым. Он скомкал вырезку и швырнул вниз. Бумажный шарик прокатился по подъездной дорожке, а затем ветер подхватил его и погнал вдаль по улице.

– Помнишь тех двоих, что приходили к нам вчера? Они

из Карпы...

– Кто? – Я впервые услышал это слово. Искарпы? – Кто?

– Кар-па! – По слогам проговорил Лютер. – Сам толком не знаю, какая-то эмерсайзовская тайная организация, что-то вроде полиции...

– А что они у нас забыли? Это по поводу моих родителей?

– Задрал перебивать. Нет. Заткнись. Это связано с МОИ-МИ родителями. Вчера эти двое... – начал Лютер, перевязывая арафатку. – В общем, когда мы ушли, мама открыла им дверь и спросила: «Что с Полом?»

– В смысле?

– Вот и я подумал, что ослышался. Затаил дыхание и начал слушать, скрипнула дверь, и они, по идее, молча прошли внутрь, вот только долгое время я ничего не слышал, ни шагов, ни шорохов одежды – ни-че-го. И тут один из них спрашивает: «У вас кто-то в гостях?» «Нет», – отвечает мама. И этот такой: «Разве стол накрыт не на троих?» Ну мама им и говорит, мол, соседский мальчик, Джейсон, живёт у нас, пока органы опеки решают, куда его пристроить, начала рассказывать про то, что случилось у тебя дома, но они её перебили, попросили тебя позвать, и один из них приказал второму, которого назвал Такадой, приготовить какой-то сканер. Я выглянул из-под лестницы и увидел, как этот Такада, стоя ко мне спиной, приподнял пиджак и достал из заднего кармана брюк стеклянный брусок какой-то. На поясе над карманом у него висел жетон, похожий на полицейский,

с крупными буквами KARPA по верхней грани. Дальше ты знаешь, – сказал Лютер.

– Значит, меня сканировали? Но для чего меня сканировали?

– Слушай... – продолжил он. – Когда ты едва не выдал меня своим замешательством (слава богу, что они ничего не заметили), мама спросила у них: «С Джейсоном всё хорошо?» И они ответили: «Да, без креоза», а потом добавили, что хотят что-то сообщить. Тот, что назвал себя Доггеттом, пододвинул маме стул и произнёс: «Ваш муж скончался двадцать четыре минуты назад». Мама закрыла за ними дверь, села за стол, сняла кольцо с правой руки, покрутила и надела на левый. Я и не замечал, что она всё это время носила его на правой. Папа был жив эти два месяца!

Я не знал, что ответить Лютеру. Смерть его отца, о которой сообщили ещё два месяца назад; креоз, побеждённый уже как без малого столетие; люди из Карпы, о которых я никогда не слышал, – всё смешалось. Принять всё это было тяжело даже мне, что уж говорить о Лютере?

– Повсюду брехня, всё подстроено, всё... Байда, – сказал он. – И главное – мама, она мне совсем ничего не сказала... Не удивлюсь, если и смерть твоей мамы кем-то подстроена. Понимаешь? Кажется, все вокруг что-то скрывают.

В голове крутилось «всё подстроено», и мне по-прежнему было нечего сказать. Разве что...

– Знаешь, в тот день... – начал я, вспомнив, как столк-

нулся с мистером Трейдом в научном городке. Он ведь не просто так хотел увидеть Лютера. Я даже не успел ему ничего сказать, не прошло и пяти минут, как раздался тот злополучный звонок, в то время как на платформе...

– Ну?

– Мне кажется, эти двое были в тот день на посадочной станции.

Лицо Лютера вытянулось в удивлении, он привстал и тут же сел.

– Точно, блин! Они сразу показались мне знакомыми... – Он пожевал губу. – Думаю, это не просто совпадение. Мне понадобится твоя помощь, я должен узнать, кто они такие.

Навигатор сказал что-то по-китайски. Хьюго нажал пару кнопок, и прибор проговорил ещё несколько непонятных фраз.

– Следи за дорогой лучше. – Маркус протянул напарнику бумажную карту.

– Ты это с собой в сортир возьми, а я буду пользоваться электроникой, – отмахнулся Хьюго, наугад нажимая на иероглифы, отображённые сенсорным экраном. Бортовой компьютер снова что-то произнёс, и приятная кремовая подсветка панели приборов сменилась розовой. – Мразота...

Он стукнул кулаком по дисплею, и тот тут же расплылся чернильными кляксами, а на Хьюго и Маркуса из кондиционера задул горячий воздух.

– Непробиваемое, блин, стекло «Бозли-4», – цокнул языком Хьюго. – Давай сюда свою карту. – Гарсия выхватил её и развернул на колене. – И как, чёрт возьми, понять, где мы сейчас?

Маркус наклонился и ткнул пальцем в участок дороги, проходящий вдоль реки.

Дом родителей Синтии – жены Стенли – располагался за городом в местечке Коулридж на побережье. Населённый пункт был вне юрисдикции центрального полицейского управления Рош-Аинда, но по запросу Маркуса руководство

сумело договориться с местными властями о визите. Однако, сидя на пассажирском сиденье служебного автомобиля, мчавшегося по шестиполосной скоростной автостраде вдоль реки, Маркус был взволнован отнюдь не этими бюрократическими проволочками. Бросая то и дело беглый взгляд в окно на тянущиеся по ходу движения воды Рораймы, он гадал – как близко к побережью находится Коулридж? И если уж он выстроен на самом берегу, то насколько далеко от моря располагается нужный им дом? Маркус надеялся, что как можно дальше и намеренно не смотрел на карту, чтобы не выводить себя из равновесия. Последнее, чего он хотел, – снова оказаться на побережье. Море неминуемо натолкнуло бы его на воспоминания. Остров Рюген. Зеллин. Всю жизнь он пытался от него убежать. Казалось, Маркус забрался так далеко, как только было возможно, но и здесь городок его детства не давал ему покоя. Детектив прекрасно понимал, что дело отнюдь не в Зеллине и даже не в воде, которая когда-то давно была частью его жизни. Дело в нём самом. Когда тебя гнетёт что-то извне, ты можешь уйти в себя. Но когда гнетёт то, что находится внутри тебя, единственный способ спастись – ухватиться за нечто внешнее. И Маркус хватался. Возможно, выполнять свою работу у него получалось настолько превосходно не потому, что это ему нравилось, а потому что было жизненно необходимо. Вот только когда ты прячешься в себе, мало что может вывести тебя из равновесия. Когда же ты бежишь от себя, всё вокруг постоянно на-

поминает тебе, кто ты такой. И в случае с Маркусом таким напоминанием была вода.

Он вновь посмотрел на блики бурлящего потока за окном. В голове звучал старый детский стишок о мифической реке Стив, разделяющей миры живых и мёртвых, знакомый едва ли не каждому ребёнку и в Зеллине, и в Рош-Аинде. Совпадение ли? Или же очередное напоминание?

*Есть одна река, ребята,
Стиви мирно там живет.
Выполняет он работу —
Кто умрет, к тому идет.
Не ходи сюда гулять,
Стиви хочет вас забрать,
Стив пощады не имеет,
Стивен должен охранять.
Охраняет реку он,
Здесь портал иных времен.
Стивен был и есть всегда,
Ты для Стиви – лишь еда.
Стиви может все на свете,
Стиви есть всегда везде,
Стиви – это тьма при свете,
Стиви – это свет во тьме.
Стиви есть – все сразу разом,
Разом сразу – Стиви нет,
Если Стиви нет на свете —
Без него и света нет.*

*Нет его нигде и всюду,
Всюду Стив, нигде, везде!
Стиви есть конец начала,
Стиви нету без конца,
Есть конец, и есть начало,
Стиви, Стивен, Стив – река.*

Стивен. Джейсон говорил, что это имя произносил кто-то из обладателей странных голосов. Второго звали Робертом. Что за глупая привычка постоянно называть друг друга по именам? Маркус положил в кожаную папку выданное в управлении извещение для властей Коулриджа и извлёк из неё фоторобот с адресом родителей Синтии на обратной стороне. Детектив посмотрел на изображённого на нём мужчину.

«Сэ-э-эм Дуглас. – Кёнинг мысленно протянул имя. – Может, тебя зовут Стивен? – Он вспомнил слова мальчика об этом человеке, представил себе жёсткие черты его лица, властный голос, покрутил мысль так и эдак. – Нет, ты Роберт».

– Веди мягко, – зевнул детектив и зажал солнцезащитными очками у себя на переносице фоторобот, защищая тем самым глаза не столько от солнца, сколько от водных бликов. Так он и ехал с лицом таинственного Сэма Дугласа в солнцезащитных очках поверх своего. Детектив гадал: кто этот человек, если он существует, как он оказался на месте убийства, как выглядит тот второй, что помешало двум взрослым

людям полностью расправиться с семьёй – вопросы увлекали его сознание в пропасть, и в этой пропасти, перед тем как окончательно уснуть, Маркус услышал собственный голос: «Мальчик жив только потому, что один из этих двоих его защищал».

– Бред, – буркнул он, клюя носом, и сорвался в храп.

Двухчасовое забытие Маркуса завершилось затяжным падением, которое он едва успел остановить, впечатавшись руками в пластиковую панель автомобиля. Очки слетели детективу под ноги, и тот увидел, насколько близко его подвело внезапное торможение к прямому контакту с дверцей бардачка – ещё бы пара сантиметров, и Маркуса наверняка пришлось бы очень долго приводить в чувства.

– Вот он, мать твою, – Хьюго сидел за хитроумно обвёрнутым дорожной картой рулём, – приехали!

– Ты будто стоп-кран срываешь, а не на педаль жмёшь...

– Ну всё, дед проснулся, забурчал.

– И кому в голову пришло назвать эти переговоры микрочипов музыкой? – Детектив с отвращением убавил громкость магнитолы.

– Мамонтам не понять. – Хьюго вынул изо рта зубочистку и направил её к окну со стороны Маркуса. Ещё с десятков зубочисток, исполняющих роль своеобразных маркеров пройденного маршрута, торчало из карты, принявшей облик руля, превратив его тем самым в большого камуфлированного ёжика. – Вот дом её родичей.

Маркус увидел перед собой огромный особняк, казалось, полностью выстроенный из стекла. Большие прямоугольные и квадратные прозрачные модули накладывались один на другой в неуловимом порядке, который не позволял точно определить этажность строения – не то два, не то три этажа. Оглядев местность и не без удовольствия подметив, что моря не видно, Маркус почувствовал большой прилив энергии и буквально за мгновение прокрутил в голове стратегию разговора с Синтией. Судя по телефонным звонкам в юридическую контору и словам соседей о том, что она уже давно задумывалась о разводе, ситуация с Форсами сыграла ей на руку и стала отличным поводом провернуть задуманное. Можно ли было верить её словам, Маркус ещё не знал, однако предполагал, что не всё сказанное ею будет правдой, ведь жаждущая развода женщина может быть очень коварной.

– Ну что, потопали брать за жопу жёнушку? – Хьюго открыл дверь и вылез из машины. Маркус в долю секунды померчал, не успев даже осознать, от чего.

– Стой. – Он наклонился к Хьюго, точно собирался поймать его за руку, но делать этого не стал, удержав его одной интонацией. – Слышишь?

Хьюго потянулся и оглянулся кругом, жестом давая понять, что не понимает Маркуса. Детектив приоткрыл дверь и ещё отчётливее, чем в первый раз, услышал шум прибоя. Море было близко. Маркус поправил вдруг заколовший галстук и сглотнул вязкую слюну, наблюдая за тем, как сопро-

вождаемый звуками накатывающих волн Хьюго подходит к низким кованым воротам и нажимает на золотистую кнопочку звонка. В глубине двора раздался противный металлический скрежет сломанного динамика. Дом за воротами вдруг вырос в глазах Маркуса вдвое. Рука детектива машинально потянулась к колёсику регулировки громкости магнитолы. Заглушив электронной музыкой всё ещё гулко отдававшийся в его голове звук волн, Маркус собрался с силами и выскочил из автомобиля с таким лицом, будто бросается под пули.

В тот же момент ворота открылись, издав тихое жужжание, и на пороге дома показалась стройная шатенка. Вслушиваясь в стук собственных туфель, Маркус подошёл к ней и продемонстрировал удостоверение.

– Вы Синтия? – спросил он.

Женщина настороженно кивнула, задумавшись всего лишь на мгновение.

– Детектив Маркус Кёнинг, помощник детектива Хьюго Гарсиа. – Звук собственного голоса вернул детективу самообладание, и он снова почувствовал себя хозяином ситуации. Внутри дома моря точно не будет слышно. – Вы, наверное, уже догадались, по какому мы вопросу.

– О, конечно, – Синтия вдруг преобразилась, сменив холодность на приветливость, – проходите. Я, если честно, и не думала, что смогу вам понадобиться, – тоном оправдывающейся домохозяйки затараторила она, будто не говорила сейчас с полицейскими, а извинялась перед подружкой за пе-

ресушенную в духовке утку. – Если бы знала, что буду нужна, конечно, перед отъездом заглянула бы к вам, хотя бы адрес оставила. Вы как добрались? Долго дорогу искали?

«Вздор, но на идиотку она всё же не похожа, хоть и хочет такой казаться», – успел подумать Маркус, прежде чем оторвал взгляд от излишне экспрессивно жестикулирующей Синтии и увидел перед собой стену, а точнее, заметил её отсутствие. Вся противоположная фасаду часть дома была полностью стеклянной, а за ней, отражая полуденное солнце, качалось бескрайнее море, подбирающееся едва ли не к самому особняку. Так близко Маркус не видел моря с самого детства, когда...

– *Давай, кто первый до буйков? Детектив?*

– Детектив? Детектив, что с вами? – Синтия встала перед ним, загородив обзор и буквально вырвав Маркуса из вязкой гущи воспоминаний, в которую тот едва не ушёл с головой. – Вам дурно? Может, вам воды?

– Нет, не надо, – услышал он свой голос сквозь звуки прибоя. Звуки, которые не пропускали в дом дорогие стеклопакеты, но с самого детства звучавшие в его голове, которые он так сильно старался забыть и которые теперь настолько отчётливо восстановились в его памяти. Это не был ответ на вопрос Синтии, это был ответ на предложение доплыть до буйков, предложение, сделанное им однажды Агнет. Как во сне, он прошёл в центр комнаты, повернул ногой пуф к выходу из неё и грузно рухнул в него, расположившись спиной

к морю. Теперь перед ним оказался громадный телевизор, занимавший половину стены. Экран демонстрировал общий план дома Форсов, снятый с вертолѐта или беспилотника. Территория была затянута оградительной лентой, во дворе сновали полицейские.

– В этом выпуске вы узнаете новые невероятные факты о разыгравшейся в тихом районе Рош-Аинда трагедии. – Картинка сменилась тѐмной комнатой, в которую зашѐл человек, кадр тут же сменился, и место этого человека занял другой, но не успел он сделать и шага, как превратился в третьего, затем в четвёртого, и так далее, пока наконец за стол не сел последний из дюжины незнакомцев. Кадры были смонтированы настолько плотно, что всех людей не удалось толком рассмотреть. – Наши экстрасенсы приоткроют завесу тайны. – Промелькнули фотографии Форсов, и снова появилась тѐмная комната. На столе лежали фотографии с места преступления. Пожилая толстуха обмахивала себя одной из них и держалась за шею. – Не могу дышать, – говорила она. – Следом показали другого экстрасенса, который размахивал маятником из драгоценного камня над фотографиями подозреваемых. – Его здесь нет, – промолвил он, поднимая взгляд на ведущего. Появился третий экстрасенс. Он водил напряжённой рукой над фотографией дома. – Голоса, я слышу здесь какие-то скрежещущие голоса, они не принадлежат никому из этой семьи, – шептал он. Появилась заставка шоу «По ту сторону» и закадровый голос произнёс: «Голоса, ко-

которые приказали мужчине убить свою семью».

– Я тут смотрела... – Синтия схватила с журнального столика пульт от телевизора, и уже было хотела его выключить, но Маркус не дал ей этого сделать.

– Нет, не выключайте, пусть работает.

Хьюго на протяжении всей этой сцены задумчиво глядел на Маркуса, по-видимому, пытаясь найти хоть какое-то логическое объяснение его поведению.

– Синтия, – он жестом попросил её присесть на диван, а сам принялся расхаживать по комнате, рассматривая фотографии на полках и покручивая в руках всякие безделушки, – скажите, почему вы уехали от мужа?

– Ну-у-у... – протянула она, покосившись на Маркуса. – Я начала его бояться.

Маркус бездумно глядел на диван, на котором сидела Синтия. Диван был длинный. На линии стыка сидения и спинки на равном расстоянии расположилось несколько небольших подушечек кирпичного цвета. Что-то они напоминали Маркусу. Вот только что?

– Это как-то связано с событиями шестого июня? – Хьюго перехватил взгляд Маркуса и перебросил из руки в руку хрустальный шар, взятый минуту назад с полки. В поверхности шара отражались голубые блики моря.

– Отчасти да, но это началось задолго до смерти Дженнифер. – Синтия сжала до покраснения ладони одну в другой и, повалив голову набок, поглядывала через плечо на ослабля-

ющего галстук Маркуса. – Знаете, такое иногда бывает, выходишь замуж за одного человека, а наутро просыпаешься в постели с совершенно другим.

– Расскажите, что за тип ваш муж, какой он? – Хьюго прокрутился на пятках и вновь поймал бегающий по комнате взгляд Маркуса. – Были ли у него какие-то тайны?

Голоса Хьюго и Синтии постепенно отходили на задний план, Маркусу стало душно, он уже расстегнул пару верхних пуговиц на рубашке и шурился, пытаясь сконцентрировать расфокусировавшийся взгляд на начавших плясать перед глазами подушках. Плеск волн в его ушах нарастал. Танец подушек начал подстраиваться под этот звук и синхронизировался с ним настолько, что теперь это были вовсе не подушки, лежавшие на белом кожаном диване, а нанизанные на трос буйки, покачивающиеся на волнах.

– *Смирись, тебе никогда не обогнать меня, Герберт!..*

– «Герберт! Герберт!» – кричал он, носясь по комнате как сумасшедший, – прокричала Синтия, повторно вернув Маркуса в реальность.

Детектив начал глушить подступавший кашель короткими «гм». Казалось, его лёгкие раскалились и теперь пытались прожечь грудную клетку изнутри.

– Что случилось, мам? – В проходе показалась темноволосая девушка лет восемнадцати, пришедшая на крик.

– Ты так подросла, Агнет, – проговорил Маркус, видя, как постепенно черты лица девушки меняются и становятся со-

вершенно неузнаваемыми. Нет, это была не его сестра. За этим осознанием последовал новый, более сильный приступ кашля, подавить который Маркусу удалось только наполовину.

– Это полицейские, Эшли, – сказала Синтия. – Принеси воды, скорее.

Девочка скрылась в глубине коридора, не заметив, как яростно Маркус замотал головой, едва услышав слово «вода».

Одолеваемый яростью, разрастающейся со скоростью пламени, Хьюго нервно сжал ладонь в кулак. Зубочистка, пропущенная под его средним пальцем, щелчком переломилась пополам. Он был зол не на Маркуса, который явно что-то от него скрывал, и не на себя, не понимающего, что именно, он злился на саму ситуацию. Всё происходящее с того момента, как они зашли в эту комнату, развивалось по какому-то своим, неподконтрольным Хьюго законам. Но больше всего его злило это чувство потерянного контроля – чувство, которого он никогда раньше не испытывал. В их команде ситуацию всегда держал в руках именно Маркус, ему власть над всем происходящим была нужна больше воздуха. Хьюго же обычно мог подстроиться под любые события, и тяга Маркуса к планам, стратегиям, чётким постановкам казалась ему чем-то чуждым и лишним в работе. А теперь вдруг он осёкся, не мог найти подход к развивающемуся вокруг вопреки его стараниям положению и впервые подумал

о том, что всеобъемлющий подход Маркуса именно здесь и сейчас сработал бы куда лучше его пробивной харизмы. Но Маркус не мог войти в эту дверь и, как бывало, влёт оценив происходящее, придумать простой и безотказный выход, потому что он полулежал на боку в пуфе, согнутый очередным приступом кашля. Если бы его вообще здесь не было, Хьюго смог бы сделать всё как надо. Маркус стал для него лишь обузой.

В комнату вбежала Эшли и протянула Маркусу стакан, увидев который, детектив отшатнулся в сторону и бросился на улицу, надсадно кашляя из самой глубины своих свистящих лёгких.

Анджела запрещала нам приближаться к домашней лаборатории мистера Трейда, которая располагалась в гараже. Дверь, ведущая из дома, была заперта на ключ, ворота закрывались изнутри, поэтому единственный путь внутрь лежал через узкое окно, выходящее во внутренний двор. Под предлогом вечерней прогулки мы ушли из дома после ужина и проулками вернулись к нему, как только на улице окончательно стемнело, по очереди перелезли через забор и вприсядку подобрались к гаражу. Окно находилось у самой земли. Лютер достал из расщелины в корнях старого дуба заранее приготовленную широкую отвёртку, сунул её в нижний угол рамы и, как заправский взломщик, оттянул рукоять на себя. Первая защёлка разомкнулась. Затем он повторил действия в середине рамы и у другого её угла. Створка качнулась и повисла на петлях. Лютер немо усмехнулся. В ожидании сумерек просматривая с телефона видео по взлому окон, мы даже не догадывались, что на деле это окажется настолько просто.

– Бумаги он хранит в письменном столе? – прошептал он.

Я кивнул.

– Может, всё-таки я спущусь?

– Нет, – ответил Лютер. – Я должен... Сам, понимаешь?

Я поднял створку, он прошмыгнул внутрь и запер окно.

Пока ему самому не было известно, что именно следует искать, однако насчёт места поиска не было никаких сомнений – если что-то связанное с исчезновением отца и есть в их доме, то только здесь.

Он оглянулся и увидел на фоне полной луны прислонившегося лбом к стеклу Джейсона, показал ему большой палец. Тот показал свой в ответ. Лютер прислушался. Где-то в гостиной работал телевизор, на кухне за дверью шумела посудомоечная машина. Мама была неподалёку, значит, зажигать свет не стоило. Постояв в темноте несколько минут, выжидая, пока глаза к ней привыкнут, он раздумывал, с чего начать. Вряд ли следовало трогать полки с реактивами, деталями и опытными образцами устройств. Нужны бумаги, адреса, телефоны, дневники – то, что может указать на дальнейшие места поиска. Едва сквозь мрак начали проступать нечёткие очертания стеллажей, мальчик шагнул, если ему не изменяла память, к тому, в котором хранились журналы экспериментов. Нашулав крайнюю папку на верхней полке, вынул её и опустил на пол. Затем раскрыл с конца, зажигая вспышку на телефоне. На странице, помимо датировок, располагались три столбца буквенно-цифровых комбинаций, составленные скрупулёзным почерком отца красными чернилами. Последняя строчка была заполнена нака-

нуне его исчезновения, которое все вокруг назвали смертью:

19.04.2009 Ок. вер. 3.0 Оп. 16 – Конт. 55 мин. – стабил.

Все предыдущие строчки состояли из подобных шифров, содержание которых мало что ему говорило.

«Чёрт, показать бы их Джейсону», – подумал Лютер и поглядел на окно. Джейсон всё так же возил лицом по стеклу, пытаясь разглядеть его. Лютер сфотографировал страницу. Телефон гулко щёлкнул, заставив его челюсти непроизвольно сжаться. Он погасил вспышку и замер. Со стороны кухни не было ничего слышно. Закрыв папку, не без труда вернул её на место, что-то мешало просунуть её до конца. Вряд ли более ранние журналы содержали что-нибудь, помимо подобных комбинаций.

Переведя телефон в беззвучный режим, мальчик положил его на письменный стол и наклонился к чуть приоткрытому ящичку, выдвинул его. Тот тихонько скрипнул, и в лицо ударило облако пыли, которая тут же предательски засвербела в носу. Едва успев прикрыть лицо ладонями, Лютер глухо чихнул. В двери повернулся ключ.

Внезапно в гараже загорелось освещение. Дверь открылась, и внутрь шагнула миссис Трейд. Я отполз за границу света, падающего из окна, хотя смысла в этом уже не было – Лютер наверняка попался. Почему я не удивлён?

Долгое время не было слышно ничего, и я наконец решился вновь заглянуть внутрь. Анджела стояла посреди комнаты перед громадной вмятиной в бетоне (раньше я её не замечал) и задумчиво глядела на кульман со схемами и чертежами каких-то кубов, уперев кончики пальцев в столешницу неподалёку от того места, где лежал мобильник Лютера. Идиот.

Анджела подошла к стеллажу с журналами и, привстав на носочки, отодвинула сразу несколько папок с верхней полки, извлекая прижатую ими плоскую картонную коробочку. Как Лютер умудрился её не заметить?

Она ещё раз окинула взглядом комнату, глубоко вздохнула и уверенно развернулась. Дверь хлопнула, свет в гараже погас. Анджела вышла в кухню, подошла к кранику, включила холодную воду и умылась. Постояла секунду, упёршись руками в края раковины, глядя на струю воды, а затем схватила со стола графин и зашвырнула в экран телевизора, который, перед тем как потухнуть, успел показать ещё несколько расплывшихся кадров рекламы компании «Эмерсайз Индастри». Утирая слёзы, она схватила со столешницы загадоч-

ную коробочку и поспешила на второй этаж.

Как только дверь закрылась, смартфон на столе завибрировал от оповещений. Лютер облегчённо выругался, вылез из-под стола и, отрубив связь, вновь зажёл вспышку. В нижнем ящике, который он открыл, лежала стопка блокнотов. Три из них с уже выцветшими чернилами, четвёртый был заполнен едва ли наполовину. Не читая, мальчик сунул его в карман. Кроме записных книжек в ящике лежали ручки, карандаши, скрепки и прочие канцелярские принадлежности, а также стопка стянутых резинкой распакованных писем. Их Лютер сунул за пазуху.

Второй и третий ящики запирались на ключи. Мальчик вынул нижний ящик, отогнул салазки среднего отвёрткой и опустил его на дно ниши. Внутри перемешались в беспорядке оптические диски, флешки, пара съёмных жёстких дисков, пустая видеокамера. В карман отправился винчестер самой большой ёмкости. Повторив манипуляции с верхним ящиком, мальчик обнаружил внутри коробку с патронами девятого калибра. Самого пистолета здесь не было. Он и не знал, что у отца есть лицензия. Кроме этой коробки верхний ящик ничего не содержал. Понадеявшись, что в блокноте и на жёстком диске удастся найти полезную информацию, Лютер уже было начал ставить ящики на место, как вдруг его осенило. Патроны. Зачем они отцу, если он ярый ненавист-

ник оружия? Он никогда не покупал ему даже игрушечных пистолетов, а тут сразу настоящие патроны.

Мальчик вновь извлёк верхний ящик и открыл коробку. Внутри поблёскивали жёлтым плотные ряды гильз с бледными капсюлями. Он провёл по ним кончиками пальцев и ухватился за один. Вытянуть его не получилось. Тогда он подсунул отвёртку под край пластмассовой подложки и поддел её. По контуру затрещали защёлки, верхняя часть тайника с муляжами патронов отошла в сторону. Кровь застучала в ушах.

«Вот оно».

Дрожащими руками Лютер убрал крышку в сторону. На дне коробки лежал мобильник. Очень странный мобильник – крохотных размеров, на нём маленький прямоугольный чёрно-белый дисплей и одна-единственная чёрная кнопка в центре матового синего корпуса. Ни эмблемы производителя, ни разъёмов для зарядки, ни крышки аккумулятора. Во всю ширину экранчика без подсветки отображалась лишь шкала приёма сигнала – четыре палочки из пяти. Мальчик быстро установил ящики на места, подбежал к окну и открыл его. Джейсон придержал створку снаружи, и Лютер прыгнул, хватаясь руками за края рамы. В этот момент кнопка на зажатом в его руке мобильнике утонула в корпусе.

– Тварь... – шепнул Лютер.

Вместе с Джейсоном они наблюдали, как индикатор приёма сигнала на дисплее сменился иконкой телефонной трубки. Не было слышно ничего – ни гудков, ни щелчков – про-

сто радиосум. Они одновременно подались вперёд, поднося уши к динамику. Вдруг на том конце ответили.

– Трейд? Вот уж неожиданность! Мы думали, они всё пронюхали и расправились с тобой, как ты выбрался? Трейд? – скрежетал голос неопределённого пола в трубке. Мальчики переглянулись. Джейсон так побледнел, что на его лице невозможно было отыскать губы. Этот искажённый голос явно напомнил ему что-то страшное, но он тотчас же взял себя в руки.

– Скремблер? – спросил Лютер одними губами. Джейсон пожевал щёку, кивнул.

– Встроенный, – шепнул он.

– Алло? – В трубке повисло молчание.

Лютер закрыл глаза и набрал полные лёгкие.

«Была не была».

– Прости, пришлось залечь на дно, – произнёс он первое, что пришло в голову.

– Когда сможешь доставить носитель в условленное место?

– Сегодня, – ответил мальчик. – Напомни, какое из мест ты имеешь в виду?

– Что? – после секундного замешательства взвизгнула трубка. – Кто это? Чё-о-о-орт!..

В динамике раздался пронзительный писк.

– УСТРОЙСТВО ДЕАКТИВИРОВАНО, – проговорил робот женским голосом. Экран погас. В телефоне что-то за-

шипело, и наружу из щелей в корпусе повалил сизый дым.

Электронная точилка со скрежетом прикончила остатки карандаша, который Хьюго силой вогнал в её направленное к потолку отверстие. Довольный полученным результатом, помощник детектива наколол подушечку пальца на торчащий из ластика острый носик грифеля, сдул с него стружку и аккуратно пристроил своё творение в ряд к дюжине других подобных карандашных огрызков, вынимая из стаканчика новый тупоносый карандаш.

– Какие новости от наших сегодняшних свидетелей? – спросил Маркус, откладывая в сторону бессчётное количество раз просмотренный план дома Форсов, испещрённый пометками криминалиста. – Есть хоть что-то?

– Как по мне, Маркус, – Хьюго упёрся обеими руками в ластик и расправился с очередным карандашом, – этих паразитов уже давно пора привлекать за лжесвидетельствование. Они тупо пересказывают телевизионные сообщения. Какого чёрта вообще этим журналистам всё так быстро становится известно? С какой жопы у нас в участке информация течёт?

– Завтра снова навестим Стенли, – ответил Маркус, уже давно приноровившийся отсеивать из болтовни Хьюго весь мусор, принимая к сведению лишь важные слова. – С ордером.

– Я уже говорил, мне и без него всё понятно. – Хьюго за-

жал карандаш в кулаке и ударял им по ножам взывающей точилки. – Ставлю часы, что ты прозреешь, когда мы там пороемся.

– Ещё на прошлой неделе ты настолько же уверенно говорил о вине Форса. И у тебя нет часов.

– Молодой волк может позволить себе делать столько же промашек, сколько и попыток, он полон энергии, – Хьюго не глядя потянулся к стаканчику и вынул из него шариковую ручку. – А вот у таких стариков, как ты, прыти хватает только на один бросок, поэтому вы и крутите себе мозги, боитесь прогадать. И у меня есть часы, – он показал левую руку.

– «Сикей»? Часы с названием трусов, из каждой второй рекламы в журналах? Поэтому у тебя нет часов. Ты носишь на руке трусы.

– Да пошёл ты... Это... Это бренд.

– В мою молодость покупали вещи, а не названия.

– Сказал вскормленный коммунистическим дефицитом динозавр. – Хьюго почесал ухо шариковой ручкой. – Я никак не пойму. Вот ты считаешь, что Нейсон невиновен, хотя улики у нас на руках говорят об обратном. Говоришь, Герберт ни при чём, но мальчик указывает на него. Кто же тогда? Гипнотизёр, который им что-то внушил?

– Ни первый и ни второй. Кто-то третий, кем бы он ни был. Знаешь, в чём твоя проблема? Ты видишь только то, что происходит в данный момент. Суть, как и вся глобальная картина, тебя почему-то не интересуют. Пока всё было про-

тив Форса, ты винил его, теперь обвиняешь Стенли. А общая ситуация на данный момент такова, что либо они соревновались, кто первый убьёт семью Герберта, либо оба невиновны. – Детектив раскрыл самую широкую папку из тех, что лежали у него на столе, отгораживаясь ею от помощника. В этот момент Хьюго вонзил в точилку ручку, и та взорвалась чернильными брызгами.

– Твою суку мать! – Хьюго вскочил, пытаясь стряхнуть с руки чернильную перчатку. Взглянув на перепачканный синими кляксами костюм, он схватил точилку со стола и попытался швырнуть в стену. Мокрая от чернил ладонь соскользнула с гладкого пластикового корпуса, точилка, подключённая к сети, отскочила в обратную сторону и приземлилась на пол, ни на мгновение не прекращая своей работы и тихонько бряцая о паркет. Хьюго выбежал из кабинета.

Держа грязные руки перед собой, он спиной открыл дверь в туалет. Оказавшись возле диспетчера с бумажными полотенцами, он начал нервно вынимать их одно за другим, утирая чернила.

– Ну надо же, и боги сюда заглядывают! – провизжал у него за спиной мочившийся в писсуар полицейский, одетый в бронежилет. В свободной руке он держал защитный шлем. – Помощник самого Маркуса Кёнинга, вчерашний служащий криминального отдела Гарсиа собственной персоной!

– Здорово, Гарсиа, – раздался бас из кабинки.

Хьюго выдавил в ладонь сразу половину резервуара жидкого мыла и теперь тщательно втирал его в чернила. Фиолетовая пена стужками падала в раковину.

– Как первые недельки в детективном, амиго? – спросил полицейский, на ходу застёгивая ширинку. Он положил шлем рядом с соседней раковиной и начал лениво споласкивать руки холодной водой без мыла. – Слышал, все мазаные голубые, но думал, это не про цвет кожи говорят.

– Скажи мне, тебе язык ещё никто не ломал? – полушутя-полусерьёзно ответил Хьюго, снимая рубашку и подставляя пятна чернил на воротнике под струю горячей воды.

– Смотри себе об жопу Маркуса не сломай, – ответил полицейский, затягивая на подбородке ремешок шлема с опущенным плексигласовым забралом, по которому поползло несколько тяжёлых прозрачных капель. – Один хрен так и останешься до пенсии у него в подпевалах со своими данными.

Хьюго молча потрепал края воротника друг о друга в пенящемся кипятке. Полицейский подошёл к нему вплотную.

– На эту должность заявлялись ребята и получше тебя...

– Неужели? Ты, что ли, лучше был, Стью? – донеслось из кабинки.

– Я тебя насквозь вижу, – не унимался полицейский. – Думаешь, кто-то верит, что тебя за вот это в помощники взяли? – Полицейский ткнул пальцем в один из огнестрельных шрамов на спине Хьюго. – Заштопал пару дырок, и на тебе

повышение?

– Я тебе сейчас хлебало заштопаю. – Хьюго спокойно, но твёрдо опустил рычажок крана и посмотрел на полицейского. – Но ты, видимо, это предусмотрел и натянул себе на голову свой ссанный шлем. Чертовски умно с твоей стороны.

– Знаешь, Гарсиа, весь участок судачит о том...

– Стью! – гаркнул выходящий из кабинки Лукас.

– ...как Кёнинг лично ткнул пальцем в твоё дело... – продолжал Стюарт.

– Эй, Стью! – Лукас встал между ним и Хьюго, оттесняя первого от раковины. – Будь добр, подзаткнись маленько.

– ...Двадцать лет проработал без помощника и просто так взял испанца с фамилией шефа управления.

– Если считаешь, что дело в этом, то можешь прямо сейчас приложиться к моему члену, чтобы получить повышение! – Хьюго показал перепачканный чернилами средний палец, снова открыл краник и начал замывать манжету рубашки.

– Я твой рот наоборот, даго^{11*} ты вонючий! – Стюарт сплюнул под ноги и хлопнул дверью.

– Знаешь, все эти слухи о твоём переводе, это так... – начал было Лукас.

– Как отдел? – отмахнулся Хьюго.

– Всё как раньше, блюдем порядок, – ответил тот. – Вот

¹¹ Даго (англ. dago) – уничижительное название лиц испанской наружности (образовано от слова Diego).

сейчас поедем на подстраховку к нашим в Южный.

– В защитке? В Южный? – удивился Хьюго, подметив, что Лукас тоже был одет в защитную форму. – Там что, домохозяйки взбунтовались?

Лукас вытер руки бумажным полотенцем и направился к двери.

– Так ты ещё не слышал? – Он остановился в проходе. – Дом вашего подозреваемого подожгли.

Хьюго пулей вылетел из туалета, натягивая мокрую рубашку. Пиджак с удостоверением в кармане остался висеть на крючке.

Вой сирен оборвал сон. Очнувшись в освещённой восходом незнакомой комнате, я долго не мог сориентироваться, но когда это наконец удалось, и, как уже не раз бывало, стало понятно, что я нахожусь в доме Трейдов, а не в своей спальне, меня сбило с толку новое обстоятельство. Дисплей прикроватных часов высвечивал 3.49.

«Слишком рано для рассвета», – пронеслось в голове, прежде чем я увидел источник света.

То, что я изначально принял за солнце, оказалось пляшущими на окне отблесками пламени. Я отдернул штору. Коттедж Нейсонов полыхал. Как настоящий вулкан, он выплёвывал в ночь целые облака огня сквозь прорехи в крыше. У подножия этой пламенной громады суетились пожарные, подсоединяя неподатливые рукава к клапанам гидранта.

Проезжую часть перед домом заполнили неподвижные зеваки. Никто из них не рукоплескал слаженной работе пожарных, не снимал происходящее на камеры сотовых телефонов, не пытался прикрыть глаза от слепящего света. Все как один стояли с каменными лицами, точно солдаты на построении. Языки съедающего дом Нейсонов пламени отражались в их остекленелых зрачках.

Чем дальше я наблюдал за этими людьми, тем страшнее мне становилось. Они не показывали своей заинтересован-

ности происходящим и в то же время не спешили расходиться, будто чего-то ждали. Мне казалось, люди наблюдали за пожаром, желая удостовериться, что он ничего не оставит от коттеджа, а в противном случае они бросятся вперёд и закончат начатое пламенем. Пламенем, порождённым их же руками.

Эта догадка настолько сильно перепугала меня, что я отпрянул в сторону, боясь быть загипнотизированным огнём. Именно это и произошло с теми, кто стоял на лужайке Нейсонов. Отовсюду к дому шли люди, бросая машины на соседних улицах и шагая на свет пожара прямо через газоны и садовые участки, подходили к толпе и становились рядом, сливаясь с ней в один неподвижный организм. Они делали это против своей воли. Я настолько сильно убедил себя в этих мыслях, что уже не мог видеть в толпе внизу обыкновенных ротозеев. Моя уверенность переросла в окончательную убеждённость, когда пожарные вынесли из дома не подававшее признаков жизни тело Стенли. В этот же момент безмолвные люди бросились ровным строем вперёд, двигаясь синхронно, точно роботы. Их целью был не столько сам Стенли, сколько спасшие его пожарные. Толпа обступила их плотным кольцом, намереваясь вернуть огню то, что, по её мнению, ему должно принадлежать. Завязавшуюся на залитой пламенным светом лужайке борьбу попытались остановить патрульные, до этого беззаботно сидевшие в своих машинах напротив полыхающего здания, и полицейские в за-

щитной экипировке, расположившиеся по периметру участка.

Воспользовавшись суматохой, какой-то мужчина в мокрой рубашке схватил с пожарной машины жаропрочный плащ и нырнул в самое пекло.

Толпа не подпускала полицейских к избиваемым ею пожарным. Раздалось несколько выстрелов. К дому приближались новые «роботы».

В кабинет ввалился насквозь пропахший гарью Хьюго. Руки и лицо его почернели от пепла, а едва просохшую от пота рубашку в чернильных подтёках окончательно привели в негодность чёрные отпечатки ладоней. Направляясь к Маркусу, криво ступая на оплавившиеся подошвы туфель, он продолжал утирать об себя пальцы, зажимая их вывалившейся из-за пояса правой полочкой рубашки. Брюки у самых ступней были точно изжёваны, а на левой штанине чуть ниже колена обугленными краями болталась внушительная дыра, демонстрирующая при каждом шаге Хьюго его некогда волосатую ногу. Один только пиджак помощника детектива пребывал в неизменно идеальном состоянии. Его, как понял, Маркус, Хьюго оставил где-то, прежде чем решился войти в горящий дом.

– Надеюсь, оно того стоило? – Маркус протянул ему стоявший на столе стакан воды, который он наполнил перед самым уходом Хьюго, но так и не выпил.

Хьюго в два глотка осушил его и вернул Маркусу.

– Разумеется. Или я, по-твоему, с бомжами возле бочки тусовался? – Он швырнул детективу полиэтиленовый свёрток, подошёл к кулеру и неторопливо начал откручивать пустой резервуар.

Маркус подхватил на лету пакет для вещдоков и повертел

его в руках. Внутри поблёскивал отёкшими углами и крохотными алюминиевыми кнопками бесформенный сгусток пластмассы.

– Помнишь, малой говорил что-то про необычные голоса? – спросил Хьюго, поймав задумчивый взгляд Маркуса.

– Продолжай. – Детектив направил на свёрток настольную лампу и разгладил полиэтилен на ввалившейся внутрь пластика небольшой металлической табличке. На ней было выбито знакомое Маркусу название японского производителя цифровой техники – Куока. Однако он не имел ни малейшего представления, что это был за предмет. Во всяком случае, на кассетный плеер, который ему купили родители после переезда в Рош-Аинд, это мало было похоже.

– Вижу, незнакомая тебе вещица, – Хьюго, наконец, снял резервуар и теперь держал его под мышкой. – Это голосовой скремблер.

Хьюго водрузил полный резервуар на кулер, набрал новый стакан, залпом его выпил и начал набирать третий.

Детектив опустил взгляд на остатки скремблера, потряс рукой, точно взвешивая его.

– Голосовой что? – спросил он.

– Скремблер. – Хьюго взялся пальцами за кадык и подвигал его. – Меняет голос.

Маркус вновь посмотрел на устройство и покачал головой, цокнув языком, а затем сунул свёрток в боковой карман пиджака.

– Я в душ, – Хьюго вышел из кабинета.

Детектив подошёл к магнитной доске, на которой был закреплён составленный Джейсоном фоторобот.

– Так мы тебя и не нашли, таинственный Сэм Дуглас.

Маркус погасил настольную лампу Хьюго, оставив под ней свои наручные часы, и вышел из кабинета. В спину ему, покачиваясь от напольного вентилятора, смотрел освещённый лунным светом фоторобот.

Запись № 17

25 июня 2009

Лютер прав. Всё подстроено. Во всяком случае, всё не так просто, как кажется. Пол до сих пор может быть жив. Телефон, что он хранил в тайнике своего письменного стола, – ключ к тайне его исчезновения. Правда, нам не удалось выяснить, что это устройство собой представляет, кто его сделал и с кем через него можно связаться. Собеседник говорил о каком-то носителе, который мистер Трейд должен был ему передать. Судя по всему, речь шла о некоем носителе, может, о флешке или о диске. Понятия не имею, какого рода информация на нём могла храниться, да и вообще не понимаю, в каких делах мог быть замешан отец Лютера. Он – ведущий конструктор самой крупной компании в истории человечества, к развитию которой приложил все возможные усилия. Он отдал «Эмерсайзу» всю свою жизнь, по сути, компания является его детищем, таким же, как и детищем Лейнджа и Бьюри. Вряд ли Пол намеревался предать интересы «Эмерсайза». Что же тогда он хотел рассказать и кому? Ответить на этот вопрос мы не в состоянии. Жёсткий диск, который Лютер нашёл в гараже, был защищён от копирования настолько хитроумной системой, что домашний компьютер

Трейдов вышел из строя, как только мы соединили их кабелем. Записи в блокноте касались исключительно рабочих встреч Пола и не имели никакого отношения к его тайне. Письма также представляли собой лишь официальные запросы сторонних компаний на доступ к тем или иным обнародованным технологиям «Эмерсайза». И только рабочий журнал, последнюю страницу которого сфотографировал Лютер, может быть полезен. Последняя строчка, заполненная за день до официально озвученной смерти Пола, содержит упоминание о каком-то эксперименте:

19.04.2009 Ок. вер. 3.0 Оп. 16 – Конт. 55 мин. – стабил.

Судя по всему, речь идёт об устройстве или программе, обозначенной сокращением «Ок» и представляющей собой третью версию. Девятнадцатого апреля Пол провёл шестнадцатый опыт, названный контрольным, результатом которого стала 55-минутная стабильная работа. Что это может быть? Возможно, всё вертится вокруг этого эксперимента, вот только вряд ли бы Пол проводил какие-то серьёзные испытания дома, подвергая семью опасности. Скорее всего, это просто совпадение.

Мне до сих пор не даёт покоя просьба Пола, произнесённая им будто бы невзначай в тот день на платформе: «Скажи Лютеру, чтобы обязательно заглянул ко мне в кабинет минут через тридцать». Что он хотел ему рассказать? А может, передать?

Почему не позвонил? Почему буквально через минуту его назвали погибшим? Почему спустя два месяца в доме Трейдов появились те же люди, что стояли на платформе неподалёку от нашего квартала, когда раздался звонок Лютеру, из которого он узнал о «смерти» отца? Почему они повторно говорили о «смерти» мистера Трейда через два месяца? Все события, абсолютно все за эти два месяца, включая смерть моей мамы, превратились в одно большое «ПОЧЕМУ».

Почему я не рассказал до сих пор Лютеру об этой встрече с его отцом за мгновения до первых новостей о его «смерти»? Почему миссис Трейд прячет что-то от Лютера? И что она прячет? Что за таинственная коробочка лежала на полке среди рабочих журналов Пола? Лютер собирался это выяснить. Я рассказал ему о коробке, не мог не рассказать, ведь он и сам видел, как Анджела что-то забрала из стеллажа.

Не знаю, что находится в этой коробке, но мне кажется, что там ответы на все мучающие Лютера вопросы. Я бы тоже хотел заполучить такую коробку. Хотя... Она у меня уже есть. Мне срочно нужно пробраться в свой дом.

– ...И он убил её, убил бы и ребёнка, но что-то помешало ему. Я не называю имен, амиго, потому что это служебная тайна. – Хьюго описал в воздухе дугу зубочисткой с нанизанным кусочком томата.

Радио затрещало:

«Новые подробности чудовищного события, произошедшего в Южном Рошеме¹². По данным независимого источника, главный подозреваемый в деле семьи Форсов, Стенли Нейсон, сейчас содержится под стражей, однако обвинения ему ещё не предъявлены, и в участке он находится во избежание новых попыток самосуда со стороны жителей города. Напомним, что вчера ночью дом семьи Нейсонов...»

– Кончай насиловать мой тако и сворачивай, – томат вместе с зубочисткой полетел на пол, – и убери эту дурацкую ухмылку уже. Если бы вон тот толстяк подавился твоей стряпнёй, ящик рассказал бы об этом раньше, чем ты успел добегать до бедолаги.

– Просто кто-то работает, – он протянул Хьюго две порции, – а кто-то жрёт тако и срёт у меня на кухне.

– Мама твоя знает, что кухня стала твоей? – Хьюго обошёл

¹² Южный Рошем – один из пяти районов Рош-Аинда, наряду с Северным Рошемом, Синистрой, Фокусом и Восьмёрками (808).

прилавок. – Сколько я тебе должен?.. А, прости, несколько, я же спас твою задницу. Помнишь? В прямом смысле твою маленькую бронзовую попку, и прикрываю её от своих братишек из управления.

– За тако можешь не платить, но за информацию мог бы и поделиться премиальными.

Зазвонил телефон.

– Бывай, мой маленький стукачок, – Хьюго принял вызов, – да, Маркус?

Выработавший свой ресурс динамик усыпанного блестящими драгоценными камнями телефона противно затрещал. Хьюго же, казалось, не чувствуя абсолютно никакого неудобства от посторонних шумов в трубке, внимательно слушал собеседника и поедал взглядом зажатые в руке тако.

– Извиняй, старик, заскочил перекусить, успеем. – Он наклонился вперёд, чтобы взглянуть на циферблат проспороенных Маркусом часов, не поворачивая запястья и не опрокидывая вниз начинкой дымящиеся соком лакомства. Подметив, что он опоздал уже на пятнадцать минут, Хьюго в предвкушении сытной трапезы глубоко вдохнул аромат этого традиционного мексиканского блюда. – Не бзди, я уже лечу.

Он сунул телефон в карман и развернулся. Его рука налетела на стоявшего у прилавка мужчину лет сорока, изучавшего меню сквозь линзы своих круглых очков в узкой металлической оправе.

Реакция незнакомца удивила Хьюго. Мужчина, даже не

отшатнувшись, опустил взгляд на вымазанный соусом серый пиджак и поднёс к пятну слепо выхваченную из раздатчика салфетку, не проронив ни слова.

– Чёрт возьми, дружище, я был настолько увлечён телефонным разговором, что не заметил тебя, – улыбаясь вовсю, проговорил Хьюго.

Незнакомец лишь понимающе кивнул, промокая свою грудь очередной салфеткой.

– Эй, амиго! Включи в мой счёт... – крикнул Хьюго, подавая знак своему знакомому на кухне, и повернулся к незнакомцу. – Что вы собирались брать?

– Чаю. Только чаю.

– Сваргань-ка моему приятелю самого забубенного чайку, что водится в этой рыгаловке! – скомандовал Хьюго и вновь повернулся к незнакомцу. – Надеюсь, это исчерпает недоразумение между моими тако и вашим пиджаком.

Хлопок впечатал в пиджак новую порцию соуса. Незнакомец так же невозмутимо, как и в первый раз, снял его салфеткой, а когда поднял взгляд, Хьюго уже открывал спиной входную дверь, опрокидывая в рот остатки второго тако.

Оставшись наедине с грудой грязных салфеток и внезапно возникшим перед ним бумажным стаканом чая, источающего пряный запах, мужчина наконец осознал, что нет больше той уютной кофейни, которая находилась на этом самом месте ещё неделю назад.

Глядя на жующих на бегу посетителей, перешучивающий-

ся во весь голос персонал, летящий с кухни пар; слыша стрёкот мобильных телефонов, стук ножей и шипение жаровен, он поймал себя на мысли, что ошибся адресом, и это его по-настоящему напугало. Неужели память всё-таки начала его подводить? Протиснувшись к выходу, он забегал глазами по тротуару сквозь стеклянные стены заведения и не без облегчения обнаружил неподалёку от входа выполненный в коричневых тонах штендер со своим собственным именем: «Отто Голдхабер, психотерапевт, 2 этаж».

Доктор вышел наружу и нырнул в соседнюю дверь. Поднимаясь по лестнице, он беззвучно отглотнул чая со странным химическим привкусом. Нет, этот напиток не шёл ни в какое сравнение даже с самым дешёвым чаем из тех, что предлагала старая кофейня.

– Доброе утро, Чалис, – поздоровался он с секретаршей, ставя перед ней стакан. – Купил тебе чаю, правда, дрянь оказалась редкостная. Можешь вылить. Никаких новостей?

– Спасибо, доктор Голдхабер. Через час назначено миссис Вудс, но она не сможет прийти на приём, – крохотные пальчики молодой девушки забегали по страницам ежедневника. – После полудня у вас запланирована встреча с поверенными «Хамелеона». Да, и ещё, совсем недавно заходил полицейский, представился помощником детектива Гарсиа, вы буквально разминулись. Он настаивал на встрече по поводу одного из ваших клиентов, что ему передать?

Голдхабер запустил руку в карман брюк и методично пе-

ребирал что-то в нём.

– Доктор? – Чалис подняла взгляд. – Мне назначить Гарсия?

– Вот ты где... – Голдхабер извлёк ключ и вставил в замочную скважину. – Ни в коем случае. Пусть приносит судебное требование на предоставление нужных ему данных. Это всё, Чалис?

– Министерство направило нового пациента по квотам.

Голдхабер призадумался на мгновение, что-то подсчитывая в уме.

– Как, они полагают, мы выплатим эту ссуду, если к нам каждый месяц будут бедняков слать? – вздохнул он.

– У нас ведь нет проблем с рецептными бланками, – повела плечом секретарша, передавая ему пухлый жёлтый конверт со штемпелями министерства здравоохранения.

– Чалис, ты видела, что написано на входе? – Голдхабер вскрыл пакет и перебрал пальцами вложенное внутрь личное дело пациента. – Там есть слово «фармацевт»?

– Знаете, вы тот ещё формалист.

– Ванс Грэсон... – прочитал на обложке дела Голдхабер. – Ты так считаешь?

– Жуткий.

– Ну, кто-то же должен им быть, – улыбнулся Отто и скрылся за дверью, однако через минуту она приотворилась.

– Внесёшь его в расписание? – спросил выглянувший в секретарскую Голдхабер.

– По-другому мы не вправе поступать, таков закон. – Секретарша отняла от уха телефонную трубку и протянула доктору выехавшее из принтера расписание на неделю. – Уже, – шепнула она в ответ Голдхаберу и вернулась к телефонному разговору. – Всего доброго, помощник детектива.

– Спасибо, Чалис. – Голдхабер прикрыл дверь и швырнул конверт на письменный стол.

Хьюго выпрыгнул из транспортной капсулы перед главным входом центрального полицейского управления, где его уже ждали Маркус и трое незнакомцев.

– Помощник детектива, – поприветствовал мужчину средних лет в штатском, отрывая руку от своих залысин и протягивая её Хьюго. – Насколько вижу, пунктуальность вас не сильно обременяет, как и нашего шефа. Это Спэнсер из пожарного управления и Майк из полиции штата. Как видите, в сегодняшней процедуре будет больше формальностей, чем обычно.

Прозвучала серия хлопков от крепких рукопожатий, которыми присутствующие обменялись с Хьюго.

– Надеюсь, ваши ребята вчера были более расторопными? – спросил Хьюго, отпуская пухлую ладонь Спэнсера. – Не хотелось бы просеивать пепел в поисках улики.

Присутствующие коротко посмеялись.

– Именно этим нам и придётся заниматься, – проговорил Маркус, поворачиваясь к мужчине с залысинами. – Гарри, напомни мне, как много зацепок ты находил в таких случаях?

– Не припомню, чтобы попадалось что-то стоящее. – Гарри снова почесал остатки волос и открыл дверцу служебного автомобиля. – Зато бумаг подписывали – до жопы обло-

житься можно.

Трое мужчин сели в первую машину, Маркус и Хьюго двинулись следом на своей.

– Не многовато ли наблюдателей? – спросил помощник детектива, снимая полиэтиленовую обёртку с зубочистки.

– А чего ты ещё ждал? Скажи спасибо, что в республиканском управлении этот случай посчитали малозначимым и здесь только представитель полиции штата. – Маркус притормозил на светофоре бампер в бампер к впереди едущему автомобилю. – Открой бардачок.

Хьюго опустил крышку и достал небольших размеров полиэтиленовый свёрток. Внутри лежал чёрный несгораемый футляр.

– Это ещё на хрена?

– У тебя есть ещё какие-то идеи, как объяснить столь хорошую сохранность улики? – Маркус наклонился и захлопнул бардачок. – Где ты нашёл скремблер?

– На втором этаже, в комнате.

– Отлично. Происходить будет следующее. Перед тем как мы подойдём к остаткам дома, нас с тобой обыщут, это стандартная процедура. Поиск начнётся на первом этаже, по правилам все пятеро должны будут не выпускать друг друга из вида. Не скажу, что кому-то до этого есть особое дело, но перестраховаться всё же стоит. – Маркус выдержал паузу и с расстановкой продолжил: – Положи. Футляр. В трусы.

– Что, мать твою?! – усмехнулся Хьюго.

– Ты слышал. Пристрой его в паху, чтобы не болтался. – Маркус выдавил ухмылку с лица напарника продолжительным взглядом. – Я не имею ни малейшего представления, кто будет сегодня нас обыскивать. Обычно эта часть не соблюдается, но если попадётся какой-нибудь педант, то даже ты своими байками про родство с шефом его не переубедишь. Так что если всё пойдёт по предписанию, то я в своём возрасте спокойно позволю незнакомому мужику ощупать меня. Ты же...

У Хьюго зазвонил телефон. Он отклонил его в сторону от Маркуса, чтобы тот не смог увидеть дисплей.

– Важный звонок?

– Помощник детектива Гарсиа, – он принял вызов, скривив безразличную мину и помотав головой в ответ на вопрос Маркуса. – Слушаю.

Динамик противно заскрежетал.

– Вот как, – Хьюго помассировал виски. – А нельзя ли поступить как-то по-другому?.. Паскудство. Ладно, был рад услышать твой голосок.

– ...Ты же не сделаешь этого в любом случае, – продолжил Маркус. – В конце концов, улику нашёл ты, тебе и вертеться.

– Убедил. – Хьюго приподнялся с сиденья и не без труда просунул несгораемый футляр под тугую ремень. – Я так погляжу, ты далеко не новичок в подобных подтасовках, а? Часто приходилось подкидывать улики?

– В твоём случае лучше будет, если я научу тебя отмывать

доказательства, чем ты сам перепачкаешься и будешь выглядеть идиотом.

– Это ты вот сейчас к чему? – Хьюго прекратил поддёргивать брюки.

Маркус промолчал.

– Нет, ты скажи, что не так. Я хочу услышать от тебя, что ты мне предъявляешь, – завёлся Хьюго. – Думаешь, если ты такой крутой коп, ветеран, сечёшь во всей этой погрёботе, можешь меня как ребёнка воспитывать?

Маркус устало вздохнул, точно ему приходилось отвечать на заведомо глупые вопросы, ответы на которые сами собой разумеются.

– Я думаю, что ты держишь меня за круглого болвана, – ответил он. – По-твоему, я не вижу, чем ты занимаешься? Не замечаю, что ты работаешь над нашим делом, подключая посторонние источники? Я более чем уверен, что тебе именно по этому вопросу только что звонили.

– Ты, видно, думаешь, что я и журналистам всё сливаю? – оскалился Хьюго.

– Не исключаю. Расскажешь, как к тебе попал этот скремблер? У меня нет сомнений, что ты его нашёл в том доме, иначе бы я тебе сейчас не помогал. Вот только прежде чем броситься в горящий дом, ты должен был либо изначально знать, что именно и где тебе следует искать, либо быть полным кретином. А ты далеко не кретин. Кто твой информатор?

– Ты сейчас как шизофреник, Маркус. Хочешь знать, откуда мне стало известно про скремблер? Так вот, пока ты там извивался мокрицей в доме жёнушки Нейсона, изображая припадок или ещё невесть что, Синтия мне всё рассказала. Я просто умею работать с людьми, а ты... Ты как старый больной бешеный пёс, бросаешься на свежую кровь, едва почуяв, как она тебе в затылок дышит.

Маркус остановил машину напротив выгоревшего дома Нейсонов и мягко поднял ручник.

– Я просто не люблю воду... – Он отстегнул ремень безопасности и повернулся к немного успокоившемуся напарнику. – Рад, что справился там без меня. Теперь будем надеяться, что Синтия не пыталась таким образом подставить своего мужа. Хорошо спрятал?

– Насколько это было возможно, – бросил Хьюго, ощупывая промежность. – Как будто в штаны насрал.

– Спереди положи, господи, – нахмурился Маркус.

Хьюго запустил руку под ремень и переложил футляр. Его пах неестественно вздулся.

Они вылезли из автомобиля и оба потянулись, расслабляя напряжённые спины, но каждый по-своему.

– Знаешь, в чём разница между нами? – Маркус приоткрыл заднюю дверь, взял с сиденья кожаную папку и начал копаться в бумагах. – Я умею признавать свои ошибки, а ты ведёшь себя как капризный ребёнок. Но в одном ты отчасти прав. – Он достал ордер и извлёк его из файла. – Да, я уже пе-

режил свои времена соперничества, сделал себя, достиг своей вершины, и единственный соперник для меня теперь – мой собственный возраст. Я не изменюсь. У меня есть дело, я должен его закрыть. Ты же создаёшь суету и доставляешь неудобства. Если думаешь, что мне есть дело до твоей карьеры, ты ошибаешься. Воспитывать тебя я так же не намерен. Можешь идти по головам, хоть силой добиваться раскрытия своих собственных дел, выдумывать рапорты и делать подлоги. Но раз уж нас с тобой поставили работать вместе, чему я рад не больше твоего, то в общих делах мы будем действовать по моим правилам, без недомолвок. Притуши на время свои амбиции, иначе старый бешеный пёс вгрызётся в твою глотку. – Маркус вплотную подошёл к Хьюго. – Ты всё понял, амиго?

Хьюго выпятил вперёд грудь и засопел.

– Вот и молодец, а теперь побыстрее шевели своей задницей... Насколько это, конечно, будет возможно.

Голдхабер сидел в глубоком кожаном кресле, твёрдо уперев ноги в пол и положив одеревеневшие руки на подлокотники. Во всей его фигуре было столько напряжения, что, казалось, выбей сейчас кто-нибудь из-под него кресло – он бы так и остался стоять на согнутых в коленях ногах, даже не заметив случившегося. Вряд ли бы он заметил и пожар, вспыхни тот вдруг в его кабинете. Внимание доктора поглотил стенной календарь. И чем дольше он смотрел на него, тем больше возрастали усилия, прилагаемые им для поиска ответа на вопрос, который он задал себе ровно десять минут назад: что происходило в этот день в прошлом месяце?

Это уже давно переросло умственную борьбу, теперь она превратилась в физическую, и Голдхабер, как ему ни хотелось сознаваться себе в очевидном факте, проигрывал в этой борьбе. Ответ на мучивший во всех смыслах его вопрос был ему известен, вот только он не мог его озвучить. В памяти дикой сворой проносились сотни каких-то «бездомных» воспоминаний, потерявших ошейники с адресами своего проживания. Доктор знал, чем было заполнено воскресенье прошедшей недели, помнил, чем занимался в воскресенье две недели назад, не без труда восстановил события воскресенья трёхнедельной давности, однако даже не надеялся вспомнить, ни что он делал в воскресенье четыре недели на-

зад, ни чем занимался двадцать шестого мая.

Взгляд Голдхабера произвольно скользнул назад по строчке на десять дней от текущего и упёрся в 16-е число. Чем оно его привлекло? Доктор обводил глазами его снова и снова – 16. 1 и 6. Глаза описывали короткую вздымающуюся дугу, резко пикировали вниз, затем отталкивались от невидимой опоры и завершали стремительный нырок под себя тяжёлым прыжком, выводящим незримого акробата на максимальную высоту. 16. Все попытки были тщетны. Выбившийся из сил доктор мысленно извивался, раз за разом повторяя этот трюк, и когда, казалось, концентрация уже совсем иссякла, перед взором Голдхабера вдруг распахнулся яркий коридор, ведущий так далеко, как он и не рассчитывал попасть. Воспоминания вдруг упорядочились в огромную воронку, утянувшую его через этот коридор не на месяц и даже не на два, а на целых двенадцать месяцев назад. 16 июня прошлого года он точно так же смотрел в календарь в надежде вспомнить события минувшего месяца, когда в его кабинет вдруг зашли двое. Проблема, которая их тревожила, по странному стечению обстоятельств тоже была связана с календарями.

Доктор развернулся в кресле к огромному стеллажу за своей спиной и, немного поблуждав по нему взглядом, вытащил аудиокассету, датированную 16 июня 2008 года, из плотного ряда других. Поместив плёнку в проигрыватель, он снова уселся в кресло и принялся тщательно полировать

шёлковой салфеткой и без того чистые линзы очков, отчего те становились совершенно невидимыми.

Из динамиков длительное время слышались посторонние звуки – шорохи, скрипы обуви, хлопанье ящичков, а затем наступила продолжительная тишина. Как понял Голдхабер, именно в этот момент он занялся тогда ещё только входящим в его привычку рассматриванием календаря. Тишина была томительной, не слышалось абсолютно ничего, кроме ритмичного жужжания моторчиков внутри проигрывателя.

Внезапно в дверь постучали.

– Войдите, – послышался голос Голдхабера.

Щёлкнул замок, пискнули дверные петли, послышались шаги.

– Здравствуйте... – прозвучал женский голос.

Доктор, к своему удивлению, прекрасно вспомнил внешность посетительницы – каштановые непослушные волосы, которые, по-видимому, их хозяйка тщательно укладывала, но всё же не смогла одолеть, брови-галочки, глаза редкого цвета морской волны, узкий аккуратный нос и классической формы губы естественного цвета.

– Скажите, вы помните, что делали в этот самый день в прошлом году? – послышался его собственный голос.

– Н-нет, не думаю, – ответил с секундным замешательством хорошо поставленный мужской голос.

Его обладатель был наделён аристократической наружностью и так не вязавшейся с ней нахальной ухмылкой.

– Вот и я ни черта не могу вспомнить, – скрипнула кожаная обивка кресла, – а раньше мог. Я не консультирую семейные пары, но могу посоветовать хорошего специалиста.

– Отлично, пойдём отсюда, – не без облегчения проговорил мужчина.

– Мы к вам по другому вопросу, – сказала женщина. – Наш сын, он...

– За дверью? – оборвал Голдхабер.

– Нет, мы пришли одни.

– Вы ведь понимаете, что для назначения лечения я должен лично встретиться с пациентом?

– Нам не нужно лечение, скорее... Консультация. – Женщина немного помедлила. – И мы не хотим, чтобы Джейсон знал о нашем с вами разговоре.

– Присаживайтесь же наконец, – сказал Голдхабер. – Не беспокойтесь о двери, она не упадёт. Что же именно вы от меня хотите?

Доктор вспомнил, как в этот момент женщина отпустила ручку двери, за которую напряжённо держалась на протяжении всего разговора.

Замок защёлкнулся.

Судя по звукам, посетители прошли вглубь комнаты и уселись в кресла перед столом доктора.

– Он... Он начинает нас пугать.

– А по мне, с ним всё в порядке, – хмыкнул мужчина.

– Так, давайте для начала найдём отправную точку на-

шего разговора и пойдём по порядку, миссис...

– Форс, Дженнифер Форс, а это мой муж, Герберт.

– Дженнифер, Герберт, вы не будете против, если я включу запись? Это существенно облегчит мне работу. Нет? Отлично, так...

Послышался щелчок возле давно включенного микрофона.

– Запись пошла. Сегодня 16 июня 2008 года, 9 часов 42 минуты. Ко мне впервые пришли миссис и мистер Форсы для консультации по вопросу, связанному с их сыном... Джейсоном? Сыном Джейсоном. Прошу вас, изложите суть возникшей проблемы. Что за мальчик ваш сын, чем интересуется, сколько ему лет, что в нём вас тревожит?

– Джейсону четырнадцать. Он обычный подросток, ничем не отличается... Не отличался от сверстников. Увлечения? Даже не знаю...

– Он любит задавать вопросы, – подсказал Герберт. – Дьявольски много вопросов. Всему ищет объяснения, знаете, такой научный взгляд у него на всё. Но, как по мне, это даже хорошо.

– Но ведь эти его гипотезы... Он слишком серьёзно к ним относится, – не согласилась Дженнифер.

– Что вы имеете в виду?

– Совсем недавно Джейсон прочитал в научном журнале какую-то статью и стал вести себя странно, пассивно, что ли, как будто всё вокруг не имеет смысла.

– Поясните.

– Он уверен, что время бесконечно. Не абстрактное время, в космическом смысле, а каждое мгновение, – снова подхватил Герберт. – Иными словами, одни и те же события, по его мнению, повторяются, и он может их исправить. Неплохо для четырнадцатилетнего, а? – не без гордости произнёс он с интонацией, превращающей вопрос в утверждение. – Я нашёл в Интернете несколько подобных научных теорий...

– Прекрати, Герберт, это намного серьёзнее, – перебила его Дженнифер. – Вот вчера я захожу на кухню, а там Джейсон, забравшись на стул, пытается поймать бабочку заварочным чайником, на моих глазах теряет равновесие и падает. Чайник разбивается вдребезги, Джейсон шлёпается лицом в осколки... Когда я пыталась вызвать скорую, он посмотрел на меня безразлично и сказал: «Не волнуйся, мам, в следующий раз, когда снова буду ловить эту бабочку, я не поранюсь». Это совершенно ненормальная реакция для ребёнка.

– Ядро вашего беспокойства мне понятно, но я пока не стану делать никаких выводов, – с расстановкой проговорил Голдхабер. – Вы оба пытаетесь дать оценку его поступкам и словам, причём каждый свою. Моя же работа заключается в установлении механизмов мотивации и построения мыслей самим первоисточником, понимаете? Чтобы понять, всё ли в порядке с вашим сыном или нет, я должен

изучить его собственные мысли на этот счёт. Иных выходов для этого, кроме прямого общения с Джейсоном, я не вижу.

– О, совсем забыла, – сказала Дженнифер и, открыв молнию сумочки, немного в ней покопалась. – Может, это поможет? Это дневник Джейсона, он ведёт его уже давно, там есть записи и до перемен в его поведении, и после.

– Прекрасно, с этого стоило начинать. Давайте поступим так: я сейчас сниму с него копии и верну вам. Вы же придёте завтра в это же время, я внимательно всё изучу к тому моменту и смогу сделать определённые выводы.

Голдхабер остановил воспроизведение, отмотал плёнку назад и вернул кассету на место, поместив в проигрыватель следующую – за 17 июня 2008 года, однако воспроизводить её не спешил. Глядя на календарь, он с чувством глубочайшего удовлетворения восстанавливал в памяти прочитанные в дневнике мальчика записи, удивляясь тому, насколько легко всплывали из глубин его сознания эти воспоминания.

Мальчик описывал в дневнике свою жизнь, не упуская мельчайших подробностей, – все события, слова, собственные мысли были представлены в строгой последовательности, что для подростковых дневниковых записей обычно является редкостью. Доктор вспомнил, что его поразили этот порядок, в котором не было ни одной выбивающейся из заданной системы фразы. Дневник оказался составленным с фантастической скрупулёзностью, можно даже сказать, что

Джейсон делал это чрезмерно дотошно, и у него определён-но был талант к письму.

Что же касалось научных фактов, прочтение которых так сильно повлияло на его дальнейшее мировосприятие, то они были изложены в статье «Насколько далеко в прошлое мы способны заглянуть?», которую Джейсон от руки переписал в дневник, не вклеил вырезку, а старательно переписал, что говорило о крайней степени её осмысления мальчиком. Автор статьи приводил общеизвестный факт, что свету, ввиду ограниченности его скорости, требуется некоторое время для достижения наших глаз. Так, оглядываясь по сторонам, мы видим не такой мир, каким он является на данный момент, а такой, каким он был ничтожную долю секунды назад. И чем дальше мы находимся от объекта, на который смотрим, тем больше назад во времени заглядываем. В статье упоминалось о том, что от Солнца до Земли свет доходит за восемь минут и двадцать секунд, из чего вытекает, что мы видим не настоящее Солнце, а то, каким оно было восемь минут и двадцать секунд назад. В случае с Марсом это время составляет порядка четырнадцати минут. Масштаб рассуждений автора статьи увеличивался, затрагивая удалённые на десятки миллионов световых лет объекты – звёзды, которые мы видим сейчас, но которые могли уже давно прекратить своё существование. Далее упоминались объекты, столь отдалённые от нашей планеты, что свету от них для достижения Земли требуется едва ли не столько же времени, сколь-

ко существует сама Вселенная. Статья завершилась выводом о том, что мы всегда будем видеть прошлое Вселенной, но никогда не сможем увидеть её настоящее, и если уж где-то и есть разумные существа, то мы видим их родные планеты такими, какими они были до появления жизни на них.

Джейсон, после прочтения этой статьи, задумался над тем, что есть во Вселенной такие места, откуда видно, что он делал вчера, неделю назад, месяц, год, и так далее. Он предположил, что видимое на расстоянии прошлое вовсе никакое не прошлое, а настоящее, продолжающее существовать в бесконечности. А это значит, что все люди в нём способны мыслить и принимать решения, следовательно, поступать не всегда одинаково, наделены таким же свободным выбором, как и мы. Если бы было иначе, то и мы бы не имели никакого выбора, а поступали заранее предрешённым образом.

Голдхабер нажал на воспроизведение и отмотал запись на момент разговора с родителями Джейсона.

– Как я понял из дневника мальчика, он верит в то, что все прошедшие дни не прошли и все совершённые действия не совершены. Исходя из этих измышлений, он полагает, что переживает одни и те же события бесконечное количество раз, и всякий его поступок изменяем, а следовательно, не порицаем.

– То есть он?.. – Дженнифер не закончила вопрос, по-видимому, не желая произносить слово «сумасшедший».

– Я бы не сказал, что эти мысли порождены каки-

ми-то отклонениями, – ответил Голдхабер. – Однако сложно предсказать, к каким последствиям может привести такая фантазия. Мальчик, как и все дети в его возрасте, воображает, хоть и делает это несколько нестандартно. Я бы на вашем месте не беспокоился на этот счёт. Психически Джейсон здоров. Однако вы можете для перестраховки попросту подыграть ему.

– Как?

– Очень просто, можно найти массу способов. Не забывайте, что он прежде всего ребёнок, а вовсе никакой не учёный, хоть и может им стать со своим складом ума. Он, как и все дети, верит в чудеса, сказки, и его теория «совершаемого совершённого» лучшее тому подтверждение. Превратите эту мысль в игру. Вижу, вы не очень охотно верите мне, давайте сделаем вот что. Вы скажете Джейсону, что он прав в своих догадках, что мир действительно устроен настолько хаотично, хоть люди и привыкли этого не замечать. В своём дневнике он говорит, что боится реальности и не может понять, впервые ли он проживает каждый новый день или же делает это повторно. Отсюда и его странное поведение. Вот и скажите ему, что нашли способ обуздать этот вселенский беспорядок. Уверяю вас, он будет только рад это услышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.